

Руф Игнатъев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
(уфимский и оренбургский период)

Том VI
1875–1879, 1862, 1864 годы

Уфа – 2012

УДК 947(470.56)
ББК 63.3(2) 2р36-40Р
И 26

Составитель
доктор исторических наук М.И. Роднов

Игнатъев Р.Г.
И 26 Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период)
/ составитель М.И. Роднов. Т. VI: 1875–1879, 1862, 1864 годы.
Уфа [Электронный ресурс], 2012. 187 с.

Впервые публикуется собрание сочинений известного историка-краеведа XIX в. Руфа Гавриловича Игнатъева, труды созданные во время проживания его на Южном Урале (в Уфе и Оренбурге) и напечатанные в местных изданиях. В собрание сочинений вошли все выявленные работы Р.Г. Игнатъева – газетные публикации (корреспонденции, статьи, заметки), другие произведения. В шестой том включены работы Р.Г. Игнатъева, созданные в 1875–1879 гг., накануне отъезда в Минск и во время его пребывания в Белоруссии. Кроме того, добавлены несколько пропущенных работ Р.Г. Игнатъева начала 1860-х гг. Тексты Игнатъева приводятся в авторском, первоначальном варианте, с точным сохранением научно-справочного аппарата и наименования статей (первые тома размещены в Интернете на сайте «Роднов и его друзья»).

Для профессиональных историков, преподавателей, учителей, краеведов, всех интересующихся историей Южного Урала и сопредельных территорий.

УДК 947(470.56)
ББК 63.3(2) 2р36-40Р

© Роднов М.И., составление, 2012

Научно-публицистическая деятельность Р.Г. Игнатьева во второй половине 1870-х гг.

Вторая половина 1870-х гг. оказалась не простым периодом в судьбе Руфа Гавриловича Игнатьева (1818 г. р.). Историк-краевед приближался к своему 60-летнему юбилею, за плечами свыше 15 лет жизни и работы в Уфе, сотни публикаций в «губернских ведомостях» и в таких немногочисленных сборниках. К середине 1870-х гг. Игнатьев вышел на (очередную) вершину творческого пути, но... эта вечная беда России – не востребованность обществом¹. Громадный потенциал опытейшего исследователя в Уфе ценил только редактор неофициальной части «Уфимских губернских ведомостей» и секретарь местного губернского статистического комитета Николай Александрович Гурвич, не скупившийся на газетную площадь под игнатьевские статьи. И всё! Острое чувство собственной ненужности искало выход и Р.Г. Игнатьев, наладивший контакты с вятскими статистиками², начал переговоры с тамошним губернатором В.И. Чарыковым о переходе на службу в Вятку³. Анализ подшивок «Вятских губернских ведомостей»

¹ В 1876 г. Р.Г. Игнатьев даже просился на службу в Белебеевское уездное земство. «Действительный член Уфимского, Оренбургского, Пермского, Вятского и Тобольского Губернских Статистических комитетов, г. Игнатьев, заявил управе о своём желании служить по Белебеевскому земству, с принятием каких бы то ни было обязанностей, но преимущественно по статистическим занятиям. Условия его следующие: жалованья в год 700 руб., разъезды по уезду на бесплатных подводах, срок службы по контракту на два года. Предлагая условия, г. Игнатьев просит управу доложить их 2 очередному земскому собранию и о заключении онаго поставить его в известность. О чём управа и имеет честь доложить Белебеевскому земскому собранию на усмотрение, – присовокупляя, что труды почтеннейшего Руфа Гавриловича Игнатьева не были бы бесполезны для земства: – статистика, историческое, географическое и экономическое описание нашего уезда, которые он может составить – было бы драгоценным приобретением за ничтожную сравнительно плату, им за труд испрашиваемую» (Доклад Белебеевской земской управы 2-му очередному земскому собранию, № 39. Об определении чиновника Игнатьева на службу земства). Ходатайство Р.Г. Игнатьева было рассмотрено Белебеевским уездным земским собранием 8 октября 1876 г. «Земское собрание постановило ходатайство это отклонить» (Сборник Белебеевского уездного земства Уфимской губернии на 1877 год. Уфа, 1877. С. 95–96) (информация Г.Б. Азаматовой).

² См. в этом томе документы № 2 и 4 – результаты поездок Р.Г. Игнатьева в Закамье.

³ См.: *Роднов М.И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть.

показывает, что в то время там не было ни одного сколько-нибудь заметного историка-краеведа, и архивы древнейшего Вятского края манили Игнатьева возвращением к своим любимым темам – допетровской Руси, истории православия, изучению бесценных манускриптов.

В Уфе же Р.Г. Игнатьев буквально хватался за любой проект от климата до геологии (см. предыдущий том). И в марте 1876 г. в Уфимском губернском статистическом комитете обсуждали обращение Д.П. Европеуса. «Известный исследователь финско-венгерских языков» просил собирать сведения о географических названиях финно-угорского происхождения. Докладывавший об этом Н.А. Гурвич отметил, что в Уфимской губернии масса подобных топонимов, сославшись на труды Р.Г. Игнатьева, и предложил просить того взять на себя собирание подобных сведений и «независимо от этого, разрешить ему, члену Секретарю, пригласить, именем Статистического Комитета, все волостные правления, духовенство православное и частью магометанское, а также и другие известные ему по губернии лица, к собиранию и сообщению Комитету названий разных местностей и географических предметов». Кроме того, Р.Г. Игнатьеву разрешён бесплатный разъезд по губернии и «один открытый лист на имя Г. Игнатьева уже прислан в Комитет; кроме того Г. Игнатьев получает постоянный гонорар от Комитета в размере 120 р. в год, часть которых может быть выданы ему вперёд на расходы по поездке». Статистический комитет дружно согласился, поручив Игнатьеву заняться сбором сведений, выдав ему в счёт гонорара аж 20 руб., а Гурвичу разослать письма по волостным правлениям и иным адресам¹.

Так Р.Г. Игнатьев занялся очередной новой темой – топонимикой – к которой ранее практически не приближался. Весной 1876 г. начался сбор материала, результатом чего станет публикация работы «Названия вод, урочищ и проч., как памятники Югров в Уфимской губернии» (док. № 14–15 в данном томе), куда вошли сведения по трём уездам (Бирскому, Златоустовскому и Белебеевскому). Источниками послужили не только результаты поездок Игнатьева по северо-западной Башкирии, но и ответы волостных правлений и прочих «корреспондентов». Так, в примечании № 118 к статье «Названия вод, урочищ и проч., как памятники Югров в Уфимской гу-

Уфа, 2009. С. 19–22.

¹ Уфимские губернские ведомости. 1876. 8 мая.

бернии» историк записал о реке Ик (Ык), что «значения не знают». То ли он сам спрашивал у местных жителей, то ли в ответе из волости так сказано. Конечно, ничего про «югров» в этой работе нет, Игнатъев никаких финно-угорских языков не знал и в помине, зато здесь много информации о тюркских значениях топонимов. Скорее всего, в этой статье в основном представлено, так сказать, простонародное понимание / объяснение имён географических объектов. При всей наивности, с точки зрения современной науки, это была одна из первых попыток изучить топонимику нашего края¹.

¹ Из доклада Н.А. Гурвича: «Согласно циркуляру Центрального Статистического Комитета от 27 Января 1876 г. за № 128 и постановлению Комитета по докладу моему в журнале 5 Марта того же года, печатная копия с которого разослана была всем Гг. Членам и по всем Комитетам, собраны были сведения о географических названиях в разных местах губернии, с целью содействия изысканиям Г. Европеуса, относительно распространения финско-венгерских племён в пределах Российской Империи. – Сведения эти собраны ныне по всей губернии при содействии Г. Члена Игнатъева, который частью лично разведывал о них, частью же собраны им по сношению с некоторыми Волостными Правлениями, а не циркулярно, так как это ни к чему бы не повело, как обстоятельно изъяснено мною в докладе вышеозначенного журнала. – Кроме того, Комитет обращался о содействии в этом деле к православному духовенству и Мировым Посредникам; но это, к сожалению, весьма мало имело успеха, как изложено в докладе моём по журналу 19 Января текущего г.

Говоря собственно о мотиве поручения Центрального Статистического Комитета, можно считать дело выполненным, так как собранные Г. Игнатъевым сведения частью уже доставлены, 11-го Февраля, в Центральный Статистический Комитет, по предварительном напечатании их в №№ 33, 41, 43, 44, 45, 46, 49 и 50 1876 и № 1-м 1877 г. Уфимских Губернских Ведомостей, остальные же тоже будут напечатаны в Губерн. Ведомостях и доставлены в Центральный Статистический Комитет. – Но сведения эти имеют ещё немаловажное значение собственно для местной потребности – географического и топографического описаний губернии – и между прочим, для давно проектированного нашим Комитетом составления географического словаря. На этом основании позволяю себе вторично докладывать Собранию настоящее дело, с тем, что не признаёт ли оно целесообразным повторить обращение к православному духовенству и к некоторым лицам из магометанского, по указанию Г. Сочлена нашего, Оренбургского Муфтия, при этом полагаю, что по получении дополнительных сведений, можно будет уже разработать весь материал систематически, как в отношении географического и топографического объединения собранного сырого материала, слегка только сгруппированного Г. Игнатъевым по роду географического значения, так и для обобщения его затем с предположенным географическим словарём губернии.

При этом считаю долгом объяснить, что я счёл необходимым напечатать в Губерн. Ведомостях доставленные уже Г. Игнатъевым сведе-

Исследование было выполнено в сжатые сроки, в мае начали, а с № 33 от 14 августа в «Уфимских губернских ведомостях» уже публиковался материал. Кроме того, уже 16 мая 1876 г. на очередном заседании статистического комитета Н.А. Гурвич объявил план публикаций в «губернских ведомостях» – сначала издать ставшую библиографической редкостью работу Жуковского 1832 г., а затем «статью г. Игнатьева "Салават Юлаев, Пугачёвский бригадир" – интересный эпизод из той эпохи». Более того, Гурвич собирался «издать эти сказанные материалы отдельными брошюрами» по 300 экземпляров (по 20 авторам, 80 – обязательная рассылка и 200 штук в продажу). Хотя комитет согласился на издание¹, в свет вышла только первая книжка в 1880 г. (ранее опубликована в газете), а статья про Салавата была напечатана спустя многие годы Витевским в Казани уже после кончины Руфа Гавриловича.

Летом 1876 г., помимо разъездов по губернии для сбора материалов по топонимике, Игнатьев участвовал ещё в одном крупном проекте. В 1875 г. Уфимская городская дума приняла программу для собирания статистико-экономических сведений о Нижегородской слободе, пригороде Уфы. Сбор данных «посредством подворной переписи поручено было Думою, с вознаграждением, по рекомендации Г. Гурвича, г. Члену уфимского Статистического Комитета Р.Г. Игнатьеву, который выполнил эту работу, под руководством» Н.А. Гурвича в январе 1876 г. Затем Игнатьев «доставил... некоторые выписки из городских дел городской управы и уфимского Губернского Правления о заселении Нижегородской слободы». Итогом стала большая и интересная статья Н.А. Гурвича «Исторические и Статистические очерки Нижегородской слободы у города Уфы», в тексте которой явно чувствуется «рука» Руфа Гавриловича².

Из работ Р.Г. Игнатьева в 1876 г. выделяется большая статья «Заметки о церкви св. Троицы, прежнем Смоленском Кафедральном Соборе, в Уфе» (см. док. № 8 этого тома). Спус-

ния, в том же сыром почти виде, как они им доставлены, главным образом с целью обобщения их по губернии, в виду ожидания поправок и пополнения, а затем также с целью доставления их Центральному Статистическому Комитету в более скорректированном виде, так как они отвечают его требованию и в настоящем своём необработанном виде» (Общее Собрание Членов Уфимского Губернского Статистического Комитета, 27 Июня 1877 года. Б. м. и г. Отд. оттиск. С. 11–12).

¹ Уфимские губернские ведомости. 1876. 29 мая.

² Там же. 4 сентября (см. также номера за 11, 18 сентября).

тя десять лет после предыдущей большой работы (1866 г.)¹, историк вновь обратился к судьбе древнейшего храма Уфы. Сам по себе факт, что целых десять лет ведущий краевед не «прикасался» к главной историко-церковной реликвии Уфимского края весьма примечателен. В своей непрестанной борьбе за сохранение историко-культурного наследия, Руф Гаврилович, как своеобразный «архнадзор», вмешивался в дела православной епархии, которая, скорее всего, и закрыла ему доступ в Троицкую церковь для каких-либо исследований.

Лишь после того как в 1873 г. в журнале «Русская старина» опубликовали воспоминания лейб-хирурга Тарасова, подтвердившего негативную реакцию императора Александра I на уничтожение уфимских древностей, Игнатъев даёт жёсткую оценку местным Геростратам: «Подрядчик и рабочие, с весны 1824 года, работали неутомимо: сломали с правой стороны собора придел св. Николая чудотворца, уничтожили всё, напоминающее кладбище, пробили новые большие окна, сняли древнюю разноцветную черепицу с кровль и глав устроенных по примеру Московской церкви св. Василия Блаженного, повновили некоторые иконы». Игнатъев публично задавался вопросами: зачем было «отнимать от Смоленского собора его древнюю честь» и переводить его в разряд рядовых приходских церквей, тогда как во многих губернских центрах было по несколько соборов, зачем «было отнимать даже самое имя, освящённое ему, Смоленского?» Шестидесятник – Игнатъев активно вмешивается в церковные дела.

Ежегодно в своих статьях о поминании доблестных защитников Уфы во время Пугачёвского бунта Р.Г. Игнатъев постоянно говорит о судьбе Троицкой церкви. В 1876–1879 гг., даже находясь в Минске, он предлагает поставить возле храма памятник героям обороны города или хотя бы повесить мемориальную доску (док. № 6, 10), вернуть имя Смоленского собора обедневшей Троицкой церкви, приписав её к кафедральному собору (№ 8, 23, 30), включить имена руководителей обороны Уфы в церковный помянник (№ 26). Он резко оценивает ситуацию: «Обращение древнего собора, матери всех церквей Уфы, в приходскую церковь было делом крайне несправедливым, вопиющим; это был полнейший произвол самодурства

¹ *Игнатъев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / отв. ред. В.А. Лабузов, составитель М.И. Роднов. Т. I: 1859–1866 годы. Оренбург, 2011 (статья «Церковь свят. Троицы или старый (Смоленский) Собор в г. Уфе»).

доброе старого времени». Весьма резкие выражения в адрес официальной церкви и её местного руководства, даже в прошедшем времени.

Более того, в 1877 г. Р.Г. Игнатъев вывел дискуссию о судьбе Троицкой церкви на более высокий уровень. 30 мая в Московское археологическое общество, на имя председателя графа А.С. Уварова поступило письмо от члена-корреспондента этого общества уфимца Черникова-Анучина «с препровождением копии с записки о древнем Смоленском соборе в г. Уфе, составленной им совместно с Р.Г. Игнатъевым и поданной епископу Уфимскому Никанору в видах восстановления древней чести этого храма, обращённого в приходскую церковь. Черников-Анучин при этом просит передать Обществу, не найдёт ли оно нужным уничтоженные древности в Уфе внести в археологический синодик и не признает ли возможным сделать представление Св. Синоду о возвращении Троицкой церкви прежнего названия собора и о сохранении оставшихся древностей».

Московское археологическое общество не решилось беспокоить Синод по этому поводу, а обратилось к уфимскому епископу Никанору. Можно не сомневаться, что владыке не понравился «вынос мусора», предание гласности плачевной ситуации с древнейшей городской церковью. И 3 октября 1877 г. в Москву пришёл ответ от епископа Уфимского и Мензелинского, в котором тот информировал столичных археологов, «что известная своею древностью в г. Уфе приходская Троицкая церковь находится далеко не в таком жалком положении, как сообщили о ней жители города Уфы Московскому Археологическому Обществу. Церковь эта строением каменная, содержится прихожанами в должной чистоте и опрятности и как внутри, так и извне имеет вид приличный и подобающий храму Божию. Она достаточно снабжена ризницею и имеет даже благолепную утварь. К этому преосвященный присовокупляет, что с его стороны приняты будут все меры к поддержанию Троицкого храма и к охранению уцелевших в нём остатков древности»¹. Но Руф Гаврилович уже уехал из Уфы и его попытки обратить внимание общественности и властей на эту проблему оказались безрезультатными.

Благодаря усилиям именно Игнатъева в Уфе отмечалось

¹ Древности. Труды Московского археологического общества изданные под редакциею В.Е. Румянцова секретаря общества. Т. VIII. М., 1880. Протоколы заседаний Московского археологического общества. С. 7, 15.

поминовение героев-защитников города. И в 1881 г. священник Троицкой церкви Николай Соколов обратился с поучением «пред панихидою» 25 марта в день Благовещения «в память избавления города от пугачёвского погрома и для поминовения защитников города и всех положивших живот свой при заселении края». Речь простого священника открывает несколько иную картину, в сравнении с письмом епископа Никанора. О. Николай отмечал, что поминальная панихида «служится с недавнего времени, потому что забыто прошлое. Да и кому помнить? Здесь всё народ пришлый; многострадальная история нашего края никому не больна; всякий занят своей стариной, которую он привёз с своей хотя и русской, но далёкой отсюда родины; здешняя старина не интересуется переселившегося сюда ради службы или торговой выгоды. Площадь вокруг нашей церкви усеяна костями храбрых людей, умевших умереть ради общего блага, а у нас до сих пор нет ограды на этом почётном кладбище, ни памятника над прахом защитников. И нужно было семь лет, чтобы добиться какого-нибудь разрешения огородить никому не нужный клочёк земли вокруг церкви!»¹

Усилия Р.Г. Игнатьева по возрождению исторической памяти о героической обороне Уфы в 1773–1774 гг. всё же давали плоды². Тот же о. Соколов рассказал прихожанам историю пугачёвского бунта, перечислил руководителей обороны города – Борисова, Мясоедова, Пасмурова, Пекарского, Дюкова, о. Неверова, призвал паству держаться друга за друга и закончил следующими словами. «А теперь помолимся о упокоении убитых и умерших защитников города, не только за тех, имена которых мы знаем, но и за тех, кости которых безвестно поко-

¹ Уфимские епархиальные ведомости. 1881. № 11. 1 июня. С. 385.

² Так, согласно плану служения епископа Никанора, на 25 марта 1879 г., «по окончании богослужения в женском монастыре, Архиерей совершит в градской Троицкой церкви, прежнем градском соборе, – в память избавления г. Уфы, 25-го Марта 1774 года, от пугачёвского погрома, – панихиду с поминовением руководивших тогда защитою Уфы: Протоиерея Иакова (Неверова), бояр: Алексия (Никифоровича Борисова), Сергия (Ивановича Аничкова), Сергия (Стефановича Мясоедова), Козьмы (Козьмича Пастухова), Николая (Николаевича Пекарского), Иоанна (Афанасьевича Дюкова) и прочих, за веру и отечество живот свой положивших. Сослужащие: градский Благодинный Священник Михаил Светловзоров и местный Священник Николай Соколов» (Уфимские епархиальные ведомости. 1879. № 3. 1 апреля. С. 94).

ятыя вокруг нашего храма»¹.

Ну, а Руф Гаврилович, по всей видимости, уже к концу 1876 г. принял окончательное решение покинуть Уфу и перебраться в Минск, куда его звал губернатор В.И. Чарыков, переведённый туда из Вятки. Количество публикаций у Игнатьева в 1876 г. невелико. Он ждёт весны (зимой из Уфы уехать было крайне сложно, железной дороги не имелось) и с началом навигации, попрощавшись 20 апреля 1877 г. с коллегами – статистиками, Р.Г. Игнатьев перебирается в Минск, где становится редактором неофициальной части «Минских губернских ведомостей». Период его творчества в Белоруссии (примерно, май 1877 – декабрь 1879 гг.) принёс богатые плоды². Игнатьев не забывал ставшую ему такой родной Уфу, но, кроме юбилейных статей к 25 марта, прислал всего одну большую работу «Мавра Ивановна Муравина, уфимская римско-католичка» (см. док. № 27). Кроме того, в данный том вошли три работы (№ 31–33) Руфа Гавриловича, заинтересовавшегося личностью уфимского епископа Михаила (Доброва). Они как бы предвзвещают новый этап в творческой карьере Игнатьева, который начнётся в 1880 г., после возвращения его на Южный Урал.

В 1876 г. в общественной жизни края – Оренбургской и Уфимской губерний произошло важное событие, в Оренбурге появилась первая в регионе частная газета. Иван Иванович Евфимовский-Мировицкий (1839–1905), уже в 1873–1875 гг. возглавлявший в качестве редактора «Оренбургские епархиальные ведомости»³, сумел организовать выпуск еженедельного издания под именем «Оренбургский листок» – газеты общественной и литературной.

Первые годы жизни «листка» оставили самое яркое впечатление: интересные материалы и репортажи, присутствие художественной литературы вплоть до стихов и фельетонов. Для своего времени просто отличное издание. И буквально с первого номера в «Оренбургском листке» стали выходить сообщения из Уфимской губернии, редактор явно рассчитывал на подписчиков из сопредельного региона: статьи из Белебея и села Нагадак, Стерлитамака и Златоуста, деятельность уфимского земства, в № 8 перепечатка из «Санкт-Петербургских ведомостей» под названием «Колонизация башкирских земель»,

¹ Уфимские епархиальные ведомости. 1881. № 11. 1 июня. С. 382–386.

² См.: Роднов М.И. Судьба редактора. Часть II.

³ Сафонов Д.А. Периодика Оренбургского края. Вып. 1. Первые сто лет. Оренбург, 2004. С. 144.

в № 12 – путевые очерки «От Уфы до Златоуста». И, конечно, Руф Гаврилович Игнатьев не смог пройти мимо новой «площадки» для своих публикаций, в № 14, 31, 35, 52 «Оренбургского листка» печатаются его материалы, в том числе совместный с М.В. Лосиевским художественно-этнографический рассказ «Шайтановы мухи», а с № 39 от 19 сентября 1876 г. И.И. Евфимовский-Мировицкий начинает публиковать большую работу Игнатьева «Суд над бригадиром Аксаковым» (точная перепечатка). Вообще появление нового, «свежего» издания вызвало поддержку пишущей «братии», и в «листочке» выходят статьи за подписями «Уфимец», «Златоустовец», активно сотрудничал М.В. Лосиевский. Редактор частной оренбургской газеты, особенно с середины 1876 г., начал в широких масштабах привлекать историко-краеведческий материал, типа статьи А. Емельянова «Бурзянская Башкирия» в № 34.

И в следующем 1877 г. «Оренбургский листок» регулярно предоставлял свои страницы уфимским авторам. Кроме Руфа Гавриловича, успевшего дважды напечататься, здесь много публиковался М.В. Лосиевский, чьи художественные интересы пугали редактора «Уфимских губернских ведомостей» Н.А. Гурвича. В номере шестом выходит статья Лосиевского о ростовщике среди мусульман, в № 7 его же стихи, историческая работа из Табынска (упоминается Игнатьев) и корреспонденции других авторов: из Уфимского уезда – «Разбойник Илбай-Апук», в № 10 – материал о медике Дмитрие Яковлевиче Далматове, долго служившем в Уфе, в № 11 от 13 марта некто «Ф.» явил миру обширные стихи из 18 частей – «Картинки с натуры. (Из праздной жизни в Башкирии)», начинавшиеся так:

В стране Башкирии унылой,
Холодной, дикой и постылой...

В № 12 уфимский корреспондент «Проезжий» сообщал: «Апука поймали», в № 14 врач Гурвич отвечает про Далматова, в № 16 шлёт из Табынска материал М.В. Лосиевский, он вообще здесь много печатается – про Игнатьеву пещеру (№ 25), солнце и луну (№ 34), Ишпарсовскую волость (№ 42). Некоторые, видимо, его же материалы выходили под аббревиатурой «Л.» или «Л-сский». Именно последний в номере за 21 августа едко комментировал уфимскую действительность в стихотворной форме:

На горах прибельских
Роза не цветёт
Лишь репей злодейский
Всюду к платью льнёт.
Чортов Городиш[ко]
Блещет красотой:
Страшная грязища,
И во всём застой.
Каждый год собирают
В нём для мостовой,
Но куда девают –
Знает домовой!

Явно краевед сочинил. И в дальнейшем в «Оренбургском листке» выходило немало историко-краеведческих материалов: «Эпизод из первобытной истории при-уральского края» Н. Северного (№ 44 за 1877 г., есть ссылки на труды Игнатьева), «Тептяро-Учалинская волость» (№ 33 за 1878 г.), «Лето в Башкирии» – автор «Ж.» (№ 52 за 1878 г.), «Скопцы в Оренбургском крае» – автор «Буква Люди» (№ 52 за 1879 г.) и другие, но Р.Г. Игнатьев, находившийся в далёком Минске, статей не присылал. Не сотрудничал он эти годы и с «Оренбургскими губернскими ведомостями», где в крохотном неофициальном отделе царил полный мрак – пожары и кражи, изредка что-то из жизни статистиков¹. Тоска смертная. Не случайно Евфимовский-Мировицкий затеял собственную газету.

Зато Руф Гаврилович плотно сотрудничал с научной общественностью Оренбурга, как со статистиками, так и с отделом географического общества². Единственный «научный» ор-

¹ Неофициальную часть «Оренбургских губернских ведомостей» в этот период «вели» редакторы: И. Андреев – в 1877 г. (в отдельных номерах указывался редактор официальной части Батюшкин – № 21, 26), в 1878 г. и по № 16 за 19 апреля 1879 г. С № 17 за 28 апреля стоит подпись опять редактора официальной части М. Батюшкина, с № 31 – он редактор обеих частей газеты (официальной и неофициальной), как и в № 37. Но с № 34 за 25 августа 1879 г. и по конец года редактором неофициальной части ОГВ (исключая единичные номера) являлся А. Коропачинский.

² Ещё в 1866 г. Р.Г. Игнатьев делал пожертвования в библиотеку общества (Отчёт Императорского Русского географического общества за 1866 год / сост. Ф.Р. Остен-Сакеном. СПб., 1867. С. 115). Можно предположить участие Р.Г. Игнатьева – единственного археолога – и в других проектах. Так, «в 1876 году была доставлена на выставку при III-м междуна-

ган в Уфе – губернский статистический комитет являл из себя зрелище малоподвижное и без неуёмного секретаря Н.А. Гурвича он бы совсем усох. В Оренбурге было более интересно. Игнатъев предлагает Оренбургскому отделу географического общества несколько своих рукописей. Так, ещё осенью 1871 г. Руф Гаврилович «препроводил для напечатания в "Записках" Отдела статью под заглавием: "Раскольничьи секты в троицком уезде оренбургской губернии". К этой статье приложена карта». Рукопись передали для изучения в этнографическое отделение. На заседании 17 февраля 1872 г. было доложено, что статья Игнатъева о раскольниках, «по мнению отделения, представляет интерес исключительно местный и не содержит новых воззрений. В ней оказалось новым только несколько статистических данных, значение коих ограничено тесной рамкой; поэтому не полагается удобным поместить эту статью в наших "Записках"»¹. Можно допустить, что в Оренбургском отделе географического общества не пожелали связываться с подобной («острой») темой.

В конце 1872 г. (слушалось на собрании 22 ноября) Р.Г. Игнатъев извещал, «что он нанёс на карту Оренбургской губернии особыми знаками курганы, городища и остатки укреплений, и просит содействия Отдела для составления этой карты набело в том виде, как она может быть издана при "Записках" Отдела. Отдел, не выдав ни карты, ни статьи г. Игнатъева, к которой она следует, нашёл невозможным сейчас содействовать г. Игнатъеву в этом деле, тем более, что для означенных археологических подробностей, по его мнению, карта должна быть издана в большом масштабе, что едва-ли будет удобно для "Записок"». О чём и было сообщено автору. Тогда же Руф Гаврилович подарил Оренбургскому отделу свою рукопись киргизской (казахской) сказки «Очерк биографии киргизского богатыря Ир-Саин». Текст передали на рассмотрение члену отдела Н.М. Бекчурина, под руководством которого вос-

родном конгрессе ориенталистов составленная Отделом карта курганов, расположенных на землях Оренбургского казачьего войска», а в 1877 г. «была отослана на выставку при IV археологическом съезде в Казани каменная статуя» (Юркевич П. Краткая историческая записка о состоянии и деятельности Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества (за двадцатипятилетие 1868–1893 г.) // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 5. 1894 г. Оренбург, 1894. С. 35).

¹ Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 3. Оренбург, 1875. С. 11, 25.

питанник Оренбургской военной прогимназии Казбеков сделал «разбор её». Так как в Тургайской области тоже собирали киргизские сказки, было решено дождаться результата и сравнить с ними материал Игнатьева¹.

В январе 1873 г. в Оренбургском отделе рассматривали очередной «прожект» краеведа, который прислал «программу занятий, состоявшегося в Уфе, в минувшем декабре, лесохозяйственного съезда», обещал доставить ещё информацию, и предложил «устроить при Отделе сельско-хозяйственный и лесной музей», идею которого поддержали «все присутствовавшие на съезде гг. лесничие». Оренбуржцы поблагодарили, но от музея отказались из-за отсутствия помещения².

Но не все проекты Р.Г. Игнатьева отклонялись. В феврале 1873 г. на заседании Оренбургского отдела сообщали, что он «прислал свой очерк, под заглавием: "Тептяри в троицком уезде"». Рукопись передали на рассмотрение этнографам. Член отдела Н.П. Георгиевский 14 января 1874 г. докладывал, что статья Игнатьева не лишена интереса, но требует литературной и иной обработки. Рецензент предложил дать другое заглавие тексту, более соответствующее изложенному материалу, как «содержания нескольких рукописей татарской письменности, попадающихся у башкир и тептярей оренбургской губернии». Статью возвратили Игнатьеву с просьбой переделать³. Таким образом, изначально будущая работа «Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края» (см.: Т. V, док. № 35 собрания сочинений Р.Г. Игнатьева), видимо, носила несколько иной характер, относилась только к тептярям и в статье могли присутствовать общие сведения (исторические, статистические и пр.).

Игнатьев согласился на переработку текста и 15 мая 1874 г. редакционный комитет Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества в лице Э.С. Страшинского «представил порученную ему статью г. Игнатьева и объяснил, что им исправлены, по возможности, грамматические и смысловые ошибки, но очистить совершенно язык было невозможно, да и нет особой надобности, потому что рукопись

¹ Там же. С. 32–33.

² Там же. С. 38 (в конце 1873 г. Игнатьев прислал обещанную брошюру «Заседания лесохозяйственного съезда в г. Уфе, в декабре 1872 года» // Там же. С. 57).

³ Там же. С. 51, 80–81.

представляет интересные материалы в переводе с татарского, и в этом случае перевод нужно считать удовлетворительным, если он близок к подлиннику, что должно лежать на ответственности автора. Комитет согласился с мнением рецензента, а председатель просмотрел и исправил заключающиеся в рукописи ноты, причём утверждено следующее заглавие статьи: "Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев магометан Оренбургского края". И в "Записках" Оренбургского отдела (третий выпуск за 1875 г.) было решено этот материал напечатать, как и работу Игнатьева о вскрытии и замерзании вод¹. Названные публикации Игнатьева – редкий случай рецензирования и редактирования его трудов, недостатком их, видимо, следует признать торопливость, отсутствие «вычитки», обработки текстов, что было неизбежно для газетных материалов, которые с рукописных страниц сразу шли в набор.

Не имея поддержки в Уфе, Игнатьев попытался в Оренбурге реализовать свои давнишние планы по изданию трудов П.И. Рычкова. Ещё, 23 октября 1871 г. в заседании Оренбургского отдела Русского географического общества было заслушано обращение Игнатьева: «не найдёт-ли Отдел возможным перепечатать в своих "Записках" "Оренбургскую Топографию" Рычкова, составляющую ныне библиографическую редкость. Учёное достоинство этого сочинения, пишет г. Игнатьев, несколько не утратилось и в настоящее время, и как для издания этого труда нужно будет составить к нему предисловие, разные комментарии и дополнения, то г. Игнатьев предлагает для этого своё содействие. – Предложение это вполне заслуживает внимания, но поместить в "Записках" труд Рычкова признано неудобным, почему сочинение это могло бы быть издано не иначе, как отдельной книгой. При ограниченности средств Отдела, трудно определить: возможно-ли будет ему предпринять это дело. Для этого нужно, сообразиться с объёмом сочинения Рычкова, и потому постановлено: просить г. Игнатьева прислать Отделу, согласно его предложению, на некоторое время "Оренбургскую Топографию" Рычкова».

Руф Гаврилович отвечал, что «у него нет этого сочинения», и советовал обратиться к оренбургскому статистику П.Н. Распопову, «у которого имеется полный экземпляр "Топографии" Рычкова»². Отметим, что книга П.И. Рычкова была ред-

¹ Там же. С. 113.

² Там же. С. 11, 18.

костью даже в библиотеках ведущих краеведов того времени. Но, самое главное, оренбуржцы не отвергли идею переиздания трудов Рычкова и этот вопрос эпизодически поднимался в дальнейшем (в 1872, январе 1873 г.)¹, а 22 ноября 1872 г. Р.Г. Игнатъев проинформировал отдел, что крупнейший предприниматель, меценат, действительный статский советник И.Ф. Базилевский хочет пожертвовать 300 руб. на издание Рычкова и даже даст больше денег, если Оренбургский отдел возьмётся за публикацию рукописи П.И. Рычкова, находящейся в Академии наук в Санкт-Петербурге, под названием «Ландкарты и чертежи географические, на которых представляется Оренбургская губерния с смежными с ней местами». Игнатъев сумел уговорить спонсора и Оренбургский отдел решает обратиться в Академию наук с вопросом: как обстоит дело с трудами академика П.П. Пекарского, «имевшего в виду издать все сочинения Рычкова», и можно ли получить указанную рукопись («Ландкарты»). На общем собрании 15 ноября 1873 г. доложили, что ландкарту лучше издавать в Петербурге, пересылать такой ценный манускрипт не стоит, об этом сообщить Игнатъеву и Черникову-Анучину, чтобы они попросили Базилевского доверить кому-либо снять копию в Петербурге. В итоге «определено: ожидать последствий предприятия гг. Игнатъева и Анучина»².

На несколько лет дело застопорилось, Академия наук отказывалась высылать в Оренбург редкий документ, но Р.Г. Игнатъев получил от Академии согласие на копирование и весной 1876 г. он снова спрашивает Оренбургский Отдел Географического общества – «не может-ли он поручить кому-либо из членов скопировать в Петербурге "Ландкарты"... на эту работу г. Игнатъев переписется с пожертвователем И.Ф. Базилевским». На заседании 4 марта 1876 г. отдел постановил: «пользуясь пребыванием в настоящее время в Петербурге действительного члена М.Н. Лебедева, обратиться к нему с просьбою принять на себя труд руководства скопированием "Ландкарт", о чём уведомить г. Игнатъева, для немедленного сообщения жертвователю»³. И дело пошло: М.Н. Лебедев организует копирование, а И.Ф. Базилевский дал деньги. Орен-

¹ Там же. С. 37, 42.

² Там же. С. 33, 58–59.

³ Журналы заседаний Оренбургского Отдела Императорского Русского Географического Общества с 6-го ноября 1874 по 22 января 1877 года включительно. Оренбург, 1879. С. 56–57.

буржцы рапортовали: «Издание 300 экземпляров "Ландкарт" заказано г. Лебедевым, по поручению Отдела в картографическом заведении Главного Штаба и по всей видимости мы вскоре будем иметь его в руках»¹.

Задержала работу русско-турецкая война, но в январе 1878 г. обещали закончить работу и 1 марта 1879 г. на заседании Оренбургского отдела сообщалось, что военно-топографический отдел главного штаба отпечатал 300 штук ландкарт, хотя прислал только 200 экземпляров². Так, начатая во многом по инициативе Игнатьева эпопея с публикацией наследия П.И. Рычкова, принесла первые плоды. От самого же краеведа требовались комментарии, которые он, однако, так и не смог подготовить.

Игнатьев 26 ноября 1876 г. напоминал Оренбургскому отделу географического общества, что «15 октября 1877 года исполнится сто лет со дня кончины Петра Ивановича Рычкова», почему предложил заблаговременно подготовиться отмечать эту дату, как в 1873 г. поминали И.И. Неплюева, для этого Игнатьев обещал предоставить все имевшиеся у него сведения. В январе 1877 г. Игнатьев, «приступив, согласно обещанию, к составлению биографии Рычкова», просил опубликовать в ведомостях обращение к родственникам Рычкова, чтобы они предоставили сведения о своём великом предке. Отдел,

¹ Там же. С. 82–83; «Действия Оренбургского Отдела в истекшем [1876] году были в большинстве совершенно парализованы крайним недостатком денежных средств. Лишь благодаря просвещённой щедрости действ. ст. сов. И.Ф. Базилевского, изъявившего согласие пожертвовать соответствующую сумму, Отделу удалось осуществить ныне давнишнее своё желание: издать рукопись местного деятеля прежнего времени П.И. Рычкова, под названием: "Ландкарты и чертежи географические, на которых представлена Оренбургская губерния со смежными с ней местами..." 1755 года. Рукопись эту, хранившуюся в Императорской Академии Наук, последняя благосклонно доверила уполномоченному Отделом действ. члену М.Н. Лебедеву, бывшему весной нынешнего года в С.-Петербурге, и г. Лебедев вошёл в соглашение с картографическим заведением Главного Штаба о напечатании её фотолитографическим способом в количестве 300 экземпляров. По отзыву г. Лебедева, можно надеяться, что издание это, состоящее из 12 карт большого in folio и 20 страниц такого же размера текста, вскоре будет уже готово к выходу в свет» (Отчёт Императорского Русского географического общества за 1876 год / сост. В.И. Срезневским. СПб., 1877. С. 70).

² Журнал обыкновенного собрания членов Оренбургского отдела Русского географического общества [за 1877–1879 гг.]. Отд. оттиск. Б. м. и г. С. 14, 54.

правда, посчитал это неудобным и решил установить личные контакты¹. В марте Игнатъев прислал адреса потомков П.И. Рычкова, полученные им от благочинного 1 округа Бугурусланского уезда протоиерея Фёдорова: «1) в родовом имении Рычковых, селе Спасском, проживает племянница жены последнего владельца, А.П. Рычкова, Любовь Ивановна Малакиенко; 2) Дмитрий Николаевич Рычков – в Петербурге (точный адрес следует узнать от управляющего его имением в селе Верхосулье бугульминского уезда); 3) Константин Иванович Рычков, уездный предводитель дворянства – в г. Бугуруслане; 4) Леонид Иванович Рычков, председатель уездной земской управы, – в г. Бугуруслане; 5) Андрей Иванович Рычков, отставной юнкер – в дер. Никольской бугульминского уезда». Отдел постановил – вступить в переписку².

Хотя к маю 1877 г. Р.Г. Игнатъев прислал в Оренбургский отдел «Ежемесячные сочинения» академика Миллера за 1762 г. (книги 1 и 2, где размещена «Топография» Рычкова), сообщил, что предисловие и комментарии к переизданию он пришлёт позже, на этом дело остановилось. Потомки Рычкова не отозвались, сам же Руф Гаврилович уехал в Минск, да и в Оренбургском отделе географического общества сменилось руководство и намечавшийся 15 октября юбилей Рычкова почти не отметили. Получив же в феврале 1879 г. ландкарты, в отделе постановили связаться с Игнатъевым: «в каком положении находится его труд по составлению комментариев к "Топографии" Рычкова, к которой "Ландкарты" предполагалось прежде издать в виде приложения»³.

Вот как сообщалось об этом в отчёте географического общества. «По предложению члена-сотрудника Р.Г. Игнатъева, задумавшего дополнить биографию Рычкова сведениями, имеющимися в фамильных бумагах его потомков, Отдел сносился о том с пятью находящимися в живых, родственниками этого почтенного деятеля, чтобы иметь возможность достойно почтить тем память покойного, в день 15 октября минувшего года, завершавший собою столетие со времени смерти Рычкова. К сожалению предприятие это вполне не удалось, по мно-

¹ Журналы заседаний Оренбургского Отдела Императорского Русского Географического Общества с 6-го ноября 1874 по 22 января 1877 года включительно. С. 70, 78.

² Журнал обыкновенного собрания членов Оренбургского отдела Русского географического общества [за 1877–1879 гг.]. С. 3.

³ Там же. С. 10, 31, 54.

гим неблагоприятным обстоятельствам. Неполучение никакого ответа от потомков Рычкова, переезд г. Игнатьева на жительство в г. Минск, перемена и выезд из Оренбурга лиц, стоящих в главе администрации Отдела, – всё это сделало то, что день 15 Октября прошёл бесследно. Лишь одному г. Витевскому, бывшему преподавателю Уральской Гимназии, удалось публично помянуть покойного в его статье, напечатанной в № 40 "Оренбургского листка".

К этой неудаче присоединяется и замедление в издании как вышеупомянутых "Ландкарт" Рычкова, в которых Отдел желал видеть вещественный памятник ему к юбилею, так и "Оренбургской Топографии", для которой от Р.Г. Игнатьева ожидаются составляемые им комментарии¹.

Кроме того, Оренбургский губернский статистический комитет в 1877 г. издал первый выпуск своих материалов, где в хронологическом перечне событий с 1556 по 1875 гг. есть несколько ссылок на игнатьевские работы в «памятных книжках» и вообще явно влияние его хронологии, незадолго до этого изданной в Уфе в 1873 г. Например, здесь также приводится ошибочное утверждение, что в 1843 г. «в Уфе начинают издаваться Оренбургские Губернские Ведомости»². А в библиографическом указателе трудов по Оренбуржью в разделе «издания периодические» упоминаются многочисленные статьи Р.Г. Игнатьева в губернских и епархиальных «ведомостях» по 1875 г. (некоторые без указания его авторства)³.

Постепенно сокращались контакты Р.Г. Игнатьева с Московским археологическим обществом, после 1872 г. активных археологических исследований он уже не проводил. Так, 18 марта 1874 г. на заседании Московского археологического общества обсуждалось его письмо, «в котором он изъявляет готовность прислать в Общество объяснительный текст к археологической карте Уфимской губернии, составленной г. Черниковым-Анучиным. При этом письме приложены объяснения трёх слов для археологического словаря: "Панагиар", "Чин па-

¹ Отчёт Императорского Русского географического общества за 1877 год / сост. В.И. Срезневским. СПб., 1878. С. 120.

² Матерьялы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Вып. I. Оренбург, 1877. Хронологический перечень событий, относящихся к местности нынешней Оренбургской губернии, с половины XVI века до настоящего времени. С. 24, 30, 45.

³ Там же. Библиографический указатель сочинений и статей, касающихся нынешней Оренбургской губернии. С. 66, 68–71, 74, 75, 88–89.

нагии" и "Теремец". Статьи Р.Г. Игнатьева были переданы в Редакционный комитет общества, пояснения к карте будут ждать. К заседанию 18 октября 1874 г. в Москву пришли письмо Игнатьева «с препровождением следующих статей для археологического Словаря: Бениг, Еремеев (Игнатий), Макеев (Илья), Изограф, Огневики, Феатрон и Сафяне» (переданы в Редакционный комитет), а также письмо Черникова-Анучина¹, «в котором он, препровождая составленную им археологическую карту Оренбургской губернии по тексту Р.Г. Игнатьева, просит Общество, если оно найдёт удобным, напечатать эту карту в издаваемых им "Трудах"» (карту решено было рассмотреть в Редакционном комитете «по доставлении объяснений, обещанных Р.Г. Игнатьевым»)². В апреле 1875 г. он благодарил Московское археологическое общество за присланные выпуски трудов³. В январе 1876 г. от Игнатьева поступила рукопись для археологического словаря «Четыре городища», а в феврале его работа «Суд над бригадиром Аксаковым»⁴. С ноября 1878 г. в трудах Московского археологического общества пошли уже минские материалы Игнатьева.

Руф Гаврилович, отправлявший статью ещё на первый археологический съезд в России в 1869 г., наверное, был воодушевлён, узнав, что четвёртый археологический съезд решено провести в соседней Казани в 1877 г. Когда в Уфимском губернском статистическом комитете в 1876 г. получили информацию о съезде, все поручения по этому вопросу передали Игнатьеву, который составит «ответы на некоторые вопросы, которые препровождены в Предварительный Комитет 4-го Археологического съезда». А депутатом на съезд естественно был назначен Руф Гаврилович, «согласно изъявленному им жела-

¹ А.В. Черников-Анучин избран в члены-корреспонденты общества 30 января 1875 г. (Древности. Труды Московского археологического общества, изданные под редакцией В.Е. Румянцова, секретаря общества. Т. VI, вып. II. М., 1876. С. 38).

² Древности. Труды Московского археологического общества изданные под редакцией В.Е. Румянцова, секретаря общества. Т. VI, вып. I. М., 1875 [М., 1876]. Протоколы заседаний Московского археологического общества. С. 4-5, 15.

³ Древности. Труды Московского археологического общества изданные под редакцией В.Е. Румянцова, секретаря общества. Т. VII, вып. I. М., 1877. Протоколы заседаний Московского археологического общества. С. 6.

⁴ Там же. Т. VII, вып. II. М., 1878. Протоколы заседаний Московского археологического общества. С. 17, 21.

нию и как специально занимавшегося археологиею нашего края; что же касается посылки предметов для выставки, то до настоящего времени у нас не составила ещё надлежащей коллекций археологических и этнографических предметов»¹.

Вероятно, Р.Г. Игнатьев принял участие в сборе материалов для выставки, которую развернули при 4-м археологическом съезде в Казани. Среди экспонатов упоминаются: «№ 46. Образцы Башкирских тканей, собранных Уфимской губернии в уездах: Белебейском, Мензелинском и Бирском. Коллекции собраны исправниками Уфимской губернии», 16 образцов тканей поступили из Белебеевского уезда (указаны вид и дерева), из Бирского прибыли экспонаты № 17–57 выставки. Отмечено также, что «представляемая коллекция Башкирских тканей собрана исправниками Уфимской губернии, по ходатайству члена корреспондента IV-го Археологического съезда Р.Г. Игнатьева». Экспонаты собирались бесплатно, качество в общем скромное².

Четвёртый археологический съезд проходил в Казани в августе 1877 г. и, хотя Р.Г. Игнатьев упоминается в списке членов и участников съезда³ как представитель Уфимского и Тобольского губернских статистических комитетов⁴, лично он не смог посетить съезд (не упоминается среди участников дискуссии и разместившихся в гостинице). Как мы знаем, в апреле 1877 г. Руф Гаврилович покидает Уфу и переезжает на новое место службы в Минск, оторваться от начатой в Бело-

¹ Общее Собрание Членов Уфимского Губернского Статистического Комитета, 27 Июня 1877 года. Б. м. и г. Отд. оттиск. С. 17–18.

² Указатель выставки при четвёртом археологическом съезде. Казань, 1877.

С. 83–84; Можно предположить, что они остались в Казани и выставлялись впоследствии. Так, сообщалось, что в коллекции есть экспонаты о башкирах: «Образцы тканей башкирского вкуса и изделия, собранные в различных селениях Белебеевского уезда Уфимской губернии» (Каталог выставки 1882 года общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1882. С. 49).

³ Труды четвёртого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. I. Казань, 1884. С. XVII; Труды четвёртого археологического съезда в России, бывшего в Казани, с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. II. Казань, 1891. Указатель личных и географических имён, встречающихся в I и II томах трудов IV археологического съезда. С. 15 (упоминается рукопись Игнатьева «О первых заселениях Русских и о борьбе их с туземцами в Уфимской губернии»).

⁴ Известия о занятиях четвёртого археологического съезда в Казани. Казань, 1877. С. 6, 10.

руссии обширной работы он не решился и в Казань на съезд не приезжал. Однако, по пути из Уфы, а ехал Игнатъев на пароходах, он остановился в Казани в мае 1877 г., где «встретился с Ильминским, Радловым и Витевским. С Витевским у Игнатъева была первая и, как оказалось, последняя встреча; больше они уже не встречались в жизни, хотя переписка их продолжалась до 1880 года. Означенные казанские деятели приняли Игнатъева очень хорошо. Они устроили в честь его обед, по окончании которого Р.Г. сел за фортепиано и сыграл несколько своих музыкальных произведений, а также башкирских и киргизских песен»¹.

В казанском археологическом съезде 1877 г. Руф Гаврилович участвовал заочно и... подвергся критике. Когда в ноябре 1876 г. в Уфимском губернском статистическом комитете обсуждалась поступившая программа 4-го съезда, в ней задавался вопрос о преданиях про первых русских заселенцев «и их борьбе с туземцами». Игнатъев «изъявил готовность составить ответную статью» на эту тему². Так как сам он не присутствовал в Казани на съезде, то присланную рукопись рассматривали 13 августа 1877 г. во втором отделении, посвящённом исторической географии и этнографии. Профессор Е.Е. Замысловский из петербургского Историко-филологического института доложил о поступивших статьях и рефератах. Их было много и профессор начал «с тех двух рукописей, которыми едва ли можно будет воспользоваться». Вторая как раз принадлежала «Р.Г. Игнатъеву: "О первых заселениях Русских и о борьбе их с туземцами в Уфимской губернии"... Г. Игнатъев в начале своей статьи говорит о том, что он руководствовался "Топографией Оренбургской губернии" и "Оренбургскою историей" Рычкова, выписками из дел архивов бывших Оренбургской губернской и Уфимской и Исетской провинциальных канцелярий и местными преданиями в Уфимской губернии. Едвали, однако, автор воспользовался материалами, на которые сам он указывает. Его статья бедна содержанием и не соответствует своему заглавию, так как большая часть её занята рассказом о бунтах в пределах нынешней Уфимской губернии; источники не указаны, хронологические данные, или сомнительны, или не верны»³. Что представляла из себя рукопись

¹ См.: (Филоненко [В.И.] Руф Гаврилович Игнатъев // Вестник Оренбургского учебного округа. 1912. № 5. Уфа, 1912. Отд. оттиск. С. 5.

² Уфимские губернские ведомости. 1878. 4 февраля.

³ Известия о занятиях четвёртого археологического съезда в Казани. С.

Игнатьева – не известно, но, наверняка, узнав, он сокрушался, что взялся отвечать на вопросы организаторов съезда.

В шестой том собрания сочинений Р.Г. Игнатьева включены также пять работ начала 1860-х гг., пропущенных мною при составлении первого тома. По указателю В.И. Межова¹ приведены две статьи Игнатьева (док № 34–35) из еженедельного обозрения «Иллюстрация» за январь 1862 г., вышедших под редакцией И. Курочкина. Потом его сняли и, видимо, с новым редактором А. Бауманом Р.Г. Игнатьев не сотрудничал, так как политика издания сильно изменилась. В указателе В.И. Межова за 1863 г. указано, что «помещались в разных периодических изданиях корреспонденции из следующих городов» – Верхнеуральска, Оренбурга Уфы, Бирска². Это почти единственный случай, когда выдающийся русский библиограф Владимир Измайлович Межов попытался охватить всю провинциальную корреспонденцию, в дальнейшем из-за резкого роста числа периодических изданий в стране это было уже невозможно.

В начале 1860-х гг. Руф Гаврилович проживал в Зауралье и отчаянно старался не «выпасть» из научно-литературного «пространства», сотрудничая с некоторыми столичными газетами (см. том I собрания сочинений). В 1862 г. в Санкт-Петербурге начали выходить новые издания «Народное богатство» и «Северная почта» – газета министерства внутренних дел (редакторы А. Никитенко, Н. Варадинов, И. Гончаров). В последней появилось несколько статей из Оренбурга, встречались и перепечатки, среди которых в № 240 за 4 ноября 1862 г. был материал из «Московских ведомостей» Игнатьева, но без указания авторства. В номерах за 31 мая, 29 июня и 18 июля 1862 г. публиковался очень большой очерк «Оренбургский край», в начале которого редакция заявляла: «мы получили несколько писем из оренбургского края». Здесь приводились сведения по народонаселению, башкирскому управлению, реформах Безака, экономике, говорилось о киргизах и образовании. Но «сериал» продолжения не получил и остался аноним-

150–151.

¹ Библиографический указатель, вышедших в 1862 году, в России, книг и статей по части географии, топографии, этнографии и статистики / сост. В.И. Межов. СПб., 1864. С. 65–66.

² Библиографический указатель, вышедших в 1863 году, в России, книг и статей по части географии, топографии, этнографии и статистики / сост. В.И. Межов. СПб., 1864. С. 26–28, 30.

ным, подписи нет. По стилю не похоже на Р.Г. Игнатьева, как и в статьях за 1863 г. (из Уфы отправил корреспонденцию Вл. Тутолмин в номере за 11 июня 1863 г.).

В специализировавшейся на экономике газете «Народное богатство» в 1863 г. также вышло несколько статей из Оренбурга, которые были как анонимные, так и подписями: «Льготный казак», «Ив. Кручинин», Колмогоров, в «Санкт-Петербургских ведомостях» печатались «А. В. Д.», «Ф. и Ф. Л.» – видимо Ф. Лобысевич, С. Болотов и др. Даже в очень сложный период своей жизни, когда недавно демобилизованный, с не снятой судимостью, вынужденный зарабатывать трудом в золотодобывающей компании, Р.Г. Игнатьев был весьма разборчив в сотрудничестве с прессой. Он не опускался до простейших корреспонденций про урожаи и пожары ради «гонорария», он выискивал издания, где помещались статьи статистического, исторического, этнографического характера.

О непростой ситуации с провинциальной корреспонденцией Р.Г. Игнатьев и говорил в работе «Ещё по поводу провинциального безмолвия» (док. № 38 данного тома), опубликованной в московской газете «День». Руф Гаврилович не случайно обратился к сотрудничеству с этим изданием, которое в октябре 1861 г. организовал редактор и издатель Иван Аксаков. Программа «Дня» с самого начала включала обширный областной отдел, где уже в № 10 за 16 декабря 1861 г. появилась большая статья «Из Оренбургской губернии», автор М. Авдеев (Уфа, 24 ноября). И в дальнейшем в этом славянофильском издании регулярно появлялись материалы о нашем крае, причём нередко весьма интересного содержания. Так, некий «И.» из Калужской губернии представил работу «Е.И. Барановский и Я.А. Куприянов», где давалась положительная оценка деятельности в Оренбургской губернии гражданского губернатора Егора Ивановича Барановского. «Сохраняя строгую справедливость к интересам всех сословий, Е.И. Барановский снискал особенную любовь и популярность в народе, как Оренбургской, так впоследствии и Саратовской губернии, – которого нужды были особенно близки его сердцу; эти нужды он умел угадать и удовлетворить»¹.

Сначала Игнатьев повторно печатает в «Дне» материал о золотопромышленности (№ 37), а в № 31 за 1 августа выходит его вышеупомянутая работа о «провинциальном безмолвии»,

¹ День. 1863. 28 марта.

где он опять поднимает животрепещущий вопрос о состоянии провинциальной печати (см. его работы 1861 г., док. № 3 и 4 в первом томе собрания сочинений). В размышлениях Руфа Гавриловича сквозит жалоба на редакторов столичных газет, требовавших в первую очередь провинциальной «экзотики», «жареных фактов», а не серьёзного обсуждения насущных нужд народа. Увы, таковы были (и есть) запросы газетного рынка. А аксаковский «День» в 1865 г. приходит в упадок, с 1866 г. его было решено издавать в формате книжек несколько раз в году.

В шестом томе в приложении приводится переписка Р.Г. Игнатьева и М.В. Лосиевского, свидетельствующая насколько узок был круг гуманитарного сообщества в Уфе, а также статья «Флоров день, 18 Августа, в Уфе», которую предположительно можно отнести к творчеству Руфа Гавриловича, исходя из стиля и содержания работы.

Все труды Р.Г. Игнатьева даются в точном соответствии с оригиналом, с сохранением пунктуации и правописания того времени (исправлено лишь окончание родительного падежа).

М.И. Роднов

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУФА ГАВРИЛОВИЧА ИГНАТЬЕВА,
РАСПОЛОЖЕННЫЕ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ**

1875 год

№ 1. Опыт исследования базара в г. Кургане

(ст. действительного члена Тобольского статистического комитета Р.Г. Игнатьева)

Ярмарки, торжки и базары составляют, так сказать, периодическую торговлю в каждой местности и имеют, в экономическом и торгово-промышленном отношении, очень немаловажное значение. Ярмарки и торжки в сущности те же базары: здесь, кроме продуктов привозных, всегда сбываются раздробительно и местные произведения, в особенности хлеб, лесные изделия и скот. Официальные цифры о ярмарках, т. е. на сколько привезено и продано товаров, собираются собственно только о товарах фабричном, голантерейном и т. д., т. е. собственно о товаре привозном, не составляющем местного произведения. О приблизительно верной цифре сбыта хлеба мы здесь не имеем никакого даже приблизительного сведения, а между тем оно бы много выяснило, как численность, так и движение торговли хлебной и лесной. Сельские торговые периоды составляют: а) ярмарки, которые продолжаются несколько дней и никак уже не менее 2 дней; б) торжки, продолжающиеся 1 и 2 дня, и базары, продолжающиеся один или два раза в неделю в какой-либо местности. Базары даже в сущности продолжаются не сутки, а несколько часов, но непременно только в положенный день. Независимо базаров, установленных в городах и селениях в известные дни, бывает, в роде базаров, торг хлебом, лесными изделиями и проч., по воскресным и праздничным дням.

В 1871 году Уфимский губернский статистический комитет обратил особое внимание на точное исследование периодической торговли, как-то: ярмарки, торжки, базары и, в особенности, на хлебную, лесную торговлю и сбыт всякого рода местных произведений, для чего и выработаны особые формы для ярмарок, торжков и базаров. Это исследование, в прошедшем году, как члену Уфимского статистического комитета, поручено было мне произвести по всей Уфимской губернии; исследование это дало самые любопытные и до толе никому неизвестные данные о местной торговле.

Говоря собственно об исследовании базаров, как этот род периодической торговли повторяется в каждой местности, для того назначенной, каждую неделю и даже два раза в неделю, в больших городах привоз на рынки хлеба из ближайших селений даже бывает почти каждодневно; по этому, конечно, постоянное соби́рание сведений о базарах было бы затруднительно, но здесь должен иметь место способ приблизительных отдельных выводов, или так называемый способ – анкетный (enquetle). Этот способ должен быть применён к исследованию базарной торговли отдельными, примерными выводами, в определённые сроки, или в определённые периоды года, а именно: зимою, весною, летом и осенью. Зимою, особенно пред началом весны, на базарах бывает самая оживлённая закупка хлеба и лесных изделий, для предстоящего сплава; летние базары представляют только запрос домашней потребности; в рабочее время базары пустеют; осенью, особенно в Ноябре месяце, базары имеют значение частью торгово-промышленное и частью домашнего сбыта, но главное, что всего важнее, характеризуют степень нового урожая.

При исследовании каждого базара должны быть разрешены следующие вопросы: 1) из каких селений бывает подвоз и каких продуктов, что откроет нам отрасли промышленности каждого из этих селений; 2) средние цены каждого предмета, привезённого на базар; 3) общее, приблизительно, количество всякого предмета, привезённого на базар. Здесь должно заметить, что стоимость предметов не показывается, так как она может быть выведена из умножения количества предметов на средние цены; не показывается также, на какую сумму продано, так как на базарах почти всегда распродается всё привезённое. При исследовании базаров приводится в известность число лавок, балаганов, ларей, палаток, торгующих только во время базара, так как базары, особенно в городах, бывают всегда на торговых местах, где существует постоянная торговля из лавок (таковые лавки, постоянно торгующие, не считаются); после того приводится в известность число возов, с которых торговали, из которых селений приезжали на базар за покупками; чрез последнее мы узнаем, для каких местностей собственно служит базар, как для сбыта, так и для приобретения необходимых жизненных потребностей. Опыт в Уфимской губернии доказал, что таковое исследование базаров, именно на тех основаниях, без затруднения, может быть всегда производимо в каждой местности четыре раза в год, в

известные, как мы говорили, периоды времени, в городах – думами или хозяйственными управлениями, а в селениях – волостными правлениями.

Желая произвести этот опыт, в видах пользы статистики периодической торговли, в Тобольской губернии, я, в виде опыта, начал с г. Кургана, обратившись, с приложением формы и должного руководства при производстве такового исследования, в Курганское городское хозяйственное управление, и получил прилагаемый здесь результат исследования базара в г. Кургане, бывшего 8 июня, в субботу, так как в городе Кургане базары бываю́т по субботам. На базаре было 17 лавок с бакалеями и до 400 возов, с которых торговали. Покупатели были, кроме местных жителей, все из Курганского же округа, из селений: Курганова, Арбинской, Черемуховской, Фатер, Чаусовой, Смолиной, Рябковой, Сычѳвской, Моревской, Иковской, Надерина, Зайкова, Крапашина, Билярского и пр. селений, расположенных на расстоянии от г. Кургана от 3 до 30 и 60 вер. – Точно также, как увидим, и привоз продуктов из селений был на таком же расстоянии от г. Кургана. Но исследование произведено не в лучшее, напротив того в худшее время для базаров. Лучшее время бывает в Сентябре, Октябре и Ноябре месяцах, после окончания полевых работ; зимою, особенно когда установится зимний путь, базары бываю́т ещё лучше.

Исследование базара в г. Кургане, 8 июня, дало такой результат:

Привезено продуктов: муки ржаной до 20 возов или 500 пуд., продавалась от 20 до 26 к. за пуд, из селений: Фатер, Станеевой, Падеринского, Рябковой, Моревской, Галкиной и Чаусовой; пшеничной до 50 возов или до 1250 пуд., от 40 до 45 к. за пуд из Курганского, Честяковой, Фатер, Чаусовой, Пчилишевки, Падеринской и Мендерской¹; пшеницы 75 возов или до 1875 пуд., от 35 до 40 к. за пуд, ярицы 20 воз. или до 500 пуд., от 20 до 23 к. за пуд, – из Ракиевой, Менщиковой, Барабчи, Мостовской, Морайской, Носковской, Чаш, Моршинской и Степыней; овса 15 возов или до 125 пуд. от 50 до 65 к. за кадь или 4 пудовки, из волостей: Утечьей, Мостовской, Марайской, Смолинской и из селений тех волостей. Круп: просяных 3 воза до 70 пуд., 1 р. 25 к. за пуд, гречневых 2 воза до 50 п., 80 к. за пуд, ячных 1 воз до 25 п., 45 коп. за пуд, – из тех же мест; лесных материалов²: брёвен 7 штук от 1 до 3 р.,

¹ Продавалась из лавок местными жителями – прим. Р.Г. Игнатъева.

² Продавали местные жители после убойки скота – прим. Р.Г. Игнатъева.

10 шт. от 2 до 5 р.; драниц 1000 шт., от 2 до 6 р. за сотню; тѣсу 30 шт., от 30 до 40 р. сотня; плах 100 шт., от 60 до 80 р. за сотню; дров: берѣзовых 5 саж., от 1 р. 80 к. до 2 руб. за сажень; осиновых 3 саж., от 1 р. 50 к. до 1 р. 80 к. за саж.; сосновых 7 саж., от 1 р. 60 к. до 1 р. 90 к. за саж. – из окрестных г. Кургану деревень и ближайших к городу дач; смолы 30 бочек, от 25 до 35 коп. за ведро – из Веденской, Смолинской, Иковской, Салтосарайской и Мендерской волостей; дѣттю 12 бочек, от 70 до 85 к. за ведро – из Саламатовской волости и из Ишимского округа; мочала 10 пуд., от 2 до 3 р. за пуд – из Тобольского и Тюменского округов; верёвок пеньковых 12 пуд., от 4 до 4 р. 50 к. за пуд – из г. Тюмени; верёвок мочальных 500 штук, от 10 до 15 к. за шт. – из Тюменского округа; лагущек 200 штук, от 25 до 50 к. за шт.; чашек 100 штук, от 10 до 25 к. за штуку; ящер 30 пар, от 30 до 40 к.; колѣс 50 шт., от 50 до 1 р. 50 к. – из селений Курганского и Тюменского округов. Колѣс некованых до 50 скатов, от 2 до 4 р. за скат – из селений Падеринской и Смолинской волостей. Скот битый: рогатого 5 шт., от 35 до 50 р. за шт.; телят сосунцев 3 шт., от 2 до 4 р. за шт.; кур битых 25 шт., от 25 до 30 к. за шт. – из ближайших селений к г. Кургану. Мука крупчатая¹: 1-го сорта 50 кулей, от 7 р. до 7 р. 50 к. за куль; 2-го сорта 105 кулей, от 4 р. 50 к. до 5 р. 50 к. за куль; 3-го сорта 150 кулей, от 3 до 4 р. за пуд. Корчаг до 500 шт., от 10 до 15 к. за шт.; крышек и горшков до 3 т. шт., от 1 до 5 к. за штуку – из деревень Глинской и Чвалинской Смолинской волости. Кож деланых: дублѣных 18 штук, от 7 до 8 р.; сыромятных 35 шт., от 5 до 7 шт.; опойков 15 шт., от 4 до 4 р. 50 к. за штуку – из Смолинской вол., Курганского окр. сырых²: воловьих 3 шт., от 6 до 9 р. за штуку; конских 4 шт., от 4 до 5 р.; телячьих 3 шт., от 1 р. до 1 р. 50 к. Картузов до 300 шт., от 50 к. до 2 руб. за шт. – местного в г. Кургане шитья. Сапогов местной работы до 50 пар, от 2 р. 50 к. до 5 р. 50 к. за пару. Патоки 10 бочѣнков или 120 пуд., от 1 р. 25 к. до 1 р. 40 к. за пуд; сена 20 возов, от 1 р. до 1 р. 50 к. за воз; моху 10 возов, от 1 р. 25 к. до 1 р. 50 к. за воз, – из окрестных селений г. Кургана. Масла: коровьего до 15 пудов, от 6 до 8 р. за пуд; конопляного до 25 пуд., от 4 до 5 р. за пуд; льняного до 10 пуд., от 2 р. 50 к. до 4 р. за пуд, – из селений Смолинской волости. Рыбы свежей: окуней до 3 пуд., от 1 до 2

¹ Пшеничной и ржаной мукой торговали и местные жители – прим. Р.Г. Игнатъева.

² Из Ялуторовского округа – прим. Р.Г. Игнатъева.

р. за пуд; карасей до 18 пуд., от 80 к. до 1 р. за пуд; щук до 5 пуд., от 1 р. 50 к. до 3 р. за пуд; сухих карасей до 15 п., от 90 к. до 3 р. за пуд – из окрестных г. Кургана селений.

Жаль, что Курганское Городовое Хозяйственное Управление не везде обозначило селения, а только округа, откуда какой был привезён продукт, что, как мы сказали прежде, важно в том отношении – какая именно местность чем промышляет по периодической торговле. За всем этим, настоящее исследование базара в г. Кургане показывает нам предметы торговли, ценность каждого продукта, количество продукта, в силу чего можно сейчас же составить себе понятие о обороте базара по привозу продуктов и сбыту продуктов, так как продукты всегда почти разпродаются без остатка, если не на базаре, то на обратном пути, в ближайших к городу селениях. Затем ещё Курганское Городовое Хозяйственное Управление упустило из вида цены продуктов, продаваемых из временно, только лишь для базара, устроенных лавок, ларей, палаток и рогож, где торгуют бакалеями, чаем, сахаром, москательным, железным товаром и мелочами. Количество привоза, цена предметов дополнили бы собою цифру базара 8 июня в г. Кургане. Но настоящее исследование только опыт; в будущем всё это легко исправить и получить настоящее сведение о здешнем и каждом базаре вообще, по Курганскому или другому округу.

Сделав исследование базаров по городу и какому либо из округов Тобольской губернии, в четыре срока в году, можно сделать из таковых исследований, произведённых по той самой форме, как это сделано Курганским Городовым Хозяйственным Управлением, общий вывод: во 1-х о продуктах, какие именно и в какой период времени года и из каких именно местностей доставлялись на базары; во 2-х, как в разное время изменялись цены на продукты; в 3-х до какой степени увеличивалось и уменьшалось количество привезённых на базары продуктов. В последнем случае нужно знать, что препятствовало ходу базарной торговли – дурная ли погода или худые дороги, неурожай, или дороговизна в плате рабочим? Кроме того, есть много других условий, от которых зависит ход всякой передвижной или периодической торговли; эти условия случайные, но разъяснение их даёт много любопытных данных для торгово-промышленной статистики каждой местности.

На будущее время надеемся представить общий вывод оборота всех вообще базаров Курганского округа. Этот вывод всего лучше покажет важность для экономической и торгово-

промышленной статистики исследования базаров.

Базары городские и сельские относятся к категории малых ярмарок, и тем более сельские базары, куда привозятся не одни жизненные припасы, не одни разные местные изделия, но фабричный и другие товары, приобретённые торговцами на больших ярмарках, наконец везде, по целой России, существует особый класс торговцев этими товарами лишь по базарам своего уезда, или округа. Вот уже по одному этому базары – те же ярмарки и исследование их также важно для торгово-промышленной и экономической статистики, как и самых ярмарок. В прошедшем году, Уфимский губернский статистический комитет, по докладу г. секретаря своего Николая Александровича Гурвича, произвёл исследование базаров всей Уфимской губернии и впредь положил делать исследования эти весною, осенью, зимой, летом, так как время года имеет важное значение для предметов торговли, одни например продукты являются в такое, другие в другое время, наконец на базары имеют важное влияние состояние, в известное время года и по разным случаям, путей сообщения, близость в то же время к местам большой ярмарки.

Для опыта, по той самой форме, выработанной Уфимским статистическим комитетом, представляем исследование базаров в г. Кургане, произведённое Курганским городским хозяйственным управлением. Из этого исследования можно усмотреть предметы тамошней базарной торговли, из каких местностей и какие идут и в каком количестве продукты, ценность каждого продукта и цифру провоза. Базары в том отличаются от ярмарок, что всё, сюда привозимое, сбывается тут же, на месте, или же на пути обратного следования с базара, в селениях, близких к месту базара; следовательно, зная цифру привоза, мы знаем и цифру сбыта. Только привозимые на базары фабричный, бакалейный и т. п. товары, составляющие предметы постоянной торговли из лавок в городах и других местностях и ярмаркам, не распродают без остатка с одной ярмарки, или базара, а идут на другую ярмарку, или же на другой базар, но в городах, где постоянная торговля из лавок, базар, за редкими исключениями, состоит из привоза жизненных продуктов и разных местных изделий.

Мы бы желали произвести исследование базаров в четыре годовые периоды времени, по какому либо округу и потом представить краткие, но положительные выводы и извлечения из этих исследований, интересных для торгово-промышленной

статистики края.

Базар бывает в пятницу и субботу; исследование произведено в декабре 1874 года с 20 и по 27 число, во время существующей Рождественской ярмарки; всех лавок было 87, лавочек 118 и палаток 64; возов, с которых торговали от 3000 до 5000; приезжали на базар за покупкою с разных селений Курганского округа и из городов: Екатеринбург, Шадрин, Ишима, Ялуторовска и Тобольска.

Привезено: разного хлеба: целья ярицы до 1300 возов, продавалось от 23 до 25 коп. за пуд – из округов: Курганского, Челябинского, Ялуторовского и Ишимского. Пшеницы от 1800 до 2000 возов, от 45 до 53 к. за пуд – из тех же мест, но преимущественно из Челябинского уезда. Овса до 10000 кадей, от 60 до 70 к. за кадь – из округов: Курганского, Челябинского, Ишимского и Ялуторовского. Муки ржаной от 800 до 1000 возов, от 28 до 35 к. за п. – из тех же мест. Муки пшеничной от 400 до 600 возов, от 50 до 65 к. за пуд – из селений Курганского округа. Круп разных: ячной около 10 возов, от 60 до 75 к. пуд; овсяной около 5 возов, от 70 до 80 к. пуд; просяной от 35 до 50 возов, от 85 к. до 1 р. 20 коп. пуд; гречневой от 25 до 30 возов, от 90 до 1 р. 40 к. пуд – из тех же мест, а более из Челябинского уезда. Сена до 2000 возов, от 1 р. до 1 р. 50 коп. воз; соломы от 100 до 150 возов, от 25 до 35 к. воз; дров: берёзовых, осиновых и сосновых от 3000 до 4000 саж., от 1 р. 50 к. до 1 р. 90 коп. сажень – из Курганского округа. Мяса скотского около 50000 пудов, от 1 р. до 1 р. 40 к. пуд – из Петропавловского, Ишимского, Ялуторовского и Курганского округов. Мяса бараньего, русского и ордынского около 20000 пудов, от 60 до 70 коп. пуд – из тех же мест, но более из Курганского округа. Мяса свиного около 4000 п. от 1 р. 40 к. до 1 р. 60 к. пуд – из Курганского и Челябинского округов. Дичи разной: гусей до 1000 пар, от 40 до 50 к. пара; уток до 600 пар, от 35 до 45 к. пара – из Курганского округа; тетеревей до 2000 пар, от 8 до 10 к. пара; рябчиков гуменников до 1000 пар, от 12 до 15 к. пара – из Ишимского, Петропавловского, Ялуторовского и Курганского округов. Масла скоромного до 1500 пудов, от 5 р. 75 к. до 6 р. 20 к. пуд – из означенных мест. Сала: сырцу до 4000 пуд., от 2 р. 40 к. до 2 р. 60 к. пуд; топцу до 5000 пуд., от 3 р. 20 к. до 3 р. 50 к. пуд – из Петропавловского, Ишимского, Ялуторовского, а более Курганского округов. Кож: сырых конских до 10000 штук, от 2 р. 50 к. до 3 р. 30 к. за кожу – из Петропавловского и Ишимского округов и из сте-

пи киргизов. Коровьих яловых до 6500 штук, от 5 р. 50 к. до 9 р. – из означенных мест и самого г. Кургана. Овчин с русских и киргизских баранов до 17000 штук, от 75 к. до 90 к. за штуку – из Петропавловска, Ишима и Кургана. Масла постного: конопляного до 500 пуд, от 3 р. 50 к. до 4 р. 50 к. пуд; лённого до 300 пуд., от 3 р. 30 к. до 4 р. 20 к. пуд; рыжикового до 200 пуд., от 3 р. до 3 р. 50 к. пуд – из Курганского округа, более из Смолинской волости. Лошадей Ордынских из степи пригнано киргизцами и купцами до 500 штук и кроме того русских лошадей до 700 шт., от 30 до 75 руб. лошадь – из Акмолинской области. Семени: конопляного до 10000 пуд., от 35 до 40 к. пуд; лённого до 5000 пуд., от 33 до 40 к. пуд; рыжикового до 1000 п., от 30 до 42 коп. за пуд – из Челябинского, Курганского и Ялуторовского округов. Рыбы обской: осетрины 1000 пуд., стерляди 700 пуд., нельмы 1000 пуд. и моксунов 500 п. по 4 р. 50 к. и 6 руб. за пуд – из Тобольска. Рыбы солёной: нельмы 500 пуд., 4 руб. пуд; осетрины 300 пуд., 4 р. 30 к. пуд; моксунов 10000 штук, 25 руб. сотня; недомуксунков 20000 шт., 9 р. сотня; колезня 6000 шт., 4 р. сотня; пыжьяну 500 шт. 2 руб. сотня – из Тобольска. Рыбы из степи и местной ловли из озёр и речек: окуней свежих до 40 возов, от 1 до 2 р. пуд; щук свежих до 100 возов, от 1 р. до 1 р. 50 к. пуд; карасей и чебаков до 150 возов, от 60 к. до 1 р. 20 к. пуд – из Акмолинской области, Петропавловского, Ишимского и Курганского округов. Мочала и лыка до 200 пуд., от 1 р. 50 к. до 2 р. за пуд – из Тюменского и Тобольского округов. Саней до 150 штук, от 2 до 3 р. шт.; дровен до 200 шт., от 1 р. 50 к. до 2 р. за шт. – Тюменского и Курганского производства. Кадушек, сосновых разной величины до 1000 штук, от 40 до 1 р. 50 к. за штуку – из Тюменского и Курганского округов. Железа разного сорта: шинового 3000 пуд., от 1 р. 60 к. до 2 р. пуд; полосового 2500 пуд., от 1 р. 50 к. до 1 р. 80 к.; резного до 1000 пуд., от 1 р. 40 к. до 1 р. 70 к.; брускового до 300 пуд., от 1 р. 30 к. до 1 р. 40 коп.; паровчиного до 200 пуд., от 1 р. 25 к. до 1 р. 40 коп. за пуд; чугуна изделиями до 800 пуд., от 1 р. 40 к. до 1 р. 80 к. за пуд – из заводов Екатеринбургского уезда и Челябинского и Златоустовского заводов. Кожи деланные: выростковые до 400 шт., от 8 до 10 руб. за кожу; конина до 500 шт., от 5 до 6 р. за кожу; опойки до 300 шт., от 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. штука – из Ишимского, Ялуторовского и Курганского округов. Чай и сахар были в постоянной цене: чаю было до 1000 мест, а сахару до 1500 пуд., обыкновенный чай от 1 р. 5 к. до 1 р. 40 к., а

фамильный от 1 р. 50 к. до 2 р. за фунт; красного товара, шелкового и бумажного не менее как на 150000 руб. – из Петропавловска, Шадрина и Кургана. Разного мелочного и колониального товару не менее как на 30000 р. – из Екатеринбурга, Шадрина, Тюмени и Кургана. Свечи сальные до 600 пуд., от 4 р. 50 к. до 4 р. 80 к. за пуд – местного приготовления в гор. Кургане.

(Тобольские губернские ведомости. 1875. 29 марта, 10 мая, 14 июня)

**№ 2. Материалы для истории чудотворной иконы
Св. Николая в селе Берёзовке-Камской¹**
(Члена Уфимского Губернского Статистического Комитета
Р.Г. Игнатьева).

При рассмотрении мною в г. Сарапуле Вятской губернии архива бывшего здесь Духовного Правления, найдены некоторые, до этих пор неизвестные, сведения о чтимой в Уфимской губернии иконе св. Николая Чудотворца, находящейся в с. Берёзовке-Камской, Бирского уезда, и о самом этом селении, каковыми сведениями и спешим поделиться с читателями «Уфимских ведомостей», где неоднократно были помещены исторические сведения о чтимой иконе св. Николая Чудотворца Берёзовской, в том числе помещено было историческое исследование об этой иконе, одного из священников села Берёзовки; но все эти исследования ограничивались лишь местным церковным архивом и местными преданиями, между тем, как оказывается, более положительные факты находятся в г. Сарапуле, где было Духовное Правление, в ведении которого до 1799 г. или открытия в г. Уфе особой епархии Оренбургской и Уфимской, находилось село Берёзовка, принадлежа к Вятской епархии. Вот что узнаём о селе Берёзовке и об иконе св. Николая из следующего документа Сарапульского архива.

«Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийския, из духовной Преосвященнейшаго Лаврентия Епи-

¹ В Воскресенье 8 Июня православная Уфа проводила с благоговением и обычным торжеством гостившую у нас, с 8 Мая, местную святыню – явленную икону святителя Николая Чудотворца Берёзовка-Камскую и мы находим весьма кстати посвятить первые столбцы в этом № наших Ведомостей сведениям, только что полученным нами от нашего уважаемого сотрудника Р.Г. Игнатьева. *Ред.*

скопа Вятскаго и Великопермскаго Консистерии в Сарапульское Духовное Правление. Поданным к Его Преосвященству доношением ведомства онаго Правления села Березовки дворцовой Сарапульской волости, села Березовки Троицкой церкви староста церковный Иван Быдаков, с приходскими людьми между прочаго объявил: сего де 1774 года Июля 25 дня, в оное село Березовку наехала злодейская башкирская толпа, жительство все, обывательские дома ограбя, выжгли безостатку, в том числе и церкви Божии казенныя деньги, ризы и проч. ограбилиж, с престолов Господних одеянии сняли а от придельной Николаевской не взят и находится с прочей церковною утварью подохранением. У церкви же Божией каменной крышка сгорела, а прочее все в целости, а образ Чудотворный Николаев, за опасностью от тех злодеев башкирцев, находится ныне в Сарапульской соборной вознесенской церкви, почему де в предписанных церквах и священнослужение небывает и за тем де они по должности христианской претерпевают крайнюю нужду, а ныне де за помощь Божию бунт уже уничтожился, чего для они и желают, чтобы в предписанных церквах Божиих Троицкой и придельной Николаевской священнослужение исправляемо быть могло по прежнему, точно же без благословения Его Преосвященства и без освящения онаго чинить не можно и при оной церкви имеемые священники Яков Мачинский злодеем Пугачевым называемым Графом¹ под городом Уфою повешен, а двое Федор Фролов, да Игнатий Иванов находятся в Казани в секретной комиссии² под караулом и для того де избран от них в священники оной же церкви дьякон Василий Константинов, который де для произведения к Его Преосвященству при особливом данном ему заручном прошении и отправлен, просили о возвращении объявленнаго Николаева образа и о освящении тех церквей и о выдаче в настоящую Троицкую церковь вновь освященнаго антиминса резолюции. На каковом доношении резолюция Его Преосвященства подписана тако: Духовному Правлению о всем вышеизложенном исследовать и если пре-

¹ Уральский или Яицкий казак Иван-Чика Зарубин, осаждавший г. Уфу во время пугачёвского бунта и прозванный от Пугачёва – «Графом Воронцовым» – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Учреждённой в Казани, по делу о сообщниках Пугачёва, находившейся под председательством Генерал-Майора и Камергера Павла Сергеевича Потёмкина – прим. Р.Г. Игнатьева.

стола злодеями сломаны, то вновь в указную меру сделать, ежели же и не сломаны, но с места тронуты и обнажены, то утвердя их на прежнем месте, изготовя принадлежащее одеяние, закащику¹ соборне, церкви – Троицкую на вновь данном, Николаевскую же – на старом, антиминсах по церковному чиноположению освятить, для чего и дать на голандском полотне освященный антиминс; образ святителя Николая из Сарапула возвратить, о чем послать из Консистории в Духовное Сарапульское Правление указ; того ради во исполнение оной Его Преосвященства резолюции в Духовной Консистории определено для надлежащего о том исполнения в предписанное Сарапульское Духовное Правление из Консистории послать указ, о чем сей и послан, а о выдаче к Троицкой церкви освященного на голандском полотне антиминса, о том Его Преосвященства к эконому Иеромонаху Пантелеймону послать и послано известие и Сарапульскому Духовному Правлению о вышеписанном учинить по сему Ея Императорскаго Величества указу. Декабря 13 дня 1774 года. Подписали: святотроицкий Протоиерей Лука². секретарь Василий Горифский и Канцелярист Петр Баливанин.

После настоящего документа, в необходимое пояснение его, представляем извлечение из других документов Сарапульского архива.

г. Сарапул до 1782 года назывался дворцовым селом или дворцовой слободой и о времени основания неизвестно; жители по преданию были высельцы из разных мест, а больше из г. Чердыня. В Сарапуле было в XVIII столетии 2 церкви, около города были 2 монастыря, более 3000 жителей; село Сарапуль было укреплено и имело небольшой гарнизон; вот что заставило жителей с. Берёзовки-Камской, как только начался пугачёвский бунт, отнести икону св. Николая в Сарапуль, куда она издревле приносилась каждо-годно в начале Июля месяца, но здесь её приносили ранее. Берёзовские жители ошиблись, пугачёвский полковник казак Иван Власьев без сопротивления занял село Сарапуль, где его встретили с крестным ходом, хлебом и солью, за что, по усмирению бунта, Сарапульский протопоп Яков Емельянов публично наказан кнутом и сослан в

¹ Благочинному – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Вятского Троицкого Кафедрального собора; г. Вятка до 1780 года называлась – хлыновым Вятской провинции, Сибирской губернии. Вятские архиереи заведывали нынешнюю Уфимскую губернию с 1764 года – прим. Р.Г. Игнатьева.

Оренбург; тут же участвовали и прибывшие с иконой упоминаемые в указе священники села Берёзовки, Иванов и Фролов, за что и арестованы и судились в Казанской секретной Комиссии, а о дальнейшей участи этих священников – из дел Сарапульского архива ничего не видно. Власьев, получивший от пугачёва титул наместника Сарапульского, разослал в разные местности свои шайки. Одна из таковых шаек, состояла более из башкир, но здесь были и русские, и шайкою предводительствовали крестьянин Андрей Носков, Берёзовский священник Игнатий Иванов; разграбив село Берёзовку-Камскую они отправились водою по р. Каме опустошая прикамские селения. В селе Бережных Челнах и Пьяном бору, теперь Мензелинского уезда, шайка была достигнута отрядом подпоручика Бедряги, у которого было 300 чел. пехоты, эскадрон гусар и 4 пушки; после сражения Бедряги при челнах и пьяном бору, он окончательно уничтожил шайку Носкова, забрав Носкова, священника Иванова и многих из бунтовщиков в плен, которые потом и отосланы в Казанскую Секретную Коммисию. Узнав о приближении к Сарапулю войск правительства, мятежники бежали, но к счастью Сарапуль небыл раззорён: покорность жителей спасла это селение.

Получив архиерейский указ, Сарапульские жители, поощряемые тамошним духовенством, никак не хотели отдать чудотворную икону Берёзовской церкви и спор шёл два года, наконец по убеждению только преосвященного Лаврентия Епископа Вятского, Сарапульцы согласились отдать икону в село Берёзовку, с тем чтобы она ежегодно перед днём Казанской Божией Матери, 7 Июля, была по прежнему приноσιма в Сарапуль, что соблюдается и теперь. Встреча иконы св. Николая там самая торжественная и в 1 воскресенье после праздника Казанской Божией Матери она обносится вокруг города; в понедельник с нею бывает крестный ход из Вознесенского собора в Николаевскую церковь; кроме того икона носится по другим церквам г. Сарапуля и вообще бывает в Сарапуле кажется около месяца.

В 1757 году были в здешних местах моровые язвы, и тогдашний Сарапульский протопоп Борис Иванов, увидав, что от большого стечения народа язва стала сильнее, запретил впредь приносить в Сарапуль икону св. Николая из села Берёзовки; но здесь была в сущности причина другая. О. Иванов разсорился с Берёзовскими священниками из за дележа доходов... В 1761 году, когда Иванова уже небыло, Сарапульские

жители подали прошение, где объяснили архиерею, что было причиной запрещения со стороны Иванова; прошение было уважено и икону св. Николая опять стали приносить в Сарапуль. В 1792 году, когда вновь открытый г. Сарапуль стал Вятского, а село Берёзовка-Камская – Уфимского наместничества, произошло новое несогласие Берёзовского духовенства с Сарапульским; Берёзовский причт нашёл, что как г. Сарапуль другого наместничества, то и не следует туда носить икону св. Николая чудотворца; но против этого возстали опять Сарапульские жители и во главе их купцы Матвеев и Дюхин: «мы хотя и другого наместничества, но одной и той же Вятской епархии» говорили просители, и указом Вятской Консистории 19 Июля 1792 года за № 1439 опять восстановлено принесение иконы в г. Сарапуль. В 1818 году когда г. Сарапуль был Вятской, а село Берёзовка – Оренбургско-Уфимской епархии, опять было со стороны местного духовенства остановлено принесение иконы в Сарапуль, но за то и опять возник сильный протест со стороны Сарапульского городского головы купца Юминова и всех жителей г. Сарапуля, адресованный на имя Преосвященного Амвросия, Епископа Вятского и Слободского. Вятская Консистория в указе на имя Сарапульского духовного Правления от 31 Июля 1820 года за № 2609 предписала объявить просителям, что епархиальное начальство не находит к тому никакого препятствия, если только на то будет согласно Оренбургская, которому об этом и сообщено. Оренбургская Консистория отвечала, что и она этому не препятствует, так как принесение св. Николая из с. Берёзовки в г. Сарапуль существовало и было дозволено издавна, как-то значит из уведомления Оренбургской Духовной Консистории, прописанного в новом указе Вятской Консистории от 12 Ноября 1820 года за № 4849.

В делах бывшего Сарапульского Духовного Правления мы нашли ещё известие о священнике Игнатии Иванове. Когда Пугачёвские шайки пришли в село Сарапуль, священник села Берёзовки Игнатий Иванов, участвуя в торжественной встрече Пугачёвских шаек, из желания заслужить особое благоволение Пугачёвского полковника Власьева и уральских казаков раскольников, а может быть чрез это самое и самого Пугачёва, торжественно объявил себя раскольником и, принятый раскольниками как священник, начал совершать службы по старообрядчески, того мало – он пошёл за шайкой Носкова и был при разорении того православного храма Берёзовского, при

котором был поставлен пастырем. Желательно было покороче познакомиться с этою замечательною, по самому преступлению, личностью из дела о нём в Казанской Секретной Коммисии. Сарапульский протоиерей Яков Емельянов пристал к Пугачёву, встретив крестным ходом его мятежные шайки, как оказалось в последствии, из страха смертной казни, из страха за своё семейство, за что, по повелению Императрицы Екатерины II, в 1782 году, освобождён из ссылки и возвращён семейству, но без возвращения протоиерейства, а Игнатий Иванов пристал к бунту не из страха, не из малодушия, а как законсельный злодей и вероотступник.

(Уфимские губернские ведомости. 1875. 14 июня)

№ 3. Суд над бригадиром Аксаковым

[Текст приведён в предыдущем томе]

(Уфимские губернские ведомости. 1875. 19, 26 июля, 2, 9, 16, 23 августа, 13, 20 сентября, 11, 18 октября, 8, 15 ноября)

№ 4. Грамота Царя Феодора Иоанновича 1593 года на пожалование Уфимскому протопопу Андриану земли

Грамота эта в копии находится в архиве Казанской Раифской пустыни и списана мною при бытности моей в Казани, для обозрения тамошних архивов, с целию извлечения исторических известий о нынешней Уфимской губернии, принадлежавшей от 2-й половины XVI века до 1735 года по гражданскому управлению – ведению Казанских наместников, воевод и потом губернаторов, а по духовным делам, с 1556 года до 1764 года – Казанских архиереев; Мензелинский же уезд оставался в ведении Казанских архиереев до 1800 года – до открытия в Уфе архиерейской кафедры.

Р. Игнатъев

г. Казань.

«От Царя и Великаго Князя Феодора Иоанновича всея России Самодержца. Лета 7100/1593 года: бил нам челом Града Уфы протопоп соборной церкви Казанския Божия Матери¹

¹ Потом в 1606 году, на месте этой деревянной церкви Казанския, построена каменная Смоленския Божия матери, переименованная в 1843 году – в честь св. Троицы. «Уфимский Летописец» Оренб. Губ. Вед. 1852 г.

Андриан и в том челобитьи своем сказал, что де во граде Уфе построилася церковь соборная Казанския Божия Матери, а той де церкви нашего Государства жалованья нет, а он протопоп и прочие тоя церкви священники, диякон, дьячки и священосец ни откуда себе пропитания не имеют, и де им нужда достоит питатися христовым именем и как бы Великому Государю Царю и Великому князю пожаловати им велети землю около града Уфы, от места, глаголемаго Усоля до р. Уфы и городища, и мы, Царь и Великий Князь Феодор Иоанович всяя Руси самодержец повелел есми пожаловати богомольца нашего протопопа Уфимскаго Андриана и кто иные по нем при тое церкви протопопы будут пожаловати ему протопопу ту землю около города Уфы, от места, глаголемаго Усоля до р. уфы и городища. А как к тебе наш Казанский воевода боярин Князь Михаил Иванович Ромодановский наша сия Царская грамота придет, то ты бы не мовчав¹ нисколько велел бы есте ту просимую и нами пожалованную землю Уфимския Соборныя церкви протопопу Андриану с братиею и кто по нем иные протопопы, попы, дьяконы, дьячки, понамори будут отвести и им протопопу с братиею тою землею владеть вечно. 2 Июля 7101/1594 года по указу Царя и Великаго Князя Феодора Иоанновича всяя России Самодержца грамоту сию подписал Дьяк Иван Вылузгин, справил Мишка Антропов и приложена краснаго воска печать.

Царь и Великий Князь Димитрий Иоаннович² всяя России Самодержец сию грамоту блаженныя и вечно достойныя памяти брата нашего Государя Царя и Великаго Князя Федора Иоановича всяя России слушал и по выслушании повелели мы есми сию грамоту не рушати, а ходить по ней и предь нерушимо. Дано на Москве в лето 7112/1605 года Ноября в 1 день. По указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Димитрия Иоанновича всяя России самодержца подписал дьяк Иван Вылузгин, справил Антошка Гавшин».

(Уфимские губернские ведомости. 1875. 6 сентября)

№ 8. Памят. книж. уф. губ. 1873 г. ч. II описание церквей – прим. Р.Г. Игнатъева.

¹ Немедлив – прим. Р.Г. Игнатъева.

² царь безвременный. Жалованные царские грамоты всегда подтверждались приемниками Государей, хотя и сказано было в них о вечном владении. Вероятно уфимский протопоп нашёл случай обратиться к приемникам, Феодора, Царю Борису, а потом названному Димитрию или Царю безвременному. Подпись Царя Бориса, вероятно была уничтожена, как и все действия его были объявлены незаконными – прим. Р.Г. Игнатъева.

№ 5. Заметка о вскрытии и замерзании вод в некоторых местностях Уфимской губернии

[Повторное издание, первоначальный текст в томе V документ № 13. Имеются незначительные изменения в пунктуации и в самом тексте, например, вместо «в. д.» указано «вос. дол.» и некоторые другие. Четвёртый абзац разбит на два. Достаточно существенные изменения текста сделаны после двух таблиц. Приводится далее окончание статьи]:

Из приведённых данных видно, что р. Кама вскрывается от 5 до 16 дней позднее реки Белой; р. Мензела, также как и Белая, впадая в Каму, вскрывается ранее Камы от 9 до 23 дней; р. Ай вскрывается позднее р. Белой от 2 до 22 дней, а в 1856 году вскрылась ранее четырьмя днями; в том же г. Златоусте заводский пруд – позднее р. Ая от 5 до 11 дней. В 1855 и 1866 годах р. Ай вскрылась в одно время с Камой 10 и 25 Апреля. В 1864 году, при замечательно ранней весне, р. Белая при г. Уфе вскрылась 28 марта, между тем в г. Златоусте р. Ай вскрылась 22 днями позднее р. Белой.

Самое раннее вскрытие р. Белой в течении 16 лет, с 1855 по 1870 год, было 28 марта, самое позднее – 20 апреля; самое раннее вскрытие р. Камы 6, а позднее 27 апреля; раннее вскрытие р. Мензелы 25 марта, позднее 17 апреля; самое раннее вскрытие р. Ай 10, а позднее 29 апреля, заводского пруда при г. Златоусте раннее 18 апреля, а позднее 6 мая.

[Следующий абзац, начинающийся со слов «Замерзание р. Камы в течение 16 лет... и до слов в одно время с р. Аем» сохранён полностью].

Самое раннее замерзание р. Белой, между 1855–1870 годами, было 21 октября, а самое позднее, исключая феноменальную осень, бывшую в Уфе в 1866 году, – 24 Ноября¹. Самое раннее замерзание р. Камы было 16 октября, позднее – 22 ноября; раннее замерзание р. Ая – 7 октября, а позднее 2 но-

¹ В упоминаемой автором «Памятной книжке Уфимской губернии 1873 г.» показаны следующие крайние пределы, в каких совершалось вскрытие и замерзание р. Белой в период времени с 1833 по 1872 год включительно:

Самое позднее вскрытие в 1864 году 28-го марта.
– ранее – – 1856 – 20-го апреля. Ред.

ября; раннее замерзание Златоустовского заводского пруда 9 октября, а позднее 2 ноября.

[Следующие два абзаца приводятся полностью, за исключением незначительных изменений в пунктуации и пр.]

Чтобы удовлетворить вполне желанию Императорского Русского Географического Общества и чтобы иметь точные, а не предположительные понятия, каковые мы ещё до этих пор имеем о климате Уфимской губернии, основанные на одних метеорологических наблюдениях в гг. Уфе и Златоусте, мы бы желали иметь точные данные о времени вскрытия и замерзания не только р. Белой в важных её пунктах Уфимской губернии, но точно также и о других реках, в особенности же судоходных, каковы: *Уфа, Юрюзань, Катав, Куса*; желали бы представить здесь такие сведения хотя о более значительных озёрах, которых немало у нас, особенно в Белебеевском уезде; но к сожалению этих данных нет. Контора Катав-Ивановских заводов князя Белосельского-Белозёрского, Уфимского уезда, в письме своём ко мне объясняет, что ей известно только одно, что Катав замерзает не ранее начала декабря, а вскрывается в половине апреля. Такое сведение, конечно, очень неудовлетворительно, но во всяком случае не можем о нём умолчать. Катавский завод находится в 220 вер. к В от г. Уфы.

Мы окончили статью, как получили уведомление от конторы Симского завода, находящегося в 150-ти верстах к ВСВ от г. Уфы, о времени вскрытия и замерзания р. Сима при заводе, начиная с 1865 года, когда стали вестись записи об этом. Из уведомления видно, что р. Сим¹

	вскрывалась:	замерзала:
в 1865	–	ноября 6
в 1866	апреля 7	– 13
в 1867	марта 25	– 12
в 1868	– 24	– 8
в 1869	апреля 5	октября 31
в 1870	– 2	ноября 8
в 1871	марта 20	–

Самое раннее замерзание в 1850 году: 15 октября.

– позднее – – 1866 – 2 декабря.

Сравнивая эти данные с приведёнными выше для р. Белой, находим, что р. Сим покрывается льдом ранее Белой от 1 до 20 дней и вскрывается также ранее от 6 до 14 дней.

Р. Игнатьев.

¹ Далее фрагмент статьи переведён в табличную форму.

«Заметка» г. Игнатьева была уже раз напечатана, в «Уфимских губернских ведомостях» 1874 г. №№ 4, 5 и 7; здесь же она является в несколько сокращённом виде и после исправления опечаток, сообщённых нам от автора. Помещая эту «заметку» по желанию автора в наших «записках», мы считаем необходимым придать ей нижеследующие обобщения результатов исследования г. Игнатьева. [Далее на ст. 455–457 следует анализ цифрового материала Р.Г. Игнатьева, автор – А. Овдов].

(Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 3. Оренбург, 1875. С. 419–456)

1876 год

№ 6. Воспоминание 25 Марта 1774 года

Наступает вечно памятный для Уфы день 25 Марта, день великого праздника Благовещения Божией матери; этот праздник, ровно за сто два года до нас, был, для Уфы, днём спасения: забудем ли тот день? – никогда! А если забыт он чрез протекшее столетие, то вспомним теперь о нём.

Была та страшная и смутная кровавая пора нашего края, которая известна под именем «пугачёвщины» – и Уфа в течение нескольких месяцев была окружена 20 000 мятежников под предводительством яицкого казака Ивана Чики-Зарубина и уфимского торгового казака Василия Губанова; в то же самое время пугачёв, преступно принявший на себя имя Императора ПЕТРА III, имея у себя не менее же 20000 ч., осадил Оренбург. Все сообщения Уфы с Оренбургом, тогда центром управления, были прерваны, прерваны и с другими местностями, откуда могла бы Уфа получать помощь войском или жизненными припасами. Уфа была тогда небольшим провинциальным городом Оренбургской губернии, с 2000 только жителей обоего пола, укреплённая только старинным земляным валом и наскоро постановленным частоколом; но храбры и проникнуты были священным долгом верноподданных Уфимские жители. В Уфе тогда начальствовали: воевода, подполковник Алексей Никифорович Борисов, товарищ его, секунд-майор Сергей Иванович Аничков и камендант, подполковник Сергей Степанович Мясоедов; вся военная боевая сила Уфы состояла из инвалидной или местной роты, в 200 чел., под командой старика капитана Кузьмы Кузьмича Пастухова и 40 старых пушек, оставшихся от бывшей в Уфе древней деревянной крепости, сгоревшей в 1759 году; при 40 пушках было всего 20 артиллеристов, присланных незадолго до осады Оренбургским Губернатором Рейнсдорпом; к тому же числу во время осады присоединено было ещё 45 ч. из отставных солдат, бывших тогда в Уфе казаков и мещан. В защите Уфы приняли ревностное участие прибывшие в город окрестные помещики; из числа их отставной майор Николай Николаевич Пекарский набрал так называемую дворянскую роту в 250 ч.; приняли участие все жители Уфы всех сословий, кто только мог взяться за оружие: дворяне, чиновники, купцы, мещане, крестьяне, разночинцы, казаки, отставные солдаты, церковные причетники и всего составилось 800 чел., по большей части худо вооружённых.

Свинцу, пороха, и съестных припасов было мало; голод угрожал храбрым защитникам Уфы; помощи ни в чём ни откуда не было.

В то время по своим делам приехал в Уфу 23 летний удалец богатырь, рыбный торговец Ростовский купец Иван Игнатьевич Дюков¹. – Этот новый Козьма Миныч Сухоруков, который был говядарь или мясник, по древнему русскому обычаю, *кликнул клич*, т. е. созвал к себе народ и составил свой небольшой отряд из 300 ч. – купцов, мещан, отставных солдат и казаков. С этими 300 человек Дюков делал чудеса: ходил на вылазки, брал у мятежников пушки и пленных, наводил ужас – и ему же поручено было начальством, вести, в случае необходимости, переговоры с Чикой и Губановым – и Дюков так вёл это дело, что в одно и тоже время, то безпощадно громя мятежников, то маня обещаниями скорой сдачи города, довёл до того, что тем временем успели подойти войска правительства. Дюков же во время осады был и казначеем и хранителем запасов, пока они не вышли, и хозяином-экономом города.

Подробности уфимской осады описаны в изданной Уфимским Статистическим Комитетом Памятной книжке на 1873 г. ч. II: туда и отсылаем наших читателей и просим обратить внимание на задушевное слово протоиерея уфимского Смоленского Собора, О. Иакова Неверова, сказанное 25 Марта 1774 г., когда в этот день уфа была спасена прибывшими войсками правительства, под главным командованием Генерал Майора Князя Петра Михайловича Голицына и непосредственным начальством Подполковника Ивана Ивановича Михельсона. О. Неверов говорил «завещая потомкам или жителям сего богоспасаемого града туже верность к Царю и отечеству, и ко всякой власти, от Царя поставленной, завещаем им не забыть никогда дня спасения сего города – двадцать пятого Марта: се новая пасха, наш праздников праздник и торжество из торжеств, – да не узрит вовеки наше любезное отечество ничего подобного, что теперь совершилось в очах наших; да nebude, nebude сего, Аминь!²»]

¹ В уфе есть мещане Дюковы, ремеслом старые рыболовы, они говорят, что будто бы они потомки Дюкова; в Оренбурге же есть Ростовские купцы Дюковы – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Памят. книж. уф. губ. на 187[3] г. ч. II стр. 125. – Памятью об О. Неверове остаётся теперь в уфе 12 книг Миней месячных, им собственноручно подписанных, пожертвованных бывшей в уфе церкви Рождества

И в самом деле – что предстояло уфе? – конечная гибель.

По слову О. Неверова, забудем ли день 25 Марта 1774 г. – поминки тех славных, доблестных уфимцев, прямо честных русских людей? Повторяем – Никогда!

Уфимская осада пример потомству, по выражению старинного поэта Крюковского:

«Как русский чтит Царя,
Отечество и веру!»

День 25 Марта был празднован в 1874 года молебствием по этому случаю, в уфимском кафедральном соборе, как столетний юбилей спасения города Уфы; что не осталось без внимания Московских ведомостей и других газет; но для нас этот день вечно незабвен и кроме столетнего юбилея.

Было бы добрым делом, если бы на том самом месте, где происходила главным образом оборона города, на самом видном и красивом месте над рекою Белой, около церкви св. троицы, тогда называвшейся Смоленским собором, где был настоятелем О. Неверов и где при этой церкви погребены все павшие в боях при осаде города был бы поставлен на общие приношения памятник с написанием имён вечно незабвенных защитников уфы. Если же это не по силам, то легко бы было поставить в церкви св. троицы бронзовую доску с написанием имён рабов Божиих: Алексея (Борисова), Сергея (Аничкова), Сергея (Мясоедова), Николая (Пекарского), Ивана (Дюкова), Кузьмы (Пастухова), Протоиерея Иакова, во всё время осады возбуждавшего жителей уфы к мужественному сопротивлению мятежникам, и всех приснопамятных защитников уфы, до 100 чел., павших в боях и погребённых при церкви св. троицы, тогда единственном кладбище в городе, по случаю осады. – Само собою, при этом не забудем и имён князя Петра Михайловича Голицына и Ивана Ивановича Михельсона, который потом вторично спас уфу, когда 2 Июня 1774 г. сам самозванец вторично было шёл на уфу, но разбитый Михельсоном около Саткинского завода, теперь златоустовского уезда, Пугачёв должен был взять другое направление, и он пошёл на город Осу, Пермской губернии; таким образом очищена и умиротворена была Оренбургская губерния, а далее, благодаря новым победам Михельсона, искоренён и Пугачёв.

В настоящее время, по докладу Члена Секретаря уфимского Статистического Комитета Н.А. Гурвича и определению

Христова, теперь же находящихся в церкви Успения Божией Матери – прим. Р.Г. Игнатьева.

Статистч. Комитета, поставлен будет в общественной читальне Статистического Комитета портрет с краткою биографиею освободителя уфы Михельсона: жаль, что мы не имеем такого же портрета Голицына и других защитников уфы.

По инициативе Г. Нач. Уфим. Губ., Ипполита Фёдоровича Щербатского, и по соглашению Г. Городского Головы Д.С. Волкова с Преосвященным Петром, предположено учредить в г. Уфе навсегда в день 25 Марта поминовение защитников Уфы в 1774 г., положивших живот свой в честном бою обороны. – При этом было бы желательно и весьма подобающе, чтобы тут ежегодно произносимо было заветное и достопамятное слово, сказанное О. Протоиереем Неверовым, в день избавления Уфы, 25 Марта 1774 года.

Вспомянем же в день богознаменанный 25 Марта – и царствовавшую во время осады Уфимской, Екатерину Великую, и да будет ей от нас вечная память.

Р. Игнатъев.

(Уфимские губернские ведомости. 1876. 20 марта)

№ 7. Уфа. 19 марта 1876 года

(Корреспонденция «Оренбургского Листка»).

У нас, в Уфе, 25 марта по соглашению местного начальства с преосвященным уфимским имеет быть празднование воспоминания избавления 25 марта 1774 года Уфы от нашествия пугачёвских шаек. Достопамятная осада произведена была пугачёвцами в числе более 20 000 человек и состояла под начальством мятежных казаков Ивана Чики-Зарубина и Василия Губанова в течении нескольких месяцев. В это время в Уфе не было крепости, и гарнизон состоял всего из 200 человек инвалидов, а потому составлено было наскоро местное ополчение из людей всех сословий, в числе 600 человек. С такою ничтожною силою уфимский воевода Борисов, товарищ его Аничков, комендант Мясоедов, отставной майор Пекарский, многие из дворян и ростовский купец Дюков, предводительствовавший мещанскою дружиной, в течении нескольких месяцев, при недостатке в продовольствии и военных припасах, отбивались от превосходных сил мятежников, как могли и как умели, с энтузиазмом истинно-русских патриотов, и конечно были бы побеждены; но к величайшему счастью Уфы, после сражения с мятежниками под селом Чесноковкой, в 8

верстах от Уфы, появились войска правительства под начальством генерал-майора князя Петра Михайловича Голицына и подполковника Ивана Ивановича Михельсона 25 марта 1774 года, в самый праздник Благовещения Богородицы и освободили многострадальную Уфу.

Тот же Голицын 29 марта того же 1774 года освободил после 6-ти месячной губельной осады и Оренбург. Осада Оренбурга, как можно видеть из «Истории Пугачёвского бунта» Пушкина, где помещена рукопись очевидца осады, Рычкова, была губельнее уфимской, и Екатерина II рескриптом от 1 мая 1774 г. благодарила жителей Оренбурга за их верность, и в знак особой благосклонности освободила на 2 года всё податное сословие от податей, а купечеству предоставила в течении года все прибыли с питейных заведений¹.

В Уфе возникла мысль ходатайствовать о постановке, в воспоминание уфимской осады, памятника, для этого выбрано уже и место, самое видное в городе, с въезда с оренбургского тракта, на горе, перед древнею церковью св. Троицы, где действовала главная батарея во время осады и где погребены павшие при приступах и вылазках защитники Уфы. На памятнике должны быть написаны имена тогдашних главных деятелей в обороне Уфы и всех павших за веру и отечество. В таком виде мысль эту проводят «Уфимские Ведомости», и мы от души желаем, чтобы эта мысль осуществилась на самом деле как относительно памятника, так и относительно того, чтобы празднование в Уфе дня избавления от пугачёвской осады ежегодно приурочено было навсегда к 25 марта, в назидание нам современникам и будущим поколениям. Пример уфимцев, показавших, какими должны быть истинные русские люди, стоит подражания и воспоминания.

Уфимцы, конечно, желали-бы чтобы и Оренбург вспомнил своё 29 марта 1774 г. в нынешнем году. Хотя день этот и придётся на страстной неделе, но, по церковному уставу, празднование его может быть относимо на 2-й или 3-й день Св. Пасхи.

Весна у нас началась незаметно, снег исчезает постепенно; но здесь-то, при чернозёмо-илистом грунте нашем, и вся беда! Весенняя и осенняя вода портит или уничтожает совсем наши шоссейные настилки улиц; недаром же Уфу, по меткому выражению самих жителей, прозвали – «чернильницей», как

¹ 1 пол: собр: зак: т. XIX № 41, 143 – прим. Р.Г. Игнатъева.

Оренбург прозван «песочницей». Общественное здравие наше неблагополучно: в городе свирепствует эпидемическая оспа, и многие не только взрослые, но даже, что называется, люди в летах прививают себе оспу, кто от страха, а кто и по убеждению.

Р. Игнатьев.
(Оренбургский листок. 1876. 28 марта)

**№ 8. Заметки о церкви св. Троицы, прежнем
Смоленском Кафедральном Соборе, в Уфе**
(*Р.Г. Игнатьева*).

В уфе теперь установилось ежегодное празднование и воспоминание освобождения города, 25 Марта 1774 года, от долговременной и тяжкой осады скопищами Пугачёва; даже возникла мысль о памятнике близ церкви св. Троицы или старого Смоленского Собора, при котором погребены убитые на приступах и вылазках во время осады; близ же Смоленского Собора была главная батарея, направленная на въезд в город с Оренбургско-Казанской дороги; на этот пункт направлены были все действия осаждавших Уфу Пугачёвских шаек, под начальством мятежных казаков Чики Зарубина и Губанова.

При мысли о памятнике, при воспоминании избавления г. уфы и зная место погребения её храбрых защитников, *души свои за град сей положивших*, скажем несколько слов о некогда славном, первопрестольном, а ныне умалённом и убогом, храме св. Троицы.

Основание собора относится к времени основания самого г. Уфы, т. е. между 1574–1586 годами. На месте нынешней Троицкой церкви стояла деревянная церковь в честь Казанской Божией матери. В начале XVII века, именно в 1600 году, деревянная церковь была уже сломана, на месте её была уже каменная во имя Смоленской Божией матери, называясь собором. Предание говорит, что строителями были Смоленские дворяне, выселенные сюда на службу по присоединении от Польши Смоленской области; но это случилось позднее, почти чрез 80 лет, при царе Алексее Михайловиче, а не в начале XVII века, когда смоленский собор уже существовал.

Правда, что Смоленск был взят в 1515 году В. К. Васильем Иоановичем, но как известно, тогда не было выведено отсюда ни одного человека, а затем Смоленск опять стал поль-

ским городом. Что относится до древней храмовой, чтимой народом, иконы Смоленской Б. М., то это копия не с находящейся в Смоленске, а с находящейся в Казани чудотворной иконы Смоленской, в Казанской седмиозёрной пустыни, известной под названием Седмиозёрной; так и надписано на самой иконе. В силу этого, едва ли принесли самую икону в Уфу Смоленские дворяне. Это известие, заимствованное из Уфимской летописи¹, повторялось многими, писавшими об Уфе, и в том числе и мною, покуда не были в точности рассмотрены здешние архивы и я не съездил в Казань. Построителям Смоленского собора конечно ближе было снять копию с иконы седмиозёрной; к тому же и Уфа, до 1764 г., считалась в Казанской епархии.

Царь Феодор Иоанович пожаловал протоиерею ещё прежней деревянной церкви луга около Уфы², называемые «протопоповскими». Цари Михаил Феодорович и Алексей Михайлович не раз посылали Уфимскому Смоленскому собору вспомоществования; Царь Алексей Михайлович пожертвовал серебрянный вызолоченный напрестольный крест. Протоиереи Смоленского собора назывались «Уфимскими» и заведывали церквами не только города, но и всей Уфимской провинции, занимавшей пространство всей нынешней Уфимской губернии с частию Пермской и Самарской; так например, гг. Красноуфимск, Оса, теперь Пермской губернии, до открытия наместничеств, в 1771 году, были в Уфимской провинции Оренбургской губернии; сюда же принадлежали многие церкви в Бузулуцком, Бугурусланском и Бугульминском уездах, теперь Самарской губернии. В XVIII веке Уфимские Протоиереи, с игуменами Успенского монастыря, судили преступления против веры³.

Смоленский собор будучи главным храмом Уфы и её провинции, считался почётным кладбищем; здесь, до указа 24 Декабря 1771 года, погребались все начальственные и почётные лица города, здесь же между прочим погребён славный русский дипломат времён Царя Феодора Иоановича, Годунова и безвременного Царя Дмитрия, Афонасий Иванович Власьев, посланный вместо опалы в Уфу на воеводство, при Шуйском⁴. Вокруг собора было много могильных памятников; внутри со-

¹ Орен. Губ. Вед. 1852 г. № 8 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Уфим. Губ. Вед. 1875 г. № 3 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Акты историч. изд. Им. Археогр. Ком. т. V № 75 стр. 111 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Труды Москов. Археол. Общ. т. I 1866 г. стр. 88 – прим. Р.Г. Игнатьева.

бора самый пол состоял из плит с такими же могильными надписями. Наступила в Пугачёвщину тяжкая осада Уфы – и Смоленский собор, по тому случаю, что за город выходить стало нельзя, снова стал кладбищем и опять таки по своему прежнему почётным и здесь похоронены убитые во время осады. Здесь же в Смоленском соборе было праздновано освобождение Уфы, 25 Марта 1774 года, и протоиерей Неверов говорил своё достопамятное слово, завещая и поздним потомкам никогда не забыть этого дня¹. В Смоленском соборе в 1784 году происходило торжество открытия Уфимского наместничества.

Один из здешних старожилов, А.В. Черников-Анучин, сообщил мне, что ему известно из рассказов его покойного отца, в свою очередь слышавшего от деда, свидетеля Уфимской осады, место, где погребены при Смоленском соборе убитые на вылазках и приступах; где была батарея и две наскоро поставленные деревянные стрельницы или башни; на одной из них во всё время осады находилась чтимая икона Смоленской Божией матери. Близ же собора после осады, зарыты в землю котлы, в которых парили смолу, и железные ковши для обливания горячей смолой осаждавших. Предание говорит, что, кроме того, в осаждавших бросали камнями и дубовыми и берёзовыми обрубками; эти обрубki были потом сожжены в уголь и пожертвованы от города Смоленскому собору для возжжения кадила. Г. Черников Анучин, имея дозволение Московского Археологического Общества, намерен сделать раскопки около Смоленского собора.

В 1799 году Император Павел I учредил в Уфе епархию Оренбургскую и Уфимскую – и Смоленский собор назван кафедральным, и был таковым до 1841 года, когда построен нынешний Воскресенский собор.

Но наступили для древнего Смоленского собора иные времена – и он лишился своего древнего исторического величия...

В 1824 году покойный Император Александр I изъявил желание посетить Уфу. Тогдашние духовные власти – преосвященный Епископ Амвросий² и протоиерей Кандаринский вдруг пришли к убеждению, что де стыдно принять монарха в

¹ Пам. книж. Уф. Губ. 1873 г. ч. II стр. 124 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Амвросий Молев определен в Уфу в 1823 г. из архимандритов и ректоров Орловской семинарии, в 1829 г. перемещен Архиепископом в Житомир. Памят. книж. Уфим. Губ. на 1873 г. ч. II стр. 21 – прим. Р.Г. Игнатьева.

таком старом и тёмном храме, среди могильных плит и надписей. – Не долго думали уфимские Геростраты и Омары доброго старого времени, – и тотчас же принялись за ломку всего что было, по их мнению, не современно, а потому и крайне неприлично... Подрядчик и рабочие, с весны 1824 года, работали неутомимо: сломали с правой стороны собора придел св. Николая чудотворца, уничтожили всё, напоминающее кладбище, пробрили новые большие окна, сняли древнюю разноцветную черепицу с кровль и глав устроенных по примеру Московской церкви св. Василия Блаженного, поновили некоторые иконы, побелили и покрасили снаружи, и древний собор – помолодел... В Сентябре 1824 г. приехал в Уфу Император Александр I, был в Смоленском соборе, где слушал краткое молебствие и приветственную речь Амвросия. Но Государь как-то узнал о всех этих ломках и уничтожении старины и был крайне недоволен, и, как пишет сопровождавший Государя Лейб Хирург Тарасов: покойный Император сделал строгий выговор преосв. Амвросию¹.

В 1841 году, при Преосвященном Иоанникии, Епископе Оренбургском и Уфимском, когда построен и освящён нынешний Воскресенский Кафедральный собор, по распоряжению епархиального начальства, Смоленский собор низведён на степень приходской церкви и переименован во имя св. Троицы, в честь бывшей близ Смоленского собора деревянной церкви в это имя, сгоревшей в 1759 году, на что ещё было желание предместника пр. Иоанникия, преосв. Михаила². После этого распоряжения из Смоленского собора взяли и перенесли в новый чудотворную икону Казанской Божией матери, древнюю утварь, в том числе дары Царские и Казанских Митрополитов, старинные блюда и кувшины, присланные из олонца в 1800, при учреждении в Уфе епархии, и большой древний колокол в 133 п. Теперь бывший Смоленский собор сохранил только несколько древних икон, в том числе чтимую икону Смоленской Божией матери, древние резные царские врата и

¹ Русская старина 1873 г. ч. III-я – Записки Лейб Хирурга Тарасова. Я слышал в 1868 г. рассказ современницы, А.П. Пекарской, что Губернатор Нелидов был тоже против этого и доложил Государю. *Р. И. – прим. Р.Г. Игнатьева.*

² Дело в архиве Консистории о построении в Уфе Кафедрального собора, 1838 г. лист 125. Преосв. Иоаникий, из Епископов Вятских, управлял епархией с 1836 по 1849, а Михаил, из архимандритов, Ректоров Тверской Семинарии, с 1831 по 1836 года. Памят. книж. Уф. губ. на 1873 г. ч. II стр. 21 – *прим. Р.Г. Игнатьева.*

серебряные лампы, дар защитника Уфы во время осады, купца Дюкова.

К приходу Троицкой церкви приписаны были дома от Покровской, Ильинской и бывшей в Уфе, на Казанской улице, Христорождественской церкви, обращённой в приходскую церковь из бывшего Христорождественского монастыря, переведённого в 1777 году в г. Слободской Вятской губернии. Теперь к троицкому приходу приписана пригородная слобода Нижегородка, наиболее состоящая из раскольников и магометан. По клировым ведомостям считался в троицком приходе 174 дома, 417 м. п. и 501 ж. По вновь утверждённому в 1870 г. штату, здесь полагается священник с жалованьем 83 р. 96 к. в год, и причетник без жалованья.

Приход церкви св. Троицы считается бедным, но если бы он был и богатым, всё таки не было основания отнимать от Смоленского собора его древнюю честь и после постройки нового собора, построение которого вызвано увеличением населения и малопоместительностью Смоленского собора. Новый собор помешал старому... Но в других городах бывает по нескольку соборов, даже мало на Руси таких из Губернских городов, где было бы по одному собору: взглянем на Казань, Нижний, Владимир, Вятку, Симбирск и т. д.; следовательно, для чего же собор Смоленский не был оставлен собором, хоть бы приписным к новому собору? Зачем было отрывать, в подрыве средств и жизни других священников и причтов, прихожан, для приписки их к вновь изобретённому приходу, когда Смоленский собор можно было сделать приписным к вновь построенному Воскресенскому? Мы не говорили об уездных соборах, которые вместе с тем и приходские церкви в малых городах; но многие соборы и в Губернских городах имеют приходы.

Если же деятели доброго старого времени находили необходимым дать бывшему кафедральному собору за постройкою нового, приход, то, во всяком случае не было причины лишать Смоленский собор всех особых лично и по состоянию присвоенных прав?.. Зачем было отнимать даже самое имя, освящённое ему, Смоленского? Если хотели сохранить память сгоревшей Троицкой церкви, то в таком случае надобно сохранить память о многих бывших в Уфе и давно несуществующих церквях: Михайловской, Христорождественской, Крестовоздвиженской, Благовещенской, Алексеевской; последняя, во имя св. Алексея человека Божия, построена при Царе Михаиле

Фёдоровиче, в честь Ангела сына его, царевича, в последствии Царя, Алексея Михайловича, родителя Петра Великого; или же церкви Рождества Богородицы на сергиевской улице, построенной Уфимскими стрельцами – Московскими выселенцами из слободы Кадашевской¹.

Не знаем установится ли навсегда в Уфе воспоминание 25 Марта, или этим, как покуда ещё не утверждённым высшею духовною властью, мы вполне обязаны только патриотизму настоящих начальников г. Уфы? Не знаем, осуществится ли на самом деле сооружение близ бывшего Смоленского собора памятника? А для этого были бы только средства – материалов достанет: слава Богу, под рукой горные заводы, не далее 80 вер. от г. Златоуста – калкановские каменоломни разноцветной яшмы; в г. Екатеринбурге есть опытные мастера; на просвещённое же содействие горного ведомства мы можем вполне надеяться. Но теперь не о том речь. – Заметка наша о том – пора возвратить древнему славному в свои дни, храму несправедливо отнятое у него право и наименовать Троицкую церковь по прежнему – Смоленским собором, оставляя ему приход, по бесчисленному примеру прочих соборов, или всего лучше – приписать его к Воскресенскому кафедральному собору, разделив приход между ближайшими церквями Ильинской и Покровской, в виду обеспечения быта духовенства этих церквей, что и совершенно согласно с настоящими узаконениями по поводу сокращения числа приходских церквей, именно для обеспечения духовенства.

Пусть об этом посудит духовное начальство. Так или не так, а мы должны опять иметь в Уфе наш древний Смоленский собор! Как ни старались в доброе старое время умалить Смоленский собор но православный народ помнит его, глубоко чтя день празднования Смоленской Божией матери, 28 Июля, и тогда бывает там большое стечение народа. Из бывшего Смоленского собора, по старой памяти, и теперь совершаются крестные ходы на р. Белую, в дни праздников Богоявления, Преполовления и 1 Спаса, 1 Августа. Всё это само за себя говорит нам о необходимости восстановления древней чести Смоленского собора.

(Уфимские губернские ведомости. 1876. 3, 17 апреля)

¹ Уфим. вед. 1873 г. о местоположении древней Уфы – прим. Р.Г. Игнатьева.

№ 9. Село Свинные горы Елабужского уезда

[Повторная не подписанная перепечатка, без указания авторства Р.Г. Игнатьева, см. том V документ 33]

(Вятские губернские ведомости. 1876. 21 апреля)

№ 10. Уфа 27 марта 1876 г.

(Корреспонденция Оренб. Епарх. Ведомостей).

У нас, 25 марта, в день праздника Благовещения Богородицы, после окончания в Воскресенском Кафедральном соборе Божественной литургии, которую соборне совершал Преосвященный Пётр, Епископ Уфимский и Мензелинский с старшим и соборным духовенством, отправлено было благодарственное Господу Богу молебствие о избавлении в тот день г. Уфы в 1774 году от долговременной и тяжкой осады мятежными толпами самозванца Пугачёва.

– Мятежников было до 20 000 человек, под предводительством Яикского казака Ивана Чики-Зарубина и Уфимского казака Василия Губанова; в Уфе же всего было наскоро набранного ополчения из всех сословий до 800 человек под начальством Коменданта Мясоедова, воеводы Борисова, отставного майора Пекарского и Ростовского купца Ивана Игнатьевича Дюкова. Это ничтожное ополчение защищалось несколько месяцев против врага, в двадцать два раза более многочисленного, терпя голод, не имея достаточно военных запасов, геройски отстаивая город, в пример потомству:

Как русский чтит царя,
Отечество и веру.

И вот теперь Уфа вспомнила своих доблестных, Христолюбивых защитников, и после провозглашения по окончании молебствия, обычного многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому, возглашена и воспета вечная память всем доблестным защитникам Уфы, по имённо, и вообще тем, которые были убиты на приступах и вылазках против мятежников. Минуты сии были поистине торжественны и умильтельны. Замечательно было сказанное пред началом молебна тёплое задушевно-патриотическое слово священником Воскресенского собора П-ским по поводу воспоминавшегося события; проповедник между прочим приглашал слушателей во веки не забывать этого дня; он приводил в пример слова со-

временного событию протоиерея собора о. Иакова Неверова сказанные 25 марта 1774 года в самый день освобождения Уфы войсками Правительства, – под начальством Генерал Майора Князя Петра Михайловича Голицына и Подполковника Ивана Ивановича Михельсона. О. Неверов говорил тогда: «завещаваая потомкам или жителям града сего ту же верность царю и отечеству и ко всякой власти от царя поставленной, завещаваем им никогда не забывать день спасения сего града 25 марта». Если мы, Уфимцы, в течении 102 годов как бы теряли из виду сие патриотическое завещание и содержали как бы в забвении потому, что не знали своей истории и наши предшественники не позаботились о сохранении ежегодного торжественного воспоминания о доблестной обороне и защитниках родного нам города, и нам о том не передали, то по крайней мере отныне, стряхнув с достопамятной старины вековую архивную пыль постараемся никогда не забывать на будущее время 25 число марта, благознаменитый день общего праздника для всей вселенной, и в частности нашего областного праздника, не забудем во веки освобождения Уфы в этот день от разбойничьих скопищ бунтовщика. – В Уфе возникла уже мысль о поставлении в честь события памятника пред церковью св. Троицы, прежде бывшего Смоленского собора, где погребены убитые на приступах и вылазках защитники Уфы, где настоятельствовавал о. Протоиерей Неверов, ревностно побуждавший и одушевлявший Уфимцев стоять храбро и непоколебимо за веру и Царю. Здесь же, около собора была главная батарея защитников и сюда, на этот пункт преимущественно направлены были приступы и нападения мятежников. Дай Бог, что бы предположение о сооружении памятника осуществилось! В среде граждан Уфы ещё раньше возникла достойная осуществления мысль приходскую церковь св. Троицы, по прежнему, наименовать Смоленским собором, и таким образом возстановить её историческое значение и привелегию, окупленную для ней кровию Христолюбивых защитников нашего города¹.

Р. Игнатъев.

¹ Редакция «Оренбургских епархиальных ведомостей» сопроводила статью Р.Г. Игнатъева обширным комментарием, что в Оренбурге тоже чтут память защитников. Не только в Уфе и Оренбурге, но и в других городах отмечали годовщины освобождения от мятежников, например в Кунгуре (см.: О праздновании столетия с отражения от города огромных пугачёвских шаек // Пермские губернские ведомости. 1874. № 15).

№ 11. Заметка о сибирской летописи

В Библиотеке Тобольской Семинарии хранится старинная рукописная книга в 200 листов, озаглавленная так: «Сибирская летопись». Незнаем, была-ли издана когда-либо, или кем-либо та летопись, но она составляет слишком важный и неизвестный – почти или очень мало известный документ, имеющий историческое значение, а для Сибири – в особенности; об этом-то документе мы скажем несколько слов. Полное наше желание, чтобы он обратил на себя внимание и, если возможно, кем-бы то ни-было был издан. По словам «Сибирского Вестника» 1821 года – книга 6-я и книга 22-я за 1833 год, эта летопись приписывается то тобольскому ямщику-грамотею Илье Черепанову, то утверждается, будто она составлена при Тобольском архиерейском доме. Так или не так – это мы не знаем. Книга «Сибирская Летопись» писана скорописью и в ½ листа, буква *в* везде в виде *п*, сказание о исторических событиях начинается с 1578 года, 26 Сентября, упоминая о походе Ермака в Сибирь, по реке Чусовой, но год этого события в летописи не означен; счёт же лет идёт с 1579 года, или с 45 года царствования Грозного, и продолжается до 1760 г., 20-го г. царствования Елисаветы Петровны, или 180-го года от покорения Сибири Ермаком. Началу летописи предшествуют два предисловия; в первом – автор, на основании неизвестного ему летописца, вкратце говорит о происхождении Василия Тимофеевича Аленина, прозванного потом от товарищей Ермаком, и о его жизни в разбойниках; во втором предисловии сделан обзор событий, предшествовавших покорению Сибири, как-то: о покорении Казани, о торговых сношениях с Персиею и Бухарию, о препятствии к этим сношениям от Донских казаков, разбойничавших по Волге и Каспийскому морю, и о наказании их стольником Мурашкиным, при Иване Грозном, о бегстве Ермака в вотчину Строгоновых, откуда, по слуху, дошедшему до Ермака от Зырян, о Сибири, Ермак, с помощью Строгоновых, пошло завоёвывать Сибирь. Летопись заканчивается описанием двух бунтов уже в 1760 году. Первый был в Ялуторовском округе, в Курганской слободе, за налог, определённый Тобольским губернатором, в виде запашки земли, за-

сева и уборки хлеба в запасные магазины, независимо других податей и повинностей; другой бунт был в Оренбургской губернии, Исетской провинции, в Масленской слободе, теперь Челябинского уезда, по случаю передачи здешних крестьян в крепость к заводчику Демидову, с тем, чтобы Демидов платил за них подати и повинности, вместо задельной платы. Затем, в летописи видим списки Тобольских воевод, по разрядам; здесь же узнаём и о Тобольских архиепископах и митрополитах, начиная с первого архиепископа Киприана, столь памятного Сибири, человека учёного, писателя, поставителя службы «Положению Ризы Господней», 10 Июля совершаемой во всех церквях Москвы.

Каким случаем «Сибирская Летопись», столь драгоценная, сделалась именно принадлежностью Библиотеки Тобольской Семинарии, где, как уведомил меня почтенный отец Ректор, значится она по каталогу, за №-м 1655, незнаем, но она едва ли не передана из Архиерейского дома, что ещё более утверждает нас в той мысли, что и самая летопись, как она писана не одной рукой, велась при Архиерейском доме, что называется, из года в год и, кто знает, может быть, начало ведения её в самом деле принадлежит Черепанову?

Нам остаётся жалеть, что летопись не издана и что никто об этом не думал, тогда как мало-ли что может последовать с этим драгоценным манускриптом впоследствии, хотя и тщательно берегаемым, и тогда он и все драгоценные для истории и потомства сведения погибли-бы навсегда. Покуда мы о «Сибирской Летописи» делаем известным Археографической Коммиссии, при Министерстве Народного Просвещения, и нашим Учёным Обществам.

Р.Игнатъев,
Член Тобольского статист. комитета
(Тобольские губернские ведомости. 1876. 12 июня)

№ 12. Шайтановы мухи (башкирская легенда)

Да будет благословенно имя аллаха! Велик аллах и Магомет пророк его. Много, о правоверные слушатели, есть добра на свете, но много и зла. От аллаха добро и от сатаны-шайтана зло. О слушатели, расскажу я вам одно из зол сатаны, слушайте-же.

В одну из таких минут, когда весь придворный штат пек-

ла (ада) хранит самое торжественное молчание и со страхом и трепетом взирает на своего задумавшегося властелина – сатану, этот последний в мрачном раздумии грыз свои когти и щекотал змееобразным хвостом в носу, прочищая в нём гарь и копоть, насевшую от грешных тел, осмелившуюся проникать даже в державно-тронное вместилище его мрачности. Впрочем, аромат палёных тел был всегда обыденным в пекле и потому привычным для его мрачности, шайтанов и шайтанят, а гарь и копоть, заменяя ароматные куренья, были даже приятны им.

Всё было тихо – и если-б только эта тишина случилась в людском обществе, можно было бы сказать, что слышен был полёт мухи, но, как известно, в пекле мух не полагается, и их там заменяют совы и нетопыри-твари, настолько приобикшие к пекельному этикету, что не осмеливались нарушить грозное затишье пекельного синклита, из опасения вызвать бурю, которая на них бы и разрядилась.

Неизвестно долго-ли бы продолжалось это томительное даже для пекла состояние молчания, неизвестно на кого бы обрушилась гроза, если-б не муха – это аллахова тварь.

Да, муха – и я говорю истинно, также истинно, как истинно – велик аллах и Магомет пророк его. Послушайте, о слушатели.

В пекле всегда жарко, очень жарко и вот почему в его сводах всегда остаются трещинки, не смотря на постоянное замазыванье их шайтанами, а ведь мухи, о слушатели, всегда суют свой нос даже в самомалейшие трещинки, лишь бы только узнать что там такое – хотя и не всегда счастливо отделываются от любопытства.

На этот раз именно и случилось несчастье. Заглянув в щёлку пекла, муха любопытствовала узнать, что находится за этой щёлкой и пролезши в неё, очутилась в пекле, несколько не раздумывая о последствиях, она полетела прямо на щёку его мрачности и, усевшись там, начала от удовольствия потирать лапками, разглядывая совершенно незнакомое место.

Бедная, лучше бы тебе не родиться на свет, чем попасть в пекло.

Встрепенулся сатана, поднял руку (рассказчик-башкир показывает жестами, как это делал сатана) и – бедная, бедная муха! Её не стало.

Так вот эта тварь, осмелившаяся сесть на меня, даже на меня! Пробунчал себе под нос сатана и с любопытством при-

нялся за рассмотрение убитой им мухи.

Своды пекла потряслись от дружного вздоха облегчения, вырвавшегося из груди шайтанов и шайтанят: исход наконец нашёлся и – главное, не на них.

Долго рассматривал сатана несчастную тварь и, наконец, широкая улыбка, скорее корчи мучимого человека, чем улыбка – искривила его губы и выказала ряды чёрных, гнилых зубов с копошившимися в них мириадами червей, пауков и разных мелких гадов.

Завизжали от радости шайтанята, как молодые щенки, кувыряясь и задавая друг другу шлепки.

– Гей вы! Смирно, шайтаново семя, – зарычал на них сатана и шайтанята, поджав свои хвостики, заметались по углам.

– Я хочу создать такую же тварь, продолжал сатана, подать мне материал!

Мигом перед ним лежали кучи пепла, сажу, углей – этого добра много в пекле. И принялся за дело сатана. Сделал – и даже сам залюбовался, так похоже вышло. Но мухи не двигались; призадумался опять его мрачность, да не надолго – во всю могучую глотку дохнул он на своё творенье. И – о чудо! Слушайте же, о правоверные слушатели, слушайте!

Как ужаленная этим тлетворным дыханием сотни две созданных мух сорвались с места, где лежали и бросились на сатану стали язвить его самого.

Взревел от боли сатана.

– Вон их, вон!

И вот поднялся шум, крик: и шайтаны и шайтанята – все гнали новых дерзких тварей.

И разлетелась с тех пор эта погань по свету и наплодила тьмы тем такой же погани на земле.

Однако же не смотря на неудачу, сатане понравилось дело творенья и он уже подумывал создать нечто такое, что превосходило бы конечно по ярости даже самую змею и принялся было за дело. Но – велик и всемогущ аллах и Магомет пророк его.

Аллах всё видит: проделка сатаны, вздумавшего соперничать с аллахом в деле творенья, не укрылась от его всемогущего взора и он послал своего ангела Азраила унять сатану, готового весь мир населить своими чудовищными тварями, которые не давали бы покоя нам, бедным людям, лютыми мучениями и на этом свете.

Азраил остановил расходившегося сатану, но мухи шайтановы всё таки разлетелись и расплодились; злые эти мухи до сего дня бросаются на людей как бешенные и язвят их. Аллаховы мухи – те добрые, людей не кусают, а больше промышляют на счёт съестного: где хлеб, махан (говядина), кумыз – там и аллахова муха.

Добрая муха! Не язвит.

Я кончил, о слушатели, и да будет благословенно имя аллаха! Велик аллах и Магомет пророк его!

Уфа.

М. Лосиевский и Р. Игнатъев.
(Оренбургский листок. 1876. 25 июля)

№ 13. Ещё несколько слов об Иване Ивановиче Михельсоне

(статья члена Уфимского Губернского Статистического
Комитета Р. Г. Игнатъева)

Недавно в «Уфимских Ведомостях»¹ помещена была краткая биография Михельсона; портрет незабвенного избавителя Уфы от разорения её Пугачёвым поставлен, на память потомства, в читальне Уфимского Статистического Комитета. Поэтому считаем нелишним сказать ещё несколько слов о Михельсоне и поделиться с читателями «Уфимских ведомостей» теми сведениями, которые мы получили из имения Михельсона, села Иванова, Невельского уезда, Витебской губернии, от тамошнего священника о. Константина Серебренникова.

Село Иваново находится в 105 вер. от г. Витебска, в 7 вер. от г. Невеля и 55 вер. от г. Великих Лук. Село Иваново возникло, по преданию, очень в давнее время и замечательно тем, что когда во время принадлежности западного края к Польше возникла уния и вместе с тем началось гонение на православных, село Иваново осталось верным православию; среди его жителей даже никогда не бывало старообрядцев и даже нет таковых во всём приходе села Иванова, состоящего из 25 небольших деревушек, скорее выселков, так что теперь в ведении Ивановской церкви всего 550 душ муж. пола.

Жители села Иванова, по неспособной к земледелию поч-

¹ В номере 13 газеты от 27 марта 1876 г. был помещён краткий очерк об И.И. Михельсоне, включая материалы о нём из журнала «Русская Старина».

ве, бедны, живут в курных хатах, не имеют понятия о другой обуви кроме лаптей, не сеют кроме ржи других хлебов. – Когда Белоруссия, в царствование Екатерины, присоединена была к России, т. е. после первого раздела Польши в 1772 году, село Иваново было причислено к казённым имуществам; Императрица Екатерина, в конце своего царствования, подарила село Иваново Михельсону. – Есть предание, что старинное название села Иванова было Воронино; Ивановым назвал его Иван Иванович Михельсон, в честь своего имени; этим же именем названо было озеро, при котором находится селение, теперь озеро Иваново с 1867 г. по ходатайству Преосвященного Саввы, Епископа Витебского, принадлежит Витебскому архиерейскому дому.

Иван Иванович Михельсон, которому Пугачёвщина открыла блестящую и богатую карьеру, возвеличенный милостями и наградами Екатерины II, Императоров Павла I и Александра I и ими обогащённый, был в последнее время своей жизни, Генералом от кавалерии, Военным Губернатором Белоруссии, имел несколько орденов и несколько тысяч душ крепостных крестьян в разных губерниях; в одной Витебской губернии у него было несколько деревень, кроме того имел богатую виллу близ Неаполя. В своём Иванове Михельсон жил на широкую руку, жил магнатом. Дом его и все постройки были каменные, при доме был обширный сад и каменная аранжерея, в саду было несколько каменных беседок; на дороге в г. Невель построена была им каменная гостиница называемая "бильярдным трактиром"; гостиница была назначена для приезжающих из г. Невеля и прочих мест чиновников, которые, были подчинены Ивану Ивановичу, как начальнику края, к тому же и сам владелец Иванова, как состоявший на службе, только временно проживал в имении. Само собою – в гостинице за стол и прочее ничего не брали; у Ивана Ивановича была даже своя домашняя артиллерия и свой пороховой завод в Иванове. Около барского дома было 70 домов, где семьями жили дворовые; – их было более 200 чел. мужчин и женщин, все они были не здешние, а привезены помещиком из разных его деревень, или куплены по одиночке от разных владельцев. При Михельсоне были: управляющий, дворецкий, писарь, и кондитор, 11 лакеев, 2 парикмахера, 5 поваров, 4 кучера, 15 конюхов, подлекарь, берейтор, 5 портных, 5 садовников, 5 ткачей, 4 пекаря, 4 охотника, по 3 человека сапожников, башмачников, столяров, каретников, бондарей, шорников, медников, 4 кузнеца;

кроме того были мальчишки или казачки, колесники, кафельщики, валовщики, прачки, горничные, 35 чел. музыкантов и 35 чел. певчих, для которых в последнее время своей жизни, Иван Иванович стал строить огромный каменный дом с круглым куполом, под названием "музыкального дома»; себе Иван Иванович хотел построить ещё новый дом назвав – "дворцем", но кончина его и потом семейные обстоятельства положили конец всем предприятиям.

Иван Иванович был лютеранин и женат на лютеранке же, Шарлоте Ивановне Ребендер; в последствии, Иван Иванович принял православие, оставив себе прежнее имя Иван; но Шарлота Ивановна осталась лютеранкой; она, говорят, пережила мужа и схоронена при лютеранской церкви в селе Дорожине, Невельского уезда, принадлежавшего помещику фон Дуве. Когда именно Иван Иванович перешёл в православие – не знаем; в 1805 году он построил каменную церковь в честь своего Ангела св. Иоанна Предтечи, с приделом св. Великомученицы Екатерины. Церковь эта по архитектуре, богатству украшений и церковной утвари, считается одною из первых сельских церквей в Витебской епархии; по возвышенному местоположению церковь видна за 15 и 20 вёрст. В церкви хранится антиминс, освящённый, вероятно прежде самой церкви, в 1802 году, Преосвященным Анастасием, Архиепископом Могилёвским и Витебским. – Об этом нет предания, но очень могло быть, что, до постройки новой церкви, была у Михельсона церковь временная или домовая, для которой служил этот самый антиминс.

В этой церкви, с северной стороны, в подалтарном погребке покоится прах Ивана Ивановича, в деревянном гробе, наглухо запаянном, обитым малиновым бархатом, с несколькими медными вызолочёнными херувимами; зимою гробница закрывается дубовым чахлою, окрашенным тёмнозелёною краскою. Надписей никаких нет, но в метрической книге 1807 года значится, что в Августе этого года Иван Иванович, будучи по случаю войны с Турциею Главнокомандующим войсками в Молдавии и Валахии, скончался в г. Букаресте, 72 лет от роду, и отпевание над ним соборно совершено Греческим Митрополитом и тело покойного, согласно его воле и с Высочайшего разрешения, привезено из Букареста и погребено здесь при им созданной церкви.

У Ивана Ивановича было трое детей: Елена, Григорий и Елизавета. Елена Ивановна была красавица, отлично образо-

ванная, но к несчастью – немая; за заслуги отца её сделали фрейлиной; многие искали её руки, но медики сказали ей, что если она выйдет замуж, то умрёт при первых же родах. До 38 лет Елена Ивановна была девицей, но тут вышла за вдовца Барона Петра Карловича Розена и на другой год замужества, это было в 1819 году, умерла в Петербурге, разрешившись мёртвым младенцем: предвещание медиков исполнилось! Где она погребена – неизвестно.

Григорий Иванович, по смерти отца, наследовал его имение; он был Поручиком Кавалергардского полка и камер-юнкером, имел Мальтийский крест, св. Станислава и дворянскую медаль 1812 года. Скончался в Иванове 26 лет от роду в отставке и холостым, 22 Ноября 1817 года. Гроб Григория Ивановича стоит подле отцовского, также запаянный и покрытый чахлом.

Около Григория Ивановича в таком же чохле стоит гроб Елизаветы Ивановны; она умерла от кори и очень молодою, далеко не достигнув совершеннолетия.

Так прекратился род Михельсона!

На западной стороне, в церковной паперти, на двух пастаментах из красного дерева, стоят алебастровые бюсты, – храмоздателя Ивана Ивановича и супруги его Шарлоты Ивановны Михельсонов.

Пышная жизнь, хлебосольство Ивана Ивановича и потом Григория Ивановича, повели к неоплатным долгам, на уплату которых недоставало их огромного состояния; имение было частью продано на уплату долгов, частью поступило в казну. – Село Иваново, продано Генерал-Лейтенанту Александру Львовичу Воинову, в 1819 г., а в 1826 году было уже во владении Государственного Банка и взято в опеку, а затем поступило с 1830 года в казну, и до самого Высочайшего Манифеста об освобождении крестьян, 19 февраля 1861 года, принадлежало ведомству Государственных Имуществ. Все постройки в Иванове после смерти Григория Ивановича, частью проданы с аукциона, по распоряжению местного управления Государственных Имуществ, частью же, никем не поддерживаемые, разрушились сами собой и представляют одне развалины; роскошный когда то сад теперь в жалком запущении; только одна церковь сохранилась ещё покуда в том виде, как была при своём храмоздателе, да ещё осталась каменная ветреная мельница; вся барская усадьба теперь в пользовании Невельского лесничего. –

С 1867 года в Иванове открыто штатное народное училище. Летом, по праздничным дням, в Иваново приезжают для прогулки Невельские жители.

Ивановская церковь, по завещанию храмоздателя получила на причт по 50 р. ассигнациями или 14 р. 28 ½ коп. в год; это завещание подтвердил и Григорий Иванович и эта сумма доставлялась чрез благочинного села из местного уездного Казначейства до 1872 года, а затем прекращена; она заменилась билетом на имя причта в 150 р. на пользование процентами по распоряжению Витебской духовной Консистории, которая объявила причту, что всякий расчёт церкви с храмоздателем – этим окончен.

(Уфимские губернские ведомости. 1876. 7 августа)

**№ 14–15. Названия вод, урочищ и проч., как
памятники Югров в Уфимской губернии**

(Статья члена Уфимского Губернского Статистического
Комитета Р.Г. Игнатьева).

Эта работа Р.Г. Игнатьева, при публикации в «уфимских ведомостях», была издана не полностью и с рядом опечаток. Полный текст этой статьи будет опубликован далее, в сочинениях Р.Г. Игнатьева за 1881 г. В газетном варианте, помимо ошибок, имеются незначительные отличия в тексте. Например, первый абзац в газете начинается со слов: «Статистический Комитет, по журналу своему 5 Марта нынешнего года, последовавшему вследствие циркуляра Центрального Статистического Комитета от 27 Января за № 126, поручил мне собрать по Уфимской губернии сведения о названиях вод, холмов, возвышенностей...» и далее по тексту. А начало 11-го абзаца таково: «Хотя башкиры – древние, или по крайней мере очень давние, обитатели здешнего края, но с другой стороны, принимая во внимание сказания историков Плано-Карпини, Карпина...» и далее по тексту. Кроме того в газетном варианте присутствуют незначительные отличия в написании отдельных слов: «болгарского» в 1881 г., а не «Болгарского» как в 1876 г., «бездомный» и «бездомовный» и т. д., иногда разъединялись / объединялись абзацы, немного менялась структура.

Самое главное, в «уфимских ведомостях» не были напечатаны многочисленные ссылки, без которых сам текст не полон. Газетный вариант – это незаконченная статья. Поэтому здесь

сразу приводится повторное издание этого материала в оренбургском сборнике в 1881 г. Основное отличие в том, что Р.Г. Игнатьев собирался ко многим топонимам давать пояснения, для чего в тексте были проставлены сноски. Но в последнем газетном номере были приведены в примечаниях только две первые сноски про реки Белую и Каму. Остальные сноски не печатались, что и не удивительно, ибо их у Игнатьева оказалось 484. Даже в оренбургском сборнике они заняли страницы 148–167.

В оригинале (в сборнике) сноски даются в конце текста с единой нумерацией (№ 1 про Белую), здесь переведены в постраничные для удобства читателей из-за большого количества.

Названия вод, урочищ и проч., как памятники югров в уфимской губернии

Уфимский губернский статистический комитет, по журналу своему 5-го марта 1876 года, состоявшемуся вследствие циркуляра центрального статистического комитета, поручил мне собрать по уфимской губернии сведения о названиях вод, гор, холмов, возвышенностей, утёсов, скал, каменных груд, пещер, оврагов, земляных ям, лесов, болот, трясин, мхов открытых, полей, лугов, пастбищ, сенокосов, порогов, мелей, узменей (узких мест в озёрах), кос, наволоков, островов, мысов и рыболовных мест.

Циркуляр центрального статистического комитета последовал по ходатайству известного исследователя финско-венгерских языков, Д.П. Европеуса, пожелавшего, при помощи губерnskих статистических комитетов, собрать сведения о распространении финско-венгерских племян в пределах России в древности. По мнению г. Европеуса, разделяемому многими современными этнографами и историками, названия местностей или географических предметов могут служить лучшим пособием для определения как далеко распространялись древние поселения того или другого народа. Согласно этому, г. Европеус подверг исследованию названия населённых мест России по спискам, изданным центральным статистическим комитетом, а также названия рек, озёр и других географических предметов. Убедившись, что значительное количество таких названий в северной и средней России может быть объяснено из финско-венгерских языков, г. Европеус

пришёл к выводу, что вся эта часть нашего отечества была заселена в древности разными народами финского или, говоря точнее, финско-венгерских племян. Вывод этот тем в особенности замечателен, что он вполне подтверждается древнейшею русскою Нестеровою летописью; но, сверх того, вывод этот и дополняет показание летописи, так как по названиям местностей можно определить довольно точно границу распространения финско-венгерских племян в России, чего по летописи сделать нельзя.

В настоящей статье, которая составляет только часть моего труда, предназначенного для центрального статистического комитета, представляю мои исследования по бирскому и златоустовскому уездам; но прежде того должен сказать вообще об уфимской губернии и описать отчасти её исторический быт.

Древними обитателями считаются башкиры, происхождение которых относят то к венграм, то к болгарам, то к тюркскому племени. Башкиры, по их преданию, вполне оправдываемому сохранившимися памятниками, были под владычеством сначала Золотой Орды, потом царства казанского; от татар башкиры, бывшие прежде язычниками, заимствовали веру и грамотность; язык башкир – татарский, но особого наречия, так что многих их слов не понимают казанские татары. Памятниками татарского владычества в здешних местах служат городища близ гг. Уфы и Бирска, где, по преданиям, жили татарские или ногайские ханы, в сущности вассальные Золотой Орде, а потом царства казанского. Оба городища у русского народа зовутся «*Чортовыми*», в смысле места нечистого, бесовского; у башкир же и вообще у инородцев – *татарскими* или *ногайскими*. Близ г. Уфы находятся остатки каменного здания или дворца Турахана, мавзолей ногайского имама Хусейн-Бека, воздвигнутый Тамерланом, в то самое время, когда он шёл на погром русской земли; близ же Уфы есть пустое место, называемое *Абызово* или *Абисово* городище, и стан миссионеров, приходивших сюда для проповеди корана из разных мест Средней Азии. Могилы мусульманских миссионеров показывают в разных местах уфимской губернии. В мензелинском уезде есть несколько остатков земляных укреплений, называемых *ногайскими*; там же есть и надгробия с арабскими надписями, принадлежащие болгарам, так как и самый нынешний мензелинский уезд входил в состав царства болгарского.

С окончательным присоединением к России царства казанского, башкирский народ принял русское подданство; владевшие им ханы, вассалы Казани, по преданию, ушли за Кубань и там их подданные смешались и исчезли среди горских племён. Со второй половины XVI века начинается в здешнем крае русская колонизация, основываются города: Уфа, Мензелинск, Бирск и несколько крепостей по камской линии. В то же самое время из бывшего царства казанского потянулась сюда, на привольные башкирские земли, колонизация татар, мещеряков, чуваш, черемис, мордвы, вотяков и тептярей. Эти последние суть смесь омусульманившихся чуваш с татарами; впрочем башкиры зовут тептярями всех вообще переселенцев на их земли, небашкирского происхождения: слово «тептярь» значит сброд, пришлец, бездомный.

Во время существования особого башкирского управления, всех припущенников на башкирских землях официально разделяли на тептярей-магометан и тептярей-язычников, кроме чуваш и мордвы, издревле окрещённых.

В течении нескольких лет я рассматривал архивы разных ведомств в уфимской, оренбургской и вятской губерниях, желая отыскать что-либо об инородческой колонизации, и ничего не нашёл, кроме местных преданий, что она началась после взятия Казани или перед этим временем.

Об одних мещеряках находим у Рычкова, в его «Топографии оренбургской губернии» (ч. 1 стр. 230), что мещеряки пришли из нынешней нижегородской губернии и из алатырского и симбирского уездов, а потом им велено было отправлять в Уфе службу, вместе с местными дворянами. О прочих инородцах в той же «Топографии» Рычкова встречаем известия не о том, когда они переселились, а когда на них обращено внимание и последовало распоряжение правительства. И так нам о времени инородческой колонизации остаются одни предания.

Русская колонизация, начавшаяся в XVI веке, продолжалась в XVII и XVIII столетиях ещё в больших размерах и продолжается отчасти теперь. За исключением западных, южных и северных губерний, почти всякая местность имеет здесь своих представителей. Впрочем в Мензелинске живут потомки смолян, переселённых при царе Алексее Михайловиче, после присоединения к России от Польши смоленской области; но уже после того из западного края колонизации не было.

Так как башкиры суть древние обитатели края, то глав-

ным образом названия вод, урочищ и проч., о чём идёт речь, принадлежат им, а затем уже русским и прочим переселенцам. Башкиро-татарские названия вод, урочищ и прочих исследуемых нами предметов преимуществуют, и как справедливо заметил секретарь статистического комитета, Н.А. Гурвич, не смотря на нравственное преобладание здесь русского населения, как местного цивилизующего элемента, даже там, например, где башкиро-татарские названия заменены русскими, сам же русский народ охотнее употребляет первые, называя например, в уфимском уезде, село Архангельское Белетесом или Иглином; село Казанское – Шемяком¹. Подобных случаев мы найдём очень много в уфимской губернии.

Но принимая во внимание сказания историков Плано-Карпини, Рубруквиста, Константина Багрянородного, Альбуфета, Мюнстера, преподобного Нестора и других, здешний край, кроме болгар, был обитаем уграми, юграми или чудью. Этот многочисленный народ, по словам тех же историков, жил по обе стороны Урала или Каменного Пояса, и потому нынешняя уфимская губерния должна была составлять часть югорской земли, против которой не раз воевал Великий Новгород – и воевал, большею частию, неудачно; наконец югры сокрушены были дедом Грозного, В. К. Иваном Васильевичем III. Югорский народ, или чудь, бежал в Сибирь и смешался с тамошними племенами. Югры исчезли, оставив по себе самую краткую летопись и многочисленные могильные памятники или курганы, каковых не мало в уфимской губернии. Все они одной формы, круглые; насыпь состоит из местного грунта. Башкиры в преданиях своих говорят, что действительно в здешних местах жил когда-то многочисленный народ, но в каких соотношениях тот народ находился с ними, башкирами, издавними обитателями края, – не знают, но что этот народ куда-то исчез; что этот народ был чудь; но башкиры, а потом и русские, под именем чуди понимают не национальное название, а понятие: чуждый, неизвестный, давно исчезнувший народ, оставивший памятью о себе те могилы или курганы, которые башкиры своему народу отнюдь не присвоивают, хотя они и были язычниками, а у язычников насыпь курганов установлена религиею; башкиры, отрекаясь от курганов, зовут их чудью, чудскими; тоже самое повторяют русские и инородцы. – Множество курганов уже истреблено; в самой Уфе, при

¹ Уфимские ведомости 1876 г. № 19; журнал губернского статистического комитета 5 марта – прим. Р.Г. Игнатьева.

проводе в начале нынешнего столетия новых улиц, скрыто много чудских курганов. Курганы встречаются теперь или большими группами, как например под г. Уфой, где теперь магометанское кладбище, или в уфимском уезде, близ башкирских деревень Ишинбаевой и Мандышевой, на Убелинской Степи, иначе Могильном Поле; или же, напротив того, курганы встречаются по 2, по 3 или по одному; но здесь причиною может быть их истребление, большею частью, в видах хищничества. Учёных раскопок было мало, но из этих раскопок, и по рассказам о хищнических раскопках, в курганах находили золотые и серебряные вещи, битую посуду, изломанное оружие, конские приборы, бронзовые и железные вещи, все хорошей выделки, доказывающей, что это был народ образованный, а не полудикие в старину башкиры.

При представлении некоторых курганных находок уфимским статистическим комитетом в ИМПЕРАТОРСКУЮ Археологическую Коммисию, последняя нашла, что все эти находки тождественны с таковыми же находками в так называемых чудских же курганах вятской, пермской и вологодской губернии. В уфимском уезде было несколько находок в земле бронзовых топоров и серпов; в троицком уезде, оренбургской губернии, в районе казённых миасских золотых промыслов, показывают следы медных копей, называемых чудскими, и у тамошних башкир есть предание, что чуждый, неизвестный, давно исчезнувший народ добывал медь и умел её обрабатывать. И так ясно, что жил народ совсем другой, нежели башкиры, и этого народа давно не стало. Куда девался целый народ, целая нация, к тому же многочисленная и, судя по курганным находкам, образованная, никто не знает.

Кроме курганов есть несколько круглых земляных насыпей, в виде валов, посреди которых пустое пространство; эти насыпи называются чудскими. Есть местности называемые чудскими городищами.

О древностях уфимской губернии можно видеть в изданной статистическим комитетом «Памятной книжке уфимской губернии» за 1873 г., ч. II, и там же – вообще об истории края и в особенности о том, что выработано по тому предмету изысканиями последнего времени.

Названия многих вод, гор, урочищ и т. д. возникли очень недавно, потому что и самое заселение местностей тоже недавнее; прежде же тут не было никакого населения, но были эти места прямо степные и большею частью никому никогда

не принадлежали. В 1767 году оренбургский губернатор, князь Путятин, доносил Императрице Екатерине II, что хотя башкиры и считаются вотчинниками и древними обитателями края, но за всем тем есть множество земель, никому не принадлежащих и никем никогда необитаемых, которые прямо следует отчислить в казну¹. В казну действительно и отошли эти места, кроме взятых под города, крепости и отданных ещё с XVI века в собственность за службу, так как в допетровской России землевладением вознаграждалась государственная служба. Много таких же земель отдано царскими грамотами разным монастырям и митрополитам казанским; потом указами 1736, 1744, 1745 и 1756 годов дозволено приобретать башкирские земли дворянам, чиновникам и желающим основать здесь горные заводы, хотя бы они были и других сословий. Землевладельцы и вообще новые переселенцы в здешний край дали посвоему названия многим, неимевшим, а иногда и имевшим прежде прозвища водам, урочищам и т. д.; не говорим уже о названиях селений, которые у русских принадлежат или помещикам, вообще владельцам местностей, или же вообще переселенцам, а затем ещё названия селений происходят от вод, урочищ, гор, имён владельцев или первых переселенцев.

В 1864 году, когда бывшим оренбургским (ныне уфимский) статистическим комитетом, по заявлению ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммисии, поднят вопрос о приведении в известность памятников древностей и в особенности так называемого курганного периода, тогда сам собою, при исследовании памятников курганного периода, возник вопрос о названиях гор, вод, урочищ и всех тех предметов, о которых теперь идёт дело, и все эти названия были приводимы в известность с того же времени; затем эти же названия, в 1866 г., собирались уфимским статистическим комитетом при составлении списков населённых мест, где о каждой местности были собраны исторические, статистические и топографические сведения. В настоящее время, все собранные данные, при разъездах моих, поверялись и дополнялись, при чём выяснилось:

1) что многие из незначительных озёр, речек и ручьёв не имеют никакого прозвища, или же так и зовутся «безымянны-

¹ Том сенатских указов 1777 г. в Оренбурге, в архиве тургайского областного правления, где хранятся дела бывшей оренбургской губернской канцелярии (лист 79) – прим. Р.Г. Игнатьева.

ми»;

2) что горы, в особенности отроги Уральского хребта, имеют свои особые названия, но большая часть гор совсем без всяких прозвищ. Не имеют прозвищ холмы, возвышенности, утёсы, скалы и каменные груды. Пещеры встречаются всюду, кроме бирского и мензелинского уездов; но из них одна только, при г. Уфе, имеет название *Бахтиаровой*, по имени, как думают, какого-то разбойника Бахтиара; около этой пещеры овраг зовётся *Черкалихиным*, по имени, говорят тоже, убитого Бахтиаром купца Черкалихина. Особые названия оврагов случаются очень редко; затем совсем не встречаем особых прозвищ земляных ям, кроме разве того, что в народе иногда слышим прозвание курганов «Чудскими ямами», «Чудаками», «Чужками».

3) что особые прозвища лесов встречаются очень редко, болот и трясин – ещё реже, лугов¹, пастбищ и сенокосов также. Также самое должно сказать о порогах², мелях, узменях, косах, наволоках, островах, мысах, из коих некоторые зовутся *городищами*, рыболовных местах и проч.

Возвращаюсь к настоящему предмету статьи, разделив прозвания вод и проч. особо по каждой местности, т. е. по уездам бирскому, златоустовскому и белебеевскому.

Бирский уезд.

Население этого уезда, самого обширного в губернии, занимающего пространство 439,53 квадр. миль, состоит из русских, башкир, татар, мещеряков, тептярей, чуваш, черемис и вотяков. Не смотря на такую разноплемённость населения, названия вод и проч. видим или русские, или татарско-башкирские, как и везде в уфимской губернии. Черемисы, чувашы, вотяки совершенно усвоили себе язык башкир, тогда как многие почти не знают порусски. Первоначальное русское население возникло, около г. Бирска, только вследствие раздачи в XVI и XVII веке земель находившимся в Бирске на службе дворянам, чиновникам и стрельцам; затем русское заселение продолжалось в XVIII столетии; о времени же населения башкирских или вообще пустых мест разными инородцами мы уже говорили.

¹ В бирском уезде есть луг «Голец» – прим. Р.Г. Игнатъева.

² За исключением р. Юрюзани, где каждый порог имеет название – прим. Р.Г. Игнатъева.

Здесь протекают: р. Белая, у башкир *Ак-идель*¹, но и башкиры, и другие инородцы зовут её наиболее Белою²; р. Кама³ (башкирское слово – лодка). Эти две реки – самые значительные здесь и судоходные; далее следуют реки: Уфа (у башкир *Кара-идель*, т. е. Чёрная)⁴; Бирь⁵, в 9 верст. от Бирска впадающая в р. Белую; от неё происходит название Бирска; реки Шади, Ар⁶, Оторная, Подлубовка, Терск, Сар, Ахмеркова⁷, Тугайляк⁸, Уй⁹, большой и малый Иньяк¹⁰, Актуган¹¹, Тозбейка, Кипчатка, Танып¹², Чишма¹³, Азян, Сулья, Мадама, Емашна¹⁴, Юг, Хусияз, Сарьязка База, Нази, Исаюзылка, Бураль, Ташкич¹⁵, Менеуз¹, Каракуль², Букаль Авылиш, Евбаз³, Тайбаз,

¹ *Ак-идель* – белая река. Башкиры называют эту реку обыкновенно просто *Идель*, а другие реки называют по имени; напр. *Зигян-буинда* – у Зигяня; или *Зигян-хыуы-буинда* – у речки Зигяня – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Р. Белая в начале XVI века была уже известна русским под именем Белой-Воложки; В. К. Иван III, в конце XV века, посылал войско на Белую-Воложку, воюя в это время с царём казанским (История России Соловьёва, т. 5 стр. 8). Белою прозвана река по чистоте и белизне воды, а «воложка» значит лесная местность – прим. Р.Г. Игнатьева. (1) Здесь и далее в конце каждой сноски из примечаний Р.Г. Игнатьева проставлен тот её номер, который указан в сборнике, некоторые сноски были проставлены постранично в самом тексте и выделены астериксом (*).

³ Башкиры называют Каму *Кар-идель* (сокр. из *Кара-идель*), чёрная река. В мензелинском уезде Каму называют *Чулман*, но значения не понимают. Чулман – ср. *чулпан жондозо*.

Название *Кама* – не тюркское: лодка – *кямя*, а не *кама*. Татарское *кама*, выдра, вряд-ли имеет какое нибудь отношение к названию реки – прим. Р.Г. Игнатьева. (2)

⁴ *Офо* – слово, кажется, не тюркское. Для объяснения названия р. Уфы у уфимских мещеряков существует легенда. Один солдат должен был идти из внутренней России в нынешнюю уфимскую губернию; достигши речки, которая теперь называется *офо*, он произнёс от усталости: уф! Отсюда и получила речка своё имя – прим. Р.Г. Игнатьева. (3)

⁵ *Боро* – древесная почка – прим. Р.Г. Игнатьева. (4)

⁶ *Ар* – вотяк. *Ар-йылгасы* – и река, и деревня неподалёку от г. Белебея, иначе называется *Исмагиль-аулы* – прим. Р.Г. Игнатьева. (5)

⁷ От мусульм. собств. имени человека: *Ахмярь* – прим. Р.Г. Игнатьева. (6)

⁸ *Тугай* – берег, поросший лесом – прим. Р.Г. Игнатьева. (7)

⁹ *Уй* – долина, горное ущелье – прим. Р.Г. Игнатьева. (8)

¹⁰ От башк. *ин*, войти? – прим. Р.Г. Игнатьева. (9)

¹¹ *Ак-тууган* – родился белым – прим. Р.Г. Игнатьева. (10)

¹² От *танып* – опознавши? – прим. Р.Г. Игнатьева. (11)

¹³ *Чишма* – родник, ключ – прим. Р.Г. Игнатьева. (12)

¹⁴ От *Ямаш*, сокращ. из Ямалиддин, мусульм. собств. имени мушны – прим. Р.Г. Игнатьева. (13)

¹⁵ *Таш-кичуу* – каменный брод – прим. Р.Г. Игнатьева. (14)

Таскакла⁴, Акуда, Самоязь, Талбаза⁵, Парей⁶, Карагай⁷, Сыром⁸, Сарышабаш⁹, Сабанаева, Каратан, Яшка, Соводы¹⁰, Тюмин, Куваш¹¹, Мончарова, Казякум, Зарач, Башкураз¹², Зиращ Илга¹³, Иканъяз, Буянъяз, Хавгикан, Юрма-Килер¹⁴, Юкаликуль¹⁵, Манъяз, Малый Евбаз, Тактали-куль¹⁶, Консаз¹⁷, Лга, Сайгаш, Бажановка, Киекичка, Сюнь¹⁸, Менешлир¹⁹, Раскол, Ишка, Бараш, Кадушка, Мазулина, Сычёвка, Тарабердинка, Булла, Тугугузка²⁰, Черешма Курян¹, Киргизовка, Шаймак,

¹ *Мяняузъ* – деревня и река; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатъева. (15)

² *Кара-куль* – чёрное озеро – прим. Р.Г. Игнатъева. (16)

³ *Ой-базы* – подполье – прим. Р.Г. Игнатъева. (17)

⁴ *Таскакла* – слегка обтеши (топором, ножём)! – прим. Р.Г. Игнатъева. (18)

⁵ *Тал-базы* (есть и деревня) – яма для тальника – прим. Р.Г. Игнатъева. (19)

⁶ *Пярий* (перс.) – род сверхестественных существ, признаваемых магометанами – прим. Р.Г. Игнатъева. (20)

⁷ *Карагай* – сосна – прим. Р.Г. Игнатъева. (21)

⁸ *Соромъ* – чад, угар? – прим. Р.Г. Игнатъева. (22)

⁹ *Саршыбаш* – желтоватая головка (название растения) – прим. Р.Г. Игнатъева. (23)

¹⁰ *Сяудя*; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатъева. (24)

¹¹ *Куу-баш* – трут (род гриба). Есть также река с именем Куваш, значение которого неизвестно – прим. Р.Г. Игнатъева. (25)

¹² *Бишкураз?* – 1) пять петухов; 2) название растения. *Кураз*, слово, употребляется большею частью в неприличном смысле; поэтому заменяется часто словом *курай* – прим. Р.Г. Игнатъева. (26)

¹³ *Зиращ* или *зирекъ* – ольха; *йылга* – река. *Зиращ-йылга* – река, богатая ольхой – прим. Р.Г. Игнатъева. (27)

¹⁴ *Ойормя килеръ* – придёт вихрь – прим. Р.Г. Игнатъева. (28)

¹⁵ Название деревни и реки *Йукали-куль* – долина, поросшая липняком – прим. Р.Г. Игнатъева. (29)

¹⁶ Реки с прозвищем «куль» (озеро) всегда вытекают или впадают в озёра того же имени. Верховью рек башкиры придают название *баш*, т. е. верх, начало, начальник; таким образом верховье р. Байки зовут Байки-баш, Бия – Биебаш и т. д.; точно также устью некоторых рек прилагается слово *тамак* – горло, впадение. – Рекам, вытекающим из болот, придают название *у-рман*, *у-рма* (болото), например Урман-Гарель и т. д.

Такталы-кул – долина, богатая деревьями, годными для досок – прим. Р.Г. Игнатъева. (30) Здесь две сноски у Игнатъева.

¹⁷ *Ком-саз* – песчаное болото? – прим. Р.Г. Игнатъева. (31)

¹⁸ *Сонь*; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатъева. (32)

¹⁹ *Миляшляръ* – рябины? – прим. Р.Г. Игнатъева. (33)

²⁰ *Тугыз кыз* – девять дев. В белеб. уезде есть с таким названием гора и река; рассказывают, что на этой горе, во время пугачёвского бунта, спрятались девять девушек, которые все тут и умерли. На горе есть мно-

Папидесь, Бырша, Сарс, Тюй², Леун, Кунган³, большой и малый Накаряк⁴, Козям⁵, Яр⁶, Курачевка⁷, Бий⁸, Ясанчал⁹, Колодезь, Уса, Чекуда¹⁰, Ямурзина¹¹, Байка или Байкицки, Салаз, Бердяш¹², Аскын¹³, Багаря¹⁴, Чепаш, Мрянька, Подлубова, Туондук¹⁵, Юрюш¹⁶, Деушевский лог¹⁷, Бердяш, Юрюзань¹⁸, Кундашла, Ямаш¹⁹, Сухаяз, Тирскея²⁰, Осиновка, Бустюж²¹, Елань²², Байтурка²³, Алтавка²⁴, Урьяд²⁵, Кладбищенка, Орья, Козловка, большая и малая Амзя²⁶, Инар¹, Асаф, Сильбия,

го могил – прим. Р.Г. Игнатьева. (34)

¹ *Курянъ* – род осоки (раст.) – прим. Р.Г. Игнатьева. (35)

² *Той* – толки (пестом?). Название произошло оттого, что река эта имеет бурное течение – прим. Р.Г. Игнатьева. (36)

³ *Кунган* – остановился для отдыха (о дорожном человеке); сел (о птице и о пыли) – прим. Р.Г. Игнатьева. (37)

⁴ *На кярякъ* – что нужно? – прим. Р.Г. Игнатьева. (38)

⁵ *Козянь* – хорёк – прим. Р.Г. Игнатьева. (39)

⁶ *Яр* – берег – прим. Р.Г. Игнатьева. (40)

⁷ *От кураз* (см. 26)? – прим. Р.Г. Игнатьева. (41)

⁸ *Бий* – князь – прим. Р.Г. Игнатьева. (42)

⁹ *Ясан чал* (?) – сделайся чальым! – прим. Р.Г. Игнатьева. (43)

¹⁰ *Чукуудя* (?) – в кузнице – прим. Р.Г. Игнатьева. (44)

¹¹ *Янмурза* – собств. имя мус. С таким названием есть деревня и в елабужском уезде вятской губ., населённая крещёными татарами и русскими – прим. Р.Г. Игнатьева. (45)

¹² *Бердяшь* – единодушный, единомышленный – прим. Р.Г. Игнатьева. (46)

¹³ *Азгын* – человек испорченный. *Оскон* – род дикого луга – прим. Р.Г. Игнатьева. (47)

¹⁴ *Багеръ* – ласкат. имя, употребляемое в обращении к жене, мужу, детям. *Жаным-багеремъ* – прим. Р.Г. Игнатьева. (48)

¹⁵ *Туйындык* – мы насытились – прим. Р.Г. Игнатьева. (49)

¹⁶ *Йорошь* – походка – прим. Р.Г. Игнатьева. (50)

¹⁷ *Дяуэшь* – великое дело; так называется преимущественно большое преступление: убийство человека и т. п. – прим. Р.Г. Игнатьева. (51)

¹⁸ *Йороучянь* – любящий бойко ходить – прим. Р.Г. Игнатьева. (52)

¹⁹ *Ямаш* – 1) сокращ. от *Ямалиддина*; 2) помогай платить заплатай! – прим. Р.Г. Игнатьева. (53)

²⁰ *Тиресь коя* – навоз горит – прим. Р.Г. Игнатьева. (54)

²¹ *Пустуй эшь* (?) – путсая работа – прим. Р.Г. Игнатьева. (55)

²² *Йылан* – змея – прим. Р.Г. Игнатьева. (56)

²³ *Байтюря* – собств. имя башк. – прим. Р.Г. Игнатьева. (57)

²⁴ *Алтау* – шестеро; *ала тау* – пёстрая гора – прим. Р.Г. Игнатьева. (58)

²⁵ В белеб. уезде есть с назв. *Урмядь* река и дер. – прим. Р.Г. Игнатьева. (59)

²⁶ *Амзя* – назв. одной из букв арабского алфавита. Название реки происходит, по всей вероятности, от сходства направления течения с буквой *амзя* – прим. Р.Г. Игнатьева. (60)

Кельтей², Тыктем³, Капут, Качмаш⁴, Аргиш⁵, Ангасяк⁶, Марьяды, Табалчик⁷, Гарейша⁸, Истиев, Сагмам⁹, Байман, Кривади, Ирка¹⁰, Намяды¹¹, Беяшка, Кинчак¹², Варяш¹³, Будзя-Варяш, Урман-Гарель, Босьмен¹⁴, Кундыкла¹⁵, Рыбан, Бирьгенда¹⁶, Исита, Гожан, Шатыртка, Кильдисанка¹⁷, Шаткам-шады¹⁸, Урзя¹⁹, Шушадыр²⁰, Урада²¹, Аркала²², Омья, Елан-Гарейка, Урги²³, Мелаш-Яр²⁴, Маклы-Макаш²⁵, Юрмаз²⁶, Варзи-Зилга, Байман, Ньюлга, Каракап²⁷, Белевьяз, Перла, Чермасан, Силеязка, Кучушка, Гнилой-Танып, Кашмаш, Тыктем²⁸, Каран²⁹,

¹ Башк. слово *инярь* – войти внутрь (дома и т. п.) – прим. Р.Г. Игнатъева. (61)

² Тат. *Кяльтий* – дурак. Ср. *кянтяй* – сука и *кяля жыланы* – ящерица. *Кылтый* – вспыльчивый человек – прим. Р.Г. Игнатъева. (62)

³ *Тыктым* – я всунул, *тектель* – я шил – прим. Р.Г. Игнатъева. (63)

⁴ *Кычмыш* (?) – беглый – прим. Р.Г. Игнатъева. (64)

⁵ *Аргыш* – верховья, возвышенность. *Аргыш жулы* – дорога по возвышенностям, по-за деревням – прим. Р.Г. Игнатъева. (65)

⁶ *Ангасяк*. С таким названием есть в елабужском уезде у русских деревня – прим. Р.Г. Игнатъева. (66)

⁷ *Табылчик* – находка – прим. Р.Г. Игнатъева. (67)

⁸ *Гарейша* – собств. имя мус. от *Гарей* – прим. Р.Г. Игнатъева. (68)

⁹ *Сагынам* (?) – скучаю – прим. Р.Г. Игнатъева. (69)

¹⁰ *Ирка* – изнеженный, ленивый – прим. Р.Г. Игнатъева. (70)

¹¹ *Намя дий* – 1) что он говорит? 2) Собств. мус. имя – прим. Р.Г. Игнатъева. (71)

¹² *Кейенчак* (?) – любящий одеваться в хорошую одежду – прим. Р.Г. Игнатъева. (72)

¹³ *Уваряшь*; знач. неизв. – прим. Р.Г. Игнатъева. (73)

¹⁴ *Бизмянъ* (?) – безмен – прим. Р.Г. Игнатъева. (74)

¹⁵ *Кендекля* (?) – насаживай на сердечник (телегу)! *Кендекъ* – 1) пупок, 2) курок. *Кендекле* – имеющий пупок или курок – прим. Р.Г. Игнатъева. (75)

¹⁶ *Биргяндя* (?) – во время давания – прим. Р.Г. Игнатъева. (76)

¹⁷ *Кильди санга* (?) он пришёл к тебе – прим. Р.Г. Игнатъева. (77)

¹⁸ *Шатка ошады* (?) – похоже на радость – прим. Р.Г. Игнатъева. (78)

¹⁹ *Урьдя* – по возвышенности; *урядя* – во шах – прим. Р.Г. Игнатъева. (79)

²⁰ *Шушы дыр* (?) – должно быть этот – прим. Р.Г. Игнатъева. (80)

²¹ *Ураза*, башк. *урадза* (?) – пост – прим. Р.Г. Игнатъева. (81)

²² *Аркылы* (?) – через – прим. Р.Г. Игнатъева. (82)

²³ *Урги* – тот, который на возвышенности – прим. Р.Г. Игнатъева. (83)

²⁴ *Миляшь-яры* – берег, на котором есть рябина (дер.) – прим. Р.Г. Игнатъева. (84)

²⁵ *Мякле-макаш* (?) – имеющий мак – прим. Р.Г. Игнатъева. (85)

²⁶ *Йоромясь* (?) – не будет хорошо – прим. Р.Г. Игнатъева. (86)

²⁷ *Кара кап* – чёрный куль – прим. Р.Г. Игнатъева. (87)

²⁸ *Тектель*, *тыктем*; см. 63 – прим. Р.Г. Игнатъева. (88)

²⁹ *Каран*; так называют место, на котором не вырос посеянный хлеб или трава – прим. Р.Г. Игнатъева. (89)

Ашитка¹, Ташилга², Шутла³, Таубахта, Сюльзя, Улеевка, Мотовяз⁴, Бороушка, Исирьялга⁵, Шпрыялка, Берёзовый бор, Березовка, Полуденка, Кутлинка, Буканакъяча, Кутерема⁶, Черемиска, Ваня, Ар-Куштый⁷, Балаялга⁸, Мряська⁹, Сугавашты, Грязная, Зермыз, Кудаш¹⁰, Бородья, Калатова, Солодова или Солодовка, Барты-Чел¹¹, Байзюв, Шадаля, Кутенас, Микитир, Килимярдем, Мутабал, Орья-Акудинка, База, Карпинка, Атиечачь¹², Каймашаба, Каменная, Абушуй, Шиланелга¹³, Чёрное-озеро, Черноозёрная, Муртыш, Бюрю¹⁴, Акиневка, Амза¹⁵, Масян, Сабирган, Андреяш, Урской-Чашма, Сихнова, Синияз, Сарымок, Шилия¹⁶, Кюнзююк, Кустин, Минишита, Пурта, Маркимаз, Бустюж, Аламаз, Иш Кумышла, Черукай, Уя, Кумьяза, Киебан, Шулия, Кирчезкова, Арьяды, Мусыкия, Усылвия, Леснашка, Тюльди, Зигитчелга¹⁷, Курям Илга, Сулиш, Анмир, Авусинова, Алтаса, Калония, Качар¹⁸, Уркушта, Токинир, Дувачика, Тугуей, Шардан, Муть, Башкураза¹⁹, Буралина, Буяшка, Унь-Каш²⁰, Елгашевка¹, Широлялка, Шайтанка, Хосенус,

¹ *Ачыткы* – квас – прим. Р.Г. Игнатьева. (90)

² *Таш йылга* – речка с каменным руслом или с каменными берегами – прим. Р.Г. Игнатьева. (91)

³ *Чутла* – 1) обтёсывай кривым топором; 2) брякать счётами, считая деньги – прим. Р.Г. Игнатьева. (92)

⁴ *Мятауяз*; и в белеб. уезде есть деревня и река с этим именем – прим. Р.Г. Игнатьева. (93)

⁵ *Исярь-йылга* – глупая, дурная река – прим. Р.Г. Игнатьева. (94)

⁶ *Кутярмя* – дерев. подъёмы, приделываемые к подошвам лаптей – прим. Р.Г. Игнатьева. (95)

⁷ *Ар кушты* (?) – вотяк велел – прим. Р.Г. Игнатьева. (96)

⁸ *Балайылга* – маленькая речка – прим. Р.Г. Игнатьева. (97)

⁹ *Мряська*; с этим именем есть деревни в менз. и стерл. уездах. *Мярьсь*, у башкир, – собств. имя мужчины – прим. Р.Г. Игнатьева. (98)

¹⁰ *Кодаш* – мус. собств. имя муш., сокращ. из *Ходай-бирде* – прим. Р.Г. Игнатьева. (99)

¹¹ *Бар дий* – *че але* (?) – скажи-ка (ему), что бы он шёл! – прим. Р.Г. Игнатьева. (100)

¹² *Атей-чяче* (?) – волосы моего батюшки – прим. Р.Г. Игнатьева. (101)

¹³ *Шылан* – род болотн. растения – прим. Р.Г. Игнатьева. (102)

¹⁴ *Боро* – древесная почка; *буре* – волк – прим. Р.Г. Игнатьева. (103)

¹⁵ *Амза*; см. 60 – прим. Р.Г. Игнатьева. (104)

¹⁶ *Шялия* – дурковатый и вместе с тем одевающийся в очень плохую одежду – прим. Р.Г. Игнатьева. (105)

¹⁷ *Йегеть-йылга* – речка-молодец – прим. Р.Г. Игнатьева. (106)

¹⁸ *Качар* – убежит – прим. Р.Г. Игнатьева. (107)

¹⁹ *Бишкураз* (?); см. 26 – прим. Р.Г. Игнатьева. (108)

²⁰ *Унг-каш* – правая бровь – прим. Р.Г. Игнатьева. (109)

Букакъячи, Ягрем, Осагин-калга, Большая, Илнеталебекова, Леиза, Куна, Турча, Кийкачь², Орлянка, Нечаевка, Абдюрашка³, Саляз, Билявз⁴, Буй⁵, Ягильяд, Аркач, Урад, Кундук⁶, Шерьяда, Зейреда, Наняды, Улань-Илга⁷, Казаньш, Калметь⁸, Канчар, Албияз, Курдыш-Чишма, Кутлураш, Эк⁹, Букленды¹⁰, Карьилга¹¹, Кигаз¹², Норкина, Кашкалева, Паша, Кизган¹³, Шапкан-Шада, Шамшада, Чушманшиль, Кашкаль, Утар¹⁴, Назир¹⁵, большой и малый Иняк, Юбалкулева.

Все эти реки составляют систему рр. Белой, Уфы и Камы; при всех их находятся русские и инородческие селения. Многие прозвища вод и других исследуемых нами предметов, по словам башкир и других инородцев, *непереводимы*; другие же происходят от имен собственных первых переселенцев на какую-либо местность.

Из тщательных моих разспросов башкир и прочих, безымянные теперь реки, озёра, ручьи, протоки и прежде никогда не имели, будто бы, прозвищ.

Озёра в бирском уезде называются: Шагуреш, Каракун, Артаул, Кулгак, Ульнаш, Подворное, Мальгусул, Карапун, Талкаш¹⁶, Упхадкул¹⁷, Сарыкул¹, Атняшкино, Сулейманово, Бу-

¹ Ялгаш – корыто – прим. Р.Г. Игнатъева. (110)

² Кыйгач – дугообразный (наприм. о бровях) – прим. Р.Г. Игнатъева. (111)

³ Абдюраш – собств. имя от Абдюрашит или Абдрафик – прим. Р.Г. Игнатъева. (112)

⁴ Белябездь (?) – мы знаем – прим. Р.Г. Игнатъева. (113)

⁵ Буй – длина – прим. Р.Г. Игнатъева. (114)

⁶ Кундук – мы ночевали; кендекъ – пупок, сердечник – прим. Р.Г. Игнатъева. (115)

⁷ Улан-йылга – дитя-речка (маленькая речка) – прим. Р.Г. Игнатъева. (116)

⁸ Кальметь – магомет. собств. имя – прим. Р.Г. Игнатъева. (117)

⁹ Ёк; значения не знают. Ёк, у сиб. тат., устье реки – прим. Р.Г. Игнатъева. (118)

¹⁰ Боклянде – изогнулся – прим. Р.Г. Игнатъева. (119)

¹¹ Кара йылга – чёрная речка – прим. Р.Г. Игнатъева. (120)

¹² Киагаз – бумага – прим. Р.Г. Игнатъева. (121)

¹³ Кызган – 1) о сторевшемся сене, о хлебе; 2) сжался! – прим. Р.Г. Игнатъева. (122)

¹⁴ Кашка – лысина на лбу лошади. Утар помещичья усадьба в поле – прим. Р.Г. Игнатъева. (123)

¹⁵ Назир – мус. имя муцины – прим. Р.Г. Игнатъева. (124)

¹⁶ Талкыш (?) – кострика – прим. Р.Г. Игнатъева. (125)

¹⁷ Упкак куль (?) – озеро поглощающее. У уфимских инородцев есть поверья, будто некоторые реки, озёра ежегодно требуют себе жертв – прим. Р.Г. Игнатъева. (126)

ляк-тау², Асуар, Кучан³, Камышёвое, Каликуль, Старомышкино, Чертанкуль⁴, Карагуш⁵, Богдан, Семенкуль, Сары-куль, Салдакиш, Юбайкуль⁶, Ельмяк, Елень⁷, Черлаг⁸, Кунибай, Нужьер, Муковое, Чёрное, Ябердан⁹, Ярметево, Куягпир, Большое, большое и малое Малинское, Перенега, Казы Маштин, Канап¹⁰, Елень, Сакат, Долгое, Кривое, Шамбай¹¹, Арспыды, Долгое, Сакат, Кривое, Дурное, Бурлы-тау¹², Бубиш-тау, Мут¹³, Юбаз¹⁴, Изиль¹⁵, Чик¹⁶, Ичбуль, Какрыкуль, Зиды, Мунчала-куль¹⁷, Тубярка, Туба, Идресь-Туба¹⁸, Сабангул-чуманяр¹⁹, Кумбуль, Курсум, Уликуль, Ангасяк, Чертанай-куль, Богдан, Чертонила, Зиязекуль, Мушта²⁰, Юбайкуль²¹, Урьяза, Биндин, Старолишино, Еланчас, Емашское, Казы²², Кривое, Подгорное, Круглое, Осиновое, Лазоревых 4, Студёное, Рыбное, Дубровское. – Озёр без названия 31.

¹ Сары куль – жёлтое озеро – прим. Р.Г. Игнатьева. (127)

² Булякь-тау. Булякь – подарок; у уфимских татар и башкир так называется ещё маленький остаток от прежнего большого леса – прим. Р.Г. Игнатьева. (128)

³ Кучан (?) – капустный кочень – прим. Р.Г. Игнатьева. (129)

⁴ Чуртан – щука – прим. Р.Г. Игнатьева. (130)

⁵ Кара-гош – орёл – прим. Р.Г. Игнатьева. (131)

⁶ Йупный – собств. имя женщины – прим. Р.Г. Игнатьева. (132)

⁷ Йилень – вымя – прим. Р.Г. Игнатьева. (133)

⁸ Чарлак – 1) место, где берут мох; 2) гористая местность; 3) чердак, вышка дома – прим. Р.Г. Игнатьева. (134)

⁹ Жебердянь – от злости – прим. Р.Г. Игнатьева. (135)

¹⁰ Канап – окровавившись – прим. Р.Г. Игнатьева. (136)

¹¹ Шымбай – имя плута, упоминаемое в сказках – прим. Р.Г. Игнатьева. (137)

¹² Бурлы-тау – меловая гора – прим. Р.Г. Игнатьева. (138)

¹³ Мут – хитрый, бойкий – прим. Р.Г. Игнатьева. (139)

¹⁴ Ой базы (?) – подполье. Юваш (?) – смиренный – прим. Р.Г. Игнатьева. (140)

¹⁵ Изель (?) – по особенному произношению, вместо идель, река – прим. Р.Г. Игнатьева. (141)

¹⁶ Чикь – граница – прим. Р.Г. Игнатьева. (142)

¹⁷ Мунчала-куле – мочало. Название произошло от-того, что в этом озере мочат мочало – прим. Р.Г. Игнатьева. (143)

¹⁸ Идрис – собств. магом. имя мужчины – прим. Р.Г. Игнатьева. (144)

¹⁹ Сабанай-аулы (?). Сабанай – собств. магом. имя мужчины – прим. Р.Г. Игнатьева. (145)

²⁰ В бирском уезде есть деревня с назв. Мышты – прим. Р.Г. Игнатьева. (146)

²¹ Йупный – собств. имя женщины – прим. Р.Г. Игнатьева. (147)

²² Казы – судья – прим. Р.Г. Игнатьева. (148)

Ключи: Чишлыз, Башбукан¹, Маядык, Куц, Красный, Чашма, Арьяды, Ильинский, Святой, Ямарчик, Макаров, Уржумовские 3 соляные ключа (близ дер. Уржумовой), Кусекеевка, Таловка, Урляда², Камышенка, Карачинка, Якишмечь, Красный, Кыска-Чишма³, Куш⁴, Юкаликул⁵, Урский, Ивановский, Якшид, Карыш⁶, Авлашты⁷, Межевой, Шапкал-шада, Бишонды⁸, Бурки-Яшиль⁹, Подгорных 16, Сухаяз, Глинка, Януар¹⁰, Алаурские, Собонча¹¹, Аршивский, Зуката, Антошкин, Суар, Газ, Карасам¹², Чибурилик, Чёрных 4, Уса, Янбышев, Усям, Батыршин, Сюкала, Анбышев, Белый, Лазоревый, Юс-куяк¹³, Анбалы, Букан¹⁴, Суя¹⁵, Чукмасовка¹⁶, Алтышев, Лесок-ковка, Приборский, Арманча, Буганчик¹⁷, Урманчик¹⁸, Гуляев, Шумнов, Дютерлинский, Чаплык, Зарай, Богдановский, Чашлыз, Ульядминский, Суварево, Бронды, Артыш¹⁹, Ярдашев, Косай, Болотнов, Боровицкий, Аргуша, Шуваев, Лог, Макарихин, Суслов, Оторный, Отанский; Безымянных и без всякого прозвища 170 ключей.

Ручьи: Кадушка, Лазарев, Шушла, Ильгин, Авдонов, Кашим, Идым, Иванов, Церковный, Урманчик²⁰, Зуев, Гурин, Лташла, Изилыкей²¹, Чикирик, Бурлин, Подлесных 6, Подгорных 13, Кур-ягиз, Серебряшка, Чужаков, Разумников, Урля-

¹ Биш букянь – пять тюлек (отрубков); в таком названии есть деревня в бирск. уезде – прим. Р.Г. Игнатьева. (149)

² Урляде – уплыл против течения; разгорелся (огонь) – прим. Р.Г. Игнатьева. (150)

³ Кыска чишмя – коротенькая речка – прим. Р.Г. Игнатьева. (151)

⁴ Куш – пара, прибавь. Кууш – пустой – прим. Р.Г. Игнатьева. (152)

⁵ Юкали-куль – озеро, богатое липняком – прим. Р.Г. Игнатьева. (153)

⁶ Карыш (тат.) – четверть (мера длины) – прим. Р.Г. Игнатьева. (154)

⁷ Уулашты – выл вместе – прим. Р.Г. Игнатьева. (155)

⁸ Бишенде – назв. дер. белеб. уезда – прим. Р.Г. Игнатьева. (156)

⁹ Буреке йашель – у него (озера) зелёная шапка – прим. Р.Г. Игнатьева. (157)

¹⁰ Януар – животное вообще – прим. Р.Г. Игнатьева. (158)

¹¹ Сабынчы – делающий мыло – прим. Р.Г. Игнатьева. (159)

¹² Карасам – если посмотрю – прим. Р.Г. Игнатьева. (160)

¹³ Йоз кууак – сто кустов – прим. Р.Г. Игнатьева. (161)

¹⁴ Букянь – тюлька, отрубков от бревна – прим. Р.Г. Игнатьева. (162)

¹⁵ Суя (?) – колет, режет (животное) – прим. Р.Г. Игнатьева. (163)

¹⁶ Чукамыс (?) – не клюнет – прим. Р.Г. Игнатьева. (164)

¹⁷ Болганчык – мутное (озеро) – прим. Р.Г. Игнатьева. (165)

¹⁸ Урманчык – лесок – прим. Р.Г. Игнатьева. (166)

¹⁹ Артыш – можжевельник – прим. Р.Г. Игнатьева. (167)

²⁰ Урманчык – лесок – прим. Р.Г. Игнатьева. (168)

²¹ Изелекяй – речка – прим. Р.Г. Игнатьева. (169)

динских 2, Икушлинский, Чуар¹, Арташка, Зуев, Землянка, Заинский, Куаш, Дурнов, Сарайка, Улгуш², Чумчалын, Анчуров, Гурьяновский, Уржумовка, Уржумовский, Гуршак, Газ, Чуярдын, Ашлы-ман³, Чемерсан, Ибраев, Абдрахманкин, Искаков, Руковный, Ибрагимов, Заяр⁴, Шуяды, Кульян, Шуардын, Мукатынский, Усюда⁵, Закотали, Гусевка, Гумбийка, Изыл⁶, Гумин, Чаардым⁷, Сумин, Ульянов, Тумбор, Бирьяды, Бирьяк⁸, Бирьядынские, Гумберла, Яктыш; Безымянных и без прозвища 104.

Болото Литово, близ дер. Литовой; другие болота, которых здесь много, без названий.

Горы: Мышкинская, Чечкора, Маша, Урюш, Чиали, Тук, Буляк-тау, Сучек, Клятин, Каменная, Тюбетейка⁹, Ямаш, Юва, Ямода, Айтык, Читав, Мышкина или Мышкинская, Елань, Бюрюбаш, Югамаш-тау, Такман-тау, Каракан, Песочная, Красная, Большая, Малая, Бурлы-тау, Будах-тау, Дубовая, Берёзовая, Канзяш, Мачит-тау, Бняш-тау, Каменная, Чермаш-тау, Амир, Байзнева, Большая, Красная, Сибирган-тау, Шарды, Тугалия-баш, Бурсук, Тольди, Буртыш, Чиягруп, Мали, Шурымская, Шурзии, Соснова, Берёзовая, Каракина, Ардаш, Казагым, Кильметева, Тюльдинная, Галкина¹⁰, Глиняная, Каменитая, Птичья, Андреева, Сарып, Шуня, Ардина, Ак-баш, Сур-баш; гор без названия более 200, в том числе горы на берегах главных рек: Белой, Уфы, Камы; другие же называют их: Бельскими, Камскими, Уфимскими. Здешние горы не принадлежат к Уральским.

Горы-мыс. К числу их принадлежит так называемое Чортово Городище, в 3½ верст. от Бирска, на берегу р. Белой, близ речки Оторной, Святого Ключа и лога Макарихи. Близ горо-

¹ Чууар – пёстрый – прим. Р.Г. Игнатьева. (170)

² Оло-гош – большая птица – прим. Р.Г. Игнатьева. (171)

³ Ашлы мянь (?) – я богат пищей – прим. Р.Г. Игнатьева. (172)

⁴ Загарь – злой – прим. Р.Г. Игнатьева. (173)

⁵ Усяудя (?) – в росте – прим. Р.Г. Игнатьева. (174)

⁶ Изель – река (Белая?) – прим. Р.Г. Игнатьева. (175)

⁷ Чыгардым (?) – вывел – прим. Р.Г. Игнатьева. (176)

⁸ Бире-як – эта сторона – прим. Р.Г. Игнатьева. (177)

⁹ Название происходит от круглой вершины горы, похожей на татарскую ермолку или *тябятей* – прим. Р.Г. Игнатьева.

¹⁰ Около этой горы, лежащей под городом Бирском, находят много черепов и человеческих костей и даже остатки гробов; всё это местное предание приписывает чуди. Учёных раскопок здесь не было – прим. Р.Г. Игнатьева.

дища на З идёт, на протяжении 1½ вёрст, чернозёмно-песчаная насыпь в виде вала, вышиною теперь от осыпа не более 1 арш. Затем есть ещё две таковые же горы-мыс: Акбаш и Соколия; наверху этих гор круглые насыпи вала, называемые «чудскими городищами». Кроме этих мысов ещё есть З, так и прозываемых народом «мысовыми горами».

Около г. Бирска есть лог Калмаза, где погребены казаки, убитые во время нападения на Бирск пугачёвских шаек. Другие логи в здешнем уезде не имеют особых прозвищ.

В бирском уезде находится несколько остатков земляных укреплений, называемых в народе то ногайскими или татарскими, то чудскими. Их видим близ с. Степановки, около горы Мысовой; близ дер. Бурновой, Ярославовой, Шади, Сусловой, Новопетровой, Бектемировой, Камышенки, Симкиной, Питяковой; все эти так называемые ногайские или чудские валы идут на значительное расстояние; грунт насыпей различный, смотря по местности, так как земля для насыпей бралась тут же на месте. Кроме названия, об этих валах у местных жителей нет никаких преданий; лишь существуют рассказы о бывших тут находках человеческих костей, черепков битой глиняной посуды и маленьких каменных жерновов. Впрочем местные жители здесь все переселенцы, прибывшие сюда не далее конца прошедшего столетия на пустые места, как слыхали они от стариков; о валах же, что они не то ногайские, не то чудские, им рассказывали соседние башкиры, которые более того сами ничего не знают.

Курганов, так называемых чудскими, с бирском уезде мы нашли всего два, которые, по словам жителей, никем не тронуты; оба находятся около дер. Костыревой, недалеко от Чортова Городища. Первый из них обнесён валом из чернозёмного грунта, вышиной 1½ арш. Говорят, что множество чудских курганов истреблено до основания новыми переселенцами из русских и инородцев, с целью кладоискательства; но как бы то ни было, городища, валы и два сохранившиеся кургана сами за себя говорят об очень давней обитаемости здешней местности.

Златоустовский уезд.

Этот уезд, занимающий пространство 381,57 квадр. миль, населён русскими, башкирами, тептярями и мещеряками; русское население возникло только во второй половине

прошедшего столетия. Башкиры, уступив свои земли горным заводам и переселенцам, сами удалились в разные места, преимущественно в оренбургскую и пермскую губернии; но между русским населением сохранились старые башкирские названия вод, урочищ и т. д.; все значатся по разным актам, как-то: купчим крепостям и т. д. Многие названия даны уже после и русскими, но даны тем водам и прочим предметам, которые не имели названий. Златоустовский уезд принадлежит к приуральским местностям уфимской губернии.

Здесь протекают реки: Ай¹, Юрюзань², Уфа³, две Тесьмы⁴, Громотуха, Чувашка, три Каменки, Багруш, Куваш⁵, Уренчинка⁶, три Чёрных, Куса⁷, Юрак⁸, Хуторка, Семибратка, Весёлка, Байгадитовка⁹, Маршаловка, Баладановка, Балашиха, Известная, Уржумка, Мышина, Красногранная, Орловка, Кошелевка, Хайнак, Сунгурка, Китаганка, Сунгуш, Карагайка¹⁰, Гардеуш, Молочная, Уртгош, Белая, Булановка, Арша¹¹, Писталы¹², Сарайка¹³, Малыш, Анофриевка, Терекла¹⁴, Рябиновка, Билярон, Арсакаровка, Сатка большая и малая, Куторга, Ниса, Тюлюк, Буланка, Ишелка, Каменка, Кабановка, Тонкая, Кардеуш, Баккал, Глинейка, Санлагада, Тюмерка¹⁵, Таганай, Силья, Волахга, Кунгурка¹⁶, Муналка, Картя¹, Сухот-

¹ Ай, вероятно Аю, что у башкир значит – медведь, медвежья; на этой реке, в 50 верстах от г. Златоуста, начинаются пороги и идут до впадения её в реку Уфу; но эти пороги без названий – прим. Р.Г. Игнатьева. Ай – луна – прим. Р.Г. Игнатьева. (178)

² Йороусянь – ходкий – прим. Р.Г. Игнатьева. (179)

³ Офо; см. примеч. 3 – прим. Р.Г. Игнатьева. (180)

⁴ Тасма (?) – лента, тесьма – прим. Р.Г. Игнатьева. (181)

⁵ Куу баш (?) – трут (род гриба) – прим. Р.Г. Игнатьева. (182)

⁶ От урянсек – тот, кто только что начинает учиться чему-нибудь (о человеке, лошади и т. п.) – прим. Р.Г. Игнатьева. (183)

⁷ Коса – изрыгает – прим. Р.Г. Игнатьева. (184)

⁸ Йорак (?) – сердце; йарык – далеко – прим. Р.Г. Игнатьева. (185)

⁹ Бай-гадит – собств. имя башк. – прим. Р.Г. Игнатьева. (186)

¹⁰ Карагай – сосна – прим. Р.Г. Игнатьева. (187)

¹¹ Аръжя (?) – коробка – прим. Р.Г. Игнатьева. (188)

¹² Бистяле – 1) городской житель; 2) дворянин – прим. Р.Г. Игнатьева. (189)

¹³ Сарай – большой, хороший дом – прим. Р.Г. Игнатьева. (190)

¹⁴ Тирыкле – речка, по которой растёт осокорь (дерево) – прим. Р.Г. Игнатьева. (191)

¹⁵ Тюмеркя – колода. Тумыртка (башк.) = тукыран (тат.) – дятел – прим. Р.Г. Игнатьева. (192)

¹⁶ Конггор – бурый (цвет корова); тёмнорусый – прим. Р.Г. Игнатьева. (193)

ка, Черноляр, Круш, Уса, Минка, Тастубинка², Душатъян, Ишмень³, Улуар, Сикиаз, Киг, Елань⁴, Улуар, Сирояш, Ургала, Тугузла⁵, Каймасла, Асса, Бийуса, Уртюш, Кисенка, Леуза, Леузонка, Биктала, Кургаш-елга⁶, Артамыш, Ургала, Куршидали, Казыилга, Изрюнда, Шидали большая и малая, Буланка, Бий⁷, Хан-яктак, Кашкаяк, Атафка, Карт⁸, Суханка, Лизяк, Лемаза, Кушкаяз, Енальш⁹, Сухачка, большой и малый Ик¹⁰, большая и малая Лаза, Адырша, Нижний Ик, Шагил, Ключь-речка, Метеля, Малякас, Маскар¹¹, Куршал, Суя, Емашка, Шекаста, Бассы-елга, Баргаджа, Сагальдым, Ока, Лакла, Тюлюк, Калагаз, большая и малая Мясда, Ашкаян, Карагулка, Алуар, Анзяк, Еланла¹², Куштура, Вакиаровка, большой и малый Богруш, Акбий. Речек без названий, или же прозванных Безымянными, 44.

Все здешние реки впадают в Ай, Уфу, Юрюзань; р. Белая является здесь самую незначительную; рр. Ай, Юрюзань, Куса и Уфа судоходны только весной. На р. Кусе много порогов, но без названия; один только, состоящий из 3 огромных подводных скал, опасных во время плавания, называется «Три Брата». На р. Юрюзани есть пороги, носящие следующие прозвища: 1) *Камень-Могильный*, близ Юрюзанского завода; 2) *Слань Долгая*, в конце горы Мягкой; 3) *Камень-Сулеманкин*, в конце горы Сулеманки; 4) *Остров-Сорочий*, в верхнем конце горы Казырбака; 5) *Камень-Дергач*, противу горы Осиновой; 6) *Камень-Карамышкин*, в конце горы Каменной; 7) *Каменный-Берег*, в устьи речки Миньки; 8) *Камень-Минька*, близ Минского завода; 9) *Камень*, против башкирской дер. Идрисовой; 10)

¹ *Картя* – 1) у башк. загородка для скота; 2) загородь, которую окружается деревня – прим. Р.Г. Игнатъева. (194)

² *Таз-тубя* – плешивая горка – прим. Р.Г. Игнатъева. (195а)

³ С именем *Ишмян* есть деревня в белеб. уезде – прим. Р.Г. Игнатъева. (195б)

⁴ *Йылан* – змея – прим. Р.Г. Игнатъева. (196)

⁵ *Тугузлы* – 1) содержащий в себе 9; 2) девятка (игральная карта) – прим. Р.Г. Игнатъева. (197)

⁶ Здесь был на берегу реки, близ дер. Кургаш-елга, чудской курган, срытый в 1850 году – прим. Р.Г. Игнатъева. *Кургаш* – общее название олова и свинца – прим. Р.Г. Игнатъева. (198)

⁷ *Бий* – князь – прим. Р.Г. Игнатъева. (199)

⁸ *Карт* – старик – прим. Р.Г. Игнатъева. (200)

⁹ *Янггылыш* (?) – ошибка – прим. Р.Г. Игнатъева. (201)

¹⁰ *Ык* (?); см. выше 118 – прим. Р.Г. Игнатъева. (202)

¹¹ *Маскар, маскяря* – осрамившийся – прим. Р.Г. Игнатъева. (203)

¹² *Йыланлы* (?) – имеющий много змей – прим. Р.Г. Игнатъева. (204)

Камень-Козырбак, в нижнем конце горы Козырбака; 11) *Камень-Мусаткин*, близ башкирской дер. Мусатовой; 12) *Камень-Песчорка*, ниже башкирской дер. Махмутовой.

Озёра: Семибратское, Саратиуль (при горе этого имени), Ильинское, Чугашево, Пименово, Алань-куль, Шарып¹, Чертан², Синее, Сюнь, Аглы, Били, Песчаное, Урманское, Казыляр³, Чурун, Ашкаяковское, Аланча, баш⁴, Усное, Логовинное, Котловыл 4⁵, Подлесных 3, Заур, Минское, Алатур⁶, Чёрное, Котловина, Пригорных 3, Иванково, Исак⁷, Урмун⁸, Лаурдук, Урманиул⁹, Зуй-куль, Ильино, Заимское, Чертали, Аткуль¹⁰, Поговина или Поговинное, Акпуль¹¹, Лазоревое, Зубово, Унчар, Аглыкуль¹², Зурь, Андышево, Зухарево; озёр под именем Безымянных и никак неперозывающихся 34.

К числу стоячих вод должно отнести пруды в г. Златоусте, заводах Кусинском, Саткинском, Юрюзанском, Минском; они называются «заводскими». В г. Златоусте есть ещё пруд под названием *Саженка*. Пруды устроены, как необходимые для заводских действий, при основании самых заводов, в конце прошедшего столетия.

Ручьи: Ярослав, Холодный, Пригорных 8, Студёный, Акачи¹³, Ак-бий¹⁴, Семёнов, Кутла¹⁵, Думембик, Урманча¹⁶, Воксар, Бахтаров, Шумлян, Подгорных 4, Статский, Церковный, Поповкин, Татарский, Бахтиаркин, Смольиной, Чувашкин,

¹ *Шарып* – магом. собств. имя мужчины – прим. Р.Г. Игнатьева. (205)

² *Чуртан* – щука – прим. Р.Г. Игнатьева. (206)

³ *Кызыл-яр* – красный берег – прим. Р.Г. Игнатьева. (207)

⁴ *Баш* – голова – прим. Р.Г. Игнатьева. (208)

⁵ *Котло-гыл* – башк. собств. имя; «принеси счастье» – прим. Р.Г. Игнатьева. (209). А может быть просто описка: Котловыл 4, вместо Котловых 4? Ред.

⁶ *Алатыр*; так называют мещеряков, переселенцев из алатырского уезда – прим. Р.Г. Игнатьева. (210)

⁷ *Исхак* (?) – собств. имя мусульманское – прим. Р.Г. Игнатьева. (211)

⁸ *Урман* (?) – лес – прим. Р.Г. Игнатьева. (212)

⁹ *Урман-куле* – лесное озеро – прим. Р.Г. Игнатьева. (213)

¹⁰ *Ат-куле* – лошадиное озеро – прим. Р.Г. Игнатьева. (214)

¹¹ *Ак-куль* – белое озеро – прим. Р.Г. Игнатьева. (215)

¹² *Аклы-куль* (?) – беловатое озеро – прим. Р.Г. Игнатьева. (216)

¹³ *Ак-ачи* – белый и вместе с тем горько-солёный – прим. Р.Г. Игнатьева. (217)

¹⁴ *Ак-бий* – белый князь – прим. Р.Г. Игнатьева. (218)

¹⁵ *Котло* – счастливый – прим. Р.Г. Игнатьева. (219)

¹⁶ *Урманча* – лесистая местность – прим. Р.Г. Игнатьева. (220)

Мордовкин, Усманов, Бийский, Чукады¹, Аршинский, Минский, Буй², Ангары³, Крушевка, Бугондуш, Акчабашир, Суев, Ивашкин, Гулин, Дмитрев, Лазин, Тюртилин, Ангазын-муй, Чигадынский, Чигадык-так, Аулин, Борозда, Ушали⁴, Учальский, Абрахманов, Иснаков, Заимных 4, Юш-кау, Андырь, Чукатай, Артышак⁵, Юмалы-туй⁶, Ангусин; ручьёв Безымянных и вообще без прозвищ до 170.

Ручьями изобилуют здешние гористые места, также и ключами.

Ключи: Чилем, Вокияр, Айса, Бахтиаркин, Абдрахманкин, Ибрайкин, Анзяк, Кадыров, Мурсалимкин, Карагул, Лаклинка, Мясядский, Шимка, Тогилкин, Яункин, Подгорных 6, Шумкин, Кучканка, Громотушный, Бускин, Заимный, Аршин, Варсук, Сарайкин, Чаул, Урманнин, Байсук, Мальчикин, Лиственный, Угловой, Мысовой, Багрушев, Урсум, Зай, Аблий, Улуар, Тюолюкский, Яунов, Кульметев, Кроков, Аштовка, Ключёвка, Арташ, Ардыш, Павловка, Паменов, Акбулев, Шайтанка, Зальева, Шуркин, Медвидский, Яунка, Башиндииков, Азаулин, Сарайка, Шайбуменский, Качугар-Оглы; Безымянных и вообще без всяких прозвищ насчитывается до 300 ключей.

Горы: Урал, Багруш, Уренга, Таганай, Копанец, Губенка, Чувашская, две Змеиные, Татарская, Змеиный Мыс, Мышляй, Ювалда, Курамынские Мысы, Берёзовая, Медвежья, Балашевка, Уржумка, Косотур, Низменская, Преображенская (Бутыловка), Липовка, Чулкова, Миас, Тараташ⁷, Маскиралы⁸,

¹ *Чокады;* в белеб. уезде с таким названием есть деревня и река; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (221)

² *Буй* – длина – прим. Р.Г. Игнатьева. (222)

³ *Анггара (?)* – безтолковый – прим. Р.Г. Игнатьева. (223)

⁴ *Ушалы Уша:* так называются доски возле печки, служащие лестницей для влезания на печь и местом куда ставятся кумганы. *Ушалы* – (ручей) имеющий такие *уши* (по всей вероятности здесь разумеются береговые уступы) – прим. Р.Г. Игнатьева. (224)

⁵ От *артыш* – можжевельник – прим. Р.Г. Игнатьева. (225)

⁶ *Юмалы-туй* – ласковый приём, весёлый пир – прим. Р.Г. Игнатьева. (226)

⁷ *Тора-таш.* Так называются камни, похожие формой на человека или на какое-нибудь животное. Существуют у башкир, татар и мещеряков легенды о том, как Бог превратил людей (именно русских) за грехи (за кощунство над могилами магометанских святых) в камни – прим. Р.Г. Игнатьева. (227)

⁸ *Маскярале* – заключающий в себе посрамление – прим. Р.Г. Игнатьева. (228)

Кокши, Сумея, Суки, Сюраткуль¹ при озере этого же имени), Буланина, Нургуш, Уван, Жукота (на этой горе есть пещера без названия, устье которой засыпано огромными камнями, оторванными, как утверждают, более 50 лет тому, бурей), Чукур², Улькунды или Птичьа, Дубова, Бикталл, Карагай³, Юрт⁴, Сука⁵, Казым или Казымовская, Бусилкина, Каменная, Сулейманкина, Басташ, Саля, Макрушевка, Гольий Мыс, Пьяная, Точильная, Шимка, Сосновая, Яушкуль, Зеркускан⁶, Угловая, Заимковая, Якбулан, Сосновых 4, Придорожных 2, Бурьяз, Башукова, Тастубинская⁷, Каменная, Караташ⁸, Бетка, Зигалька, Завьялиха, Абдрахманова; Безымянных гор значительное число.

Некоторые из отрогов Урала, под одним и тем же названием, занимают весьма большое пространство; например: Уренга составляет цепь гор или хребет; Таганай тоже. Уренгу башкиры ещё зовут, по её вышине, Лунными Подпорками. – Р. Ай, при дер. Айская Пристань, отделяет собою Уральские горы от гор уже другой формации, но всё равно с русскими и башкиро-татарскими прозвищами. Горы на берегу рр. Уфы, Юрюзани – без названий; недалеко от башкирской дер. Улькунды есть просёлок в село Дуван, называемый «Мордовским», потому что, по преданию, когда-то мордва, как и чувашаи, жила в златоустовском уезде но потом выселилась, а часть мордвы, уже окрестившейся в прошедшем столетии, поселилась при р. Ае, что теперь село Айлино. Близ мордовского просёлка и речки Кошелёвки, на горе Чукур, где есть самородная пещера, находилась, а теперь почти обрушена бурей, круглая земляная насыпь вала, с пустым в середине пространством, называемая русскими чудскою, а башкирами – Шайтан, т. е. Чортовым Городищем. В 1868 г., после бури, разметавшей вал, найдены

¹ *Сюрять-куле* – озеро, у которого есть изображение (?)!– прим. Р.Г. Игнатъева. (229)

² *Чокор* – яма – прим. Р.Г. Игнатъева. (230)

³ *Карагай* – сосна – прим. Р.Г. Игнатъева. (231)

⁴ *Йорт* – дом со всеми надворными строениями – прим. Р.Г. Игнатъева. (232)

⁵ *Сука* – соха – прим. Р.Г. Игнатъева. (233)

⁶ *Йир коскан* – земля изрыгнула – прим. Р.Г. Игнатъева. (234)

⁷ Замечательная находками на вершине её окаменелых раковин, тогда как кроме самой незначительной речки Тастубинки здесь нет никаких вод и невидны никаких признаков бывших русл – прим. Р.Г. Игнатъева. *Таз-тюбя* – плешивая горка – прим. Р.Г. Игнатъева. (235)

⁸ *Кара-таш* – чёрный камень – прим. Р.Г. Игнатъева. (236)

три медных монеты с арабскою надписью: «благородный Кокан»; одна из монет находится в музее статистического комитета. По этому судя, самое городище не есть ли могила какого-нибудь мусульманского пропагандиста, пришедшего из Кокана? В преданиях башкир, миссионеры и вообще знатные люди погребались на вершинах гор и местах возвышенных и обносить могилы валом было в обычае, что и теперь ведётся в Средней Азии и у наших киргиз. Другое городище, тоже под именем чудского и Шайтан, находится на горе Улькунды; местность обоих городищ принадлежит башкирам мурзаларской волости. Близ Саткинского завода, при р. Сарайке, у моста Берёзового, около берёзового леса, есть вал, местами уже осыпавшийся и исчезнувший от времени; он тоже зовётся и чудским и ногайским. Около этого вала, как говорят были курганы, но они давно скрыты до основания и о находках в них неизвестно. Около селений Метели, Сикиаза, Искакова есть чудские же курганы; один из них обнесён валом; но были ли они когда-нибудь раскопаны и что при том найдено – тоже неизвестно; башкирами, впрочем, почему-то курганы эти зовутся ногайскими.

В 12 верстах от села Тастубы, близ р. Кошелевки одно гористое место зовётся «Сивым Камнем» и местом чудских кладов, которых однако же искать никто не ешался. Народ даже боится этого места: оно проклято, а клады охраняет сам шайтан и вся сила дьявольская. – Есть, по преданию, два таких заклятых места, с чудскими же кладками, около селений Ярославки и Дувана, и как раз оба места недалеко от чудских-шайтан городищ. Но ни на местах нахождения кладов, ни там где находятся памятники неизвестного исчезнувшего народа, не видим и не слышим соответствующих названий вод, урочищ и т. д., прямо относящихся к сохранившимся памятникам. Все эти названия, конечно, исчезли вместе с удалением древних обитателей, а новым многих прозвищ не было передано. Башкирские земли, как видно из купчих крепостей XVIII века, измерялись по живым урочищам и более по берегам рек; в этих купчих встречаем те же названия рек, озёр, ручьёв, ключей, которые существуют теперь.

Не приводим здесь названия логов в бирском и златоустовском уездах: все они названы или по близ находящимся водам и горам, которых названия мы здесь объяснили, или же зовутся болотными, межевыми, лесными, подгорными; наконец называются собственными именами владельцев логов,

особенно если они на пашне, как-то: Иванов, Макаров, Макарихин, Ибрагимов, Бикбаев и т. п. У крестьян с этими именами бывають пашни, т. е. кто где пашет, там и пашня зовётся его именем; пашня переходит к другому, а имя прежнего пахаря остаётся и, пожалуй, переходит в предание; точно тоже совершается и с прозванием логов.

Мы старались узнать нет ли между жителями преданий о более древних прозваниях вод и прочих предметов настоящего розыскания; но ни башкиры, ни русские, ни инородцы ничего не могли объяснить нам.

Затем ещё существуют названия заимок, но все они русские и недавние; у башкир и других инородцев их нет. Недавно ещё даны прозвища казённым поземельным участкам, но о них будем говорить особо, как неотносящихся к предмету настоящей статьи.

Белебеевский уезд.

Этот уезд занимает пространство 8087,2 квадр. вёрст, или 415,15 квадр. миль. Население составляют: русские, башкиры, татары, мещеряки, тептяри-магометане, чуваша, мордва; всего здесь считается около 300000 жителей обоого пола. Здешние башкиры уверяют, что они тут очень давние жители, что здешнее население их будто бы древнее, нежели в других местах уфимской губернии, где, будто бы, башкирское население большею частью – смесь башкир с разными инородцами, а они, белебеевские башкиры, живущие по р. Дёме и притокам её, – самые чистые, без примеси, потомки древних башкир, потоков болгар. И действительно, здешние башкиры сохранили более других свою старину, свой давний быт, свои предания; даже наречие их несколько отличается от башкир, например, уфимского уезда. Некоторые держат у себя верблюдов, когда верблюдов совсем нет в прочих уездах уфимской губернии; нет их также и в оренбургской губернии, за исключением приезжих киргиз. Белебеевские башкиры говорят, что у них есть такие верблюды, род которых ведётся более двух столетий, и этим самым башкиры доказывают древность своего здесь обитания. О здешней местности, т. е. нынешнем белебеевском уезде, из татарских летописей узнаём, что окрестности г. Белебея и побережье р. Дёмы, со всеми её притоками, служили издревле местом башкирских кочёвок и во времена существования Болгарского царства сюда неоднократно посы-

лались мусульманские миссионеры, для обращения башкир-язычников¹.

Белебеевский уезд, представляет обилие вод и принадлежит к приуральским местностям уфимской губернии. Здешние реки принадлежат к системе р. Дёмы; эта главная в уезде река, Дёма, впадает в р. Белую в пределах уфимского уезда.

Реки в белебеевском уезде: Дёма², Ик³, Усень⁴, Стевензя, Сунь⁵, Шимчикуй, Шалтыка⁶, Шараик, Камышлинка⁷, Сирашу, Каныр-Менеуз⁸, Пылык, Гайна⁹, Никифоровка, Ильбахты, Миян, Карамах, Бишиндык¹⁰, Нугуш¹¹, Агырка, Ильга¹², Салып¹³, Юмафинка, Челмалы-Татак¹⁴, Улик-Илга-Тамак¹⁵, Уккаязь, Купырлы¹⁶, Шаранка¹⁷, Кусяга, Кретбынка, База¹⁸, Чукайка¹⁹, Меняды²⁰, Базгейка²¹, Тюльгаза, Чермесаз²², Кадаш²³, Уразайка²⁴, Сосновка, Мокрая-Карлическа, Марьян¹, Сухая-

¹ «Записки Импер. Археол. Общ.», т. XIII стр. 257 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Дим; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (237)

³ Ык; см. выше 118 – прим. Р.Г. Игнатьева. (238)

⁴ Осянь; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (239)

⁵ Сонь; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (240)

⁶ Шалтык; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (241)

⁷ Из камышлы – (речка) обильная камышём – прим. Р.Г. Игнатьева. (242)

⁸ Кынгыр – косой. Мянязь; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (243)

⁹ Гайня, дер. и река. Гайнянь – собств. имя муш. – прим. Р.Г. Игнатьева. (244)

¹⁰ Бишенде, деревня и река; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (245)

¹¹ Ногошь; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (246)

¹² Ылга – река – прим. Р.Г. Игнатьева. (247)

¹³ Салып (?) – положивши – прим. Р.Г. Игнатьева. (248)

¹⁴ Чалмалы тамак (?), деревня и река: означает устье реки, имеющее чалмы (?) – прим. Р.Г. Игнатьева. (249)

¹⁵ Улек-ылга тамагы – устье пересохшей реки – прим. Р.Г. Игнатьева. (250)

¹⁶ Куперле (?) – (река) имеющая мосты – прим. Р.Г. Игнатьева. (251)

¹⁷ Шаран, имя дер. и реки; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (252)

¹⁸ Базы; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (253)

¹⁹ Чукай (?) – черемисский женский головной убор – прим. Р.Г. Игнатьева. (254)

²⁰ Меняде (?) (кирг.) – восходить – прим. Р.Г. Игнатьева. (255)

²¹ Базгыя – название чувашской деревни – прим. Р.Г. Игнатьева. (256)

²² Чермя-саз – гнилое болото – прим. Р.Г. Игнатьева. (257)

²³ Кодаш – собств. имя башк.; сокращ. из Ходайберде – прим. Р.Г. Игнатьева. (258)

²⁴ Уразай, от ураза – пост (?) – прим. Р.Г. Игнатьева. (259)

Санинка, Каргала², Урюз, Карылга³, Кармалка⁴, Текаевка, Ин-
дяк, Куюк, Читан⁵, Кучгур, Марьян⁶, большой и малый, Крас-
ная, Кугоюлга, Чиганлы⁷, Бишиндынка⁸, Арьилга⁹, Чермасан,
Сырым, Алдаушка¹⁰, Савадей¹¹, Калмашка¹², Чекмагушка¹³,
Базы, Сиганьязы, Камышлы-Илга¹⁴, Качьилга, Учабуш¹⁵, Чик-
бейка, Сакяш, Каран¹⁶, Белек, Кыркуваш¹⁷, Наргыш, Сиуш-
на, Минеуз, Белебейка, Сосновая, Утейка, Аря, Малиновый
Рог, Медведка, Мата, Чет-Курга, Назяда, Крюта, Буга¹⁸, Ба-
сяккла, Казылар¹⁹, Урдыбаш, Менеда, Тюльгаза, Идяшка²⁰,
Аурзь, Умировка²¹, Матинка, Арняшка, Тюкбердинка, Кузен-
бент, Сакарка, Мустафинка, Норотлинка, Ушачь, Всеняльчь,
Имянает, Шарашла, Чумаланка²², Юлдуска²³, Илень²⁴, Кур-
сак²⁵, Чубарка²⁶, Писмянка¹, Казалинка², Кайберда³, Черма-

¹ Маржянь – коралл – прим. Р.Г. Игнатьева. (260)

² Каргалы – обильный воронами – прим. Р.Г. Игнатьева. (261)

³ Кара йылга (?) – чёрная речка – прим. Р.Г. Игнатьева. (262)

⁴ От карамалы – обильный вязом – прим. Р.Г. Игнатьева. (263)

⁵ Читянь – плетень – прим. Р.Г. Игнатьева. (264)

⁶ Маржянь; см. 260 – прим. Р.Г. Игнатьева. (265)

⁷ Чаганлы – (речка) обильная клёном – прим. Р.Г. Игнатьева. (266)

⁸ От Бишенде; см. 245 – прим. Р.Г. Игнатьева. (267)

⁹ Ар-йылга – название деревни, населённой вотяками. Ар – вотяк – прим. Р.Г. Игнатьева. (268)

¹⁰ От алдауыч – обманчивая вещь – прим. Р.Г. Игнатьева. (269)

¹¹ Савадей – название деревни и реки; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (270)

¹² От названия деревни Калмаш; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (271)

¹³ Чакмагош – черемисская деревня. Чакма – огниво – прим. Р.Г. Игнатьева. (272)

¹⁴ Камышлы йылга; есть и деревня с таким именем; означает реку, обильную камышом – прим. Р.Г. Игнатьева. (273)

¹⁵ Уучы буш – горсть его пуста – прим. Р.Г. Игнатьева. (274)

¹⁶ Каран; см. примеч. 89 – прим. Р.Г. Игнатьева. (275)

¹⁷ Кыркуу аш – очень солёная (горькая) пища – прим. Р.Г. Игнатьева. (276)

¹⁸ Буга; деревня и река – прим. Р.Г. Игнатьева. (277)

¹⁹ Казылар (?) – судьи. Казлар (?) – гуси – прим. Р.Г. Игнатьева. (278)

²⁰ От идяш – вообще всякая маленькая речка – прим. Р.Г. Игнатьева. (279)

²¹ От собств. имени муш. Умир – прим. Р.Г. Игнатьева. (280)

²² От чумяля – копна – прим. Р.Г. Игнатьева. (281)

²³ От йолдоз – звезда – прим. Р.Г. Игнатьева. (282)

²⁴ От йилень – коровье вымя – прим. Р.Г. Игнатьева. (283)

²⁵ Корсак – брюхо – прим. Р.Г. Игнатьева. (284)

²⁶ От чубар – пёстрый – прим. Р.Г. Игнатьева. (285)

сан, Мятевка, Курганка⁴, Услуилга⁵, Енбулак, Седяк⁶, Бызлык, Курмаза, Каныр, Тюрюш, Тюркеева⁷, Идяш⁸, Карамала⁹, Чумасан, Акша¹⁰, Чегаллы¹¹, Чусекеева, Сындыркуль, Шатман, Суюнча¹², Чуркас, Айтяк, Угуган, Карамала¹³, Таукеей¹⁴, Аврю, Тауелга¹⁵, Тамла, Чиряш, Чигим, Слак¹⁶, Зирикла¹⁷, Сидяк, Курмеза, Темар, Улан¹⁸, Яик-Куза, Тоик-Илга, Миак¹⁹, Мянетьмень, Тетерь, Лунгильга, Кыныр²⁰, Тюртюк, Каран-Илга²¹, Бязлык, Уяз²², Качегановка, Кистенла²³, Тимаш, Екбулак, Каркала, Уяз, Курседяк, Канибек, Селеней, Куртанай²⁴, Апрыкуль²⁵, Зильдерка, Елебилан, Чимагуш, Кудамай²⁶, Узамла, Менятман, Тумаш-Илга, Кекень, Бузатка или Айристирак, Урти-Сиряш, Канык-Менеуз, Сарбай, Зяуньелга, Аркалы-Чикан,

¹ От бизмянъ – безмен – прим. Р.Г. Игнатъева. (286)

² От казалы – заключающий в себе беду – прим. Р.Г. Игнатъева. (287)

³ Кайбердя – в некотором месте, времени? – прим. Р.Г. Игнатъева. (288)

⁴ От курган (у уф. Башк.) – скалистая гора – прим. Р.Г. Игнатъева. (289)

⁵ Усылы йылга – прим. Р.Г. Игнатъева. (290)

⁶ Сийдякъ; есть и деревня с таким именем. Сейдякъ – моча – прим. Р.Г. Игнатъева. (291)

⁷ Торокяй – название башкирской деревни – прим. Р.Г. Игнатъева. (292)

⁸ Идяшь; см. выше 279 – прим. Р.Г. Игнатъева. (293)

⁹ Карамалы – обильная вязом – прим. Р.Г. Игнатъева. (294)

¹⁰ Акча – беловатая – прим. Р.Г. Игнатъева. (295)

¹¹ Чагаллы – гористая – прим. Р.Г. Игнатъева. (296)

¹² Чуйынчэ (деревня и река) – делающий чугуны. Союнчо – плата за находку – прим. Р.Г. Игнатъева. (297)

¹³ См. 294 – прим. Р.Г. Игнатъева. (298)

¹⁴ Тяулякяй – башкирское собств. имя муш.; есть и деревня с таким именем – прим. Р.Г. Игнатъева. (299)

¹⁵ Тау йылга – река с гористыми берегами – прим. Р.Г. Игнатъева. (300)

¹⁶ Слак; дер. и река; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатъева. (301)

¹⁷ Зирекле – обильная ольхой; имя деревни и речка – прим. Р.Г. Игнатъева. (302)

¹⁸ Олан (?) – дитя – прим. Р.Г. Игнатъева. (303)

¹⁹ Мияк, дер. и река; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатъева. (304)

²⁰ Кынгыр – косая – прим. Р.Г. Игнатъева. (305)

²¹ Каран-йылга – река с голыми, непоросшими ни лесом, ни травой берегами – прим. Р.Г. Игнатъева. (306)

²² Уяз (жирь), у осинских башкир, вместо тат. Уйсуу – низменная, болотистая местность – прим. Р.Г. Игнатъева. (307)

²³ Кистянле – название деревни, населённой дворянами. Кистянь – кистень; кистянле – имеющий кистень – прим. Р.Г. Игнатъева. (308)

²⁴ Курманай – название мещеряцкой деревни при р. Аургазы – прим. Р.Г. Игнатъева. (309)

²⁵ Апра-куль. Апра – опара, кислое тесто – прим. Р.Г. Игнатъева. (310)

²⁶ Кода – свет; малай – мальчишка – прим. Р.Г. Игнатъева. (311)

Мнатьман, Чишма¹, Аврюз², Багралы, Улькиуль³, Талабулан, Сыир-Суган⁴, Ряе, Шерлам⁵, Трунташка, Нурекей⁶, Кыргин, Тюлень, Тарказа, Сулли, Стеванель, Кылы, Арылга⁷, Курган, Курятмас, Кутем, Случка, Слепушка, Крытнарадна, Сынны⁸, Мякам⁹, Безымянный Ключ-река, Метев¹⁰, Утейелга, Ком-Илга¹¹, Казанла¹², Улькой, Кысчаилга¹³, Купченейка, Кандык, Усенька, Балталка, Кайрякла¹⁴, Маркам, Марьянка, Стевянча, Красная, Сухой-Таркач, Бишиндинка, Бишинда, Тургат, Утища, Кундузва¹⁵, Кылы¹⁶, Улькай, Анновка, Агыр, Агирка, Шайтык, Ураза¹⁷, Кусада, Базгийка, Кандрыкуль¹⁸, Бурсунова, Кусадинка, Посатка, Бузюк¹⁹, Такармала, Дюрменис, Укаяз, Клетья, Карааш²⁰, Нарыш, Зирикла²¹, Каргала²², Идяш²³, Камышлы²⁴, Камышлинка, Кугарусык²⁵, Укуяз, Агашлы¹, Тильгаз, Рюз,

¹ Чишмя (?) – ключ, родник – прим. Р.Г. Игнатьева. (312)

² Аврюз; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (313)

³ Оло куль (?) – большое озеро – прим. Р.Г. Игнатьева. (314)

⁴ Сыйыр-суйган – зарезал корову. Сыйыр сауган – доил корову – прим. Р.Г. Игнатьева. (315)

⁵ Шарлам; с таким названием есть чувашская деревня в стерлитамакском уезде – прим. Р.Г. Игнатьева. (316)

⁶ Нурыкай – собств. имя мус., сокр. из Нурмухамед – прим. Р.Г. Игнатьева. (317)

⁷ Ар йылга; см. 268 – прим. Р.Г. Игнатьева. (318)

⁸ Сынны – 1) красивый; 2) имеющий идола – прим. Р.Г. Игнатьева. (319)

⁹ Мякам (арабск.) – место – прим. Р.Г. Игнатьева. (320)

¹⁰ Мятяу; значение не совсем приличное – прим. Р.Г. Игнатьева. (321)

¹¹ Ком йылга – песчаная река (т. е. река, имеющая песчаное русло) – прим. Р.Г. Игнатьева. (322)

¹² Казанлы – (река) имеющая котловины – прим. Р.Г. Игнатьева. (323)

¹³ Кече йылга (?) – маленькая река – прим. Р.Г. Игнатьева. (324)

¹⁴ Кайряклы (?); есть с таким именем чувашская деревня; значение: имеющая точильные бруски (разум. берега) – прим. Р.Г. Игнатьева. (325)

¹⁵ От кондоз – 1) бобёр; 2) навозный жук – прим. Р.Г. Игнатьева. (326)

¹⁶ Кылы – вообще глубокая и вместе с тем с неровным, имеющим омуты, дном – прим. Р.Г. Игнатьева. (327)

¹⁷ Ураза – пост – прим. Р.Г. Игнатьева. (328)

¹⁸ Кандра-куль; деревня и озеро белеб. уезда – прим. Р.Г. Игнатьева. (329)

¹⁹ Бозок (башк.) – мужской, дет. уд у младенцев – прим. Р.Г. Игнатьева. (330)

²⁰ Карааш – смотри вместе! – прим. Р.Г. Игнатьева. (331)

²¹ Зирякле – обильная ольхой – прим. Р.Г. Игнатьева. (332)

²² Каргалы – обильная воронами – прим. Р.Г. Игнатьева. (333)

²³ Идяш; см. выше 279 – прим. Р.Г. Игнатьева. (334)

²⁴ Камышлы – обильная камышём – прим. Р.Г. Игнатьева. (335)

²⁵ Кугяреусегань (?) – речка покрывшаяся плесенью (тиной) – прим. Р.Г. Игнатьева. (336)

Сарысалокс², Сарысакал, Сарысакалка, Тюлгаз, Ташлы-Испас, Ташлинка, Ташлы-Илга³, Чишмала⁴, Тюрсам⁵, Шуинеим, Улик-Илга⁶, Елгинка, Улкан, Улканка, Уразай⁷, Крестья, Тюкермен-ли-Илга⁸, Чекап, Челмалинка⁹, Ташкичуй¹⁰, Шарапки, Ямады, Чаганла¹¹, Сабада, Бардяс¹², Ушачь, База, Камыш-Илга¹³, Урман, Камышлы-Илга¹⁴, Мерзакай¹⁵, Балчиклах¹⁶, Балак¹⁷, Биза¹⁸, Буг¹⁹, Бюккин²⁰, Биатгъязы²¹, Кузембетъ²², Судам, Чить-курка, Илякмид, Именьлинуль²³, Гурба, Кузмиты, Кчиилга²⁴, Учбула²⁵, Казыяр²⁶, Аурза²⁷, Маргаш, Кулуй-Илга²⁸, Тузлы-

¹ Агачлы – обильная деревьями – прим. Р.Г. Игнатъева. (337)

² Сары сакал – рыжая борода. С таким названием есть и деревня в белеб. уезде – прим. Р.Г. Игнатъева. (338)

³ Ташлы йылга – каменистая река – прим. Р.Г. Игнатъева. (339)

⁴ Чишмяле – имеющий источник (?). С таким названием есть и деревня в белеб. уезде – прим. Р.Г. Игнатъева. (340)

⁵ Тюрсягалий. С таким названием есть в белеб. уезде башкирская деревня – прим. Р.Г. Игнатъева. (341)

⁶ Улекъ йылга – пересохшая река, старица – прим. Р.Г. Игнатъева. (342)

⁷ Уразай, от ураза – пост; с таким названием есть и деревня – прим. Р.Г. Игнатъева. (343)

⁸ Тегермянне йылга (?) – река, на которой стоят мельницы – прим. Р.Г. Игнатъева. (344)

⁹ От чалмалы – имеющий чалму – прим. Р.Г. Игнатъева. (345)

¹⁰ Таш-кичуу; см. прим. 14 – прим. Р.Г. Игнатъева. (346)

¹¹ Чаганлы – (речка) обильная кленовым лесом – прим. Р.Г. Игнатъева. (347)

¹² Бартясь – налим (= шамбы) – прим. Р.Г. Игнатъева. (348)

¹³ Камыш-йылга – река-Камыш – прим. Р.Г. Игнатъева. (349)

¹⁴ Камышлы йылга – река, обильная камышом – прим. Р.Г. Игнатъева. (350)

¹⁵ Мурзакай – собств. имя чел. (особ. у башк.) – прим. Р.Г. Игнатъева. (351)

¹⁶ Балчыклык – место, где много грязи – прим. Р.Г. Игнатъева. (352)

¹⁷ Балак. Ыштан балагы – штанина – прим. Р.Г. Игнатъева. (353)

¹⁸ Бизя – румяны – прим. Р.Г. Игнатъева. (354)

¹⁹ Бук (?) – кал – прим. Р.Г. Игнатъева. (355)

²⁰ Букянь – тюлька (отрубок) – прим. Р.Г. Игнатъева. (356)

²¹ Боятъ – хомутина – прим. Р.Г. Игнатъева. (357)

²² Кузем бетъ (?) – пропадай мои глаза! – прим. Р.Г. Игнатъева. (358)

²³ Имянле-куль (?) – озеро, имеющее дуба – прим. Р.Г. Игнатъева. (359)

²⁴ Кече йылга – маленькая река – прим. Р.Г. Игнатъева. (360)

²⁵ Очь буля; так называются три деревни, стоящие недалеко друг от друга. Означает: три делёжки (части) – прим. Р.Г. Игнатъева. (361)

²⁶ Кызыл яр – красный берег; деревня и река с этим названием – прим. Р.Г. Игнатъева. (362)

²⁷ Аургазы; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатъева. (363)

²⁸ Кулай йылга (?) – очень хорошая река – прим. Р.Г. Игнатъева. (364)

Илга¹, Чить-Кирга, Маняда, Арняшка, Сакат, Нарат-Илга², Сыгыньязы, Ропатка, Чурбу, Сякашка, Нагар, Тумба, Тапканча, Смысловка, Дикармыш, Кузямта, Сарыш³, Карагуш⁴, Каз-Илга, Умировка, Назяды, Усанка, Чукайка, Утировка, Чекмагуш, Чикейка, Шерамлинка, Зюбанчи или Юванчи, Камышлинка, Серталинка, Кувашка⁵. Кроме того здесь есть несколько незначительных речек без названия или же под именем Безымянок и Безымянных.

Ключи: Тюлювметь, Гремучий, Елбулан-баш, Тёплый, Курмаз, Казыл, Битьки, Янтемир⁶, Письмянка, Бикбуш⁷, Елоховка, Именаст⁸, Псек-Илга⁹, Увяк-карга¹⁰, Аблай-Илга¹¹, Тапканчик, Лазоревый, Аблаев, Сулейманов, Бурса, Назада, Камышлин, Урга, Анбулашка, Каменных 5, Таушлинки 2, Серталинка, Зурин, Павловка, Апчинка, Ивановка, Нуркеев, Злобинка, Чурбулин, Акташин, Наратлинка, Мурзалай, Мерзалинка, Усугар, Гарлинка, Каргаз, Тимирлы, Чишма, Гремучий, Шумла, Починка, Скорый, Айбулан, Кургаш, Бай-Султан, Картиш, Аблай, Куран, Илга, Курмасалинка, Кидашей 3, Урумinka, Кауруш, Аргазяк, Сухой, Каменистый, Гай, Абдуллин, Курусай, Арношин, Иванов, Урьма, Гнусарев, Тушлинка, Ангазяк, Ургазы, Бий. Есть множество ключей без всяких прозвищ.

Ручьи: Есичагский¹², Иштерьяк¹³, Каран¹⁴, Сарсаз¹⁵, Карагай¹⁶, Тимирлы-куль¹, Асекей-куль², Шифалы-Чишма³, Зарик-

¹ *Тозло йылга* – река, имеющая солёную воду – прим. Р.Г. Игнатьева. (365)

² *Нарат йылга* – река-Сосна – прим. Р.Г. Игнатьева. (366)

³ *Сырыш* – мотать вместе с кем (нити) – прим. Р.Г. Игнатьева. (367)

⁴ *Карагош* – порода орла – прим. Р.Г. Игнатьева. (368)

⁵ *Кувашь*; значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (369)

⁶ *Янтимерь* – собств. имя муш. (у татар и башк.) – прим. Р.Г. Игнатьева. (370)

⁷ *Бикь буш* – очень свободный, слабкий – прим. Р.Г. Игнатьева. (371)

⁸ *Имянь асты* – поддубье – прим. Р.Г. Игнатьева. (372)

⁹ *Псык йылга* – река-Кошка (?) – прим. Р.Г. Игнатьева. (373)

¹⁰ *Уак карга* – мелкая ворона – прим. Р.Г. Игнатьева. (374)

¹¹ *Аблай йылга* – река Аблай. *Аблай* – один из киргизских ханов – прим. Р.Г. Игнатьева. (375)

¹² Этим же именем зовутся около него находящиеся овраг и поле – прим. Р.Г. Игнатьева.

¹³ *Ишь-тирякь* – равные ростом ольховые деревья – прим. Р.Г. Игнатьева. (376)

¹⁴ *Каран*; см. выше 89) – прим. Р.Г. Игнатьева. (377)

¹⁵ *Сарысаз* – жёлтое болото; есть и деревня – прим. Р.Г. Игнатьева. (378)

¹⁶ *Карагай* – сосна – прим. Р.Г. Игнатьева. (379)

ли-коран⁴, Янабай⁵, Ранад, Каракучущка⁶, Шумучий, Тюрекай, Каменный, Ташлаукий, Кильтиек, Карагай-Илга⁷, Студёный, Едигар, Кауруш, Ургазанка, Ашкар, Песчанка, Ашбуланка, Урьма⁸, Ангазянка, Абдрахимов, Минемай⁹, Урчи¹⁰, Чуганай, Аски¹¹, Иванчиков, Семёнкин, Буй¹², Уртинга, Гай, Сафаркин, Тушлинка, Лесовка, Дурнов, Малиновы́й, Аштын-оклы¹³, Макрушин, Зякарлы¹⁴, Таш-тау¹⁵, Бурканау¹⁶, Серебрянка, Скородумка, Иванчин, Михайловка, Красноглинный, Степанов, Буркин, Зуев, Уткин, Суглинистый, Песачанка, Ургалин, Абдулинка, Шумилихина, Шургаз, Карамала¹⁷, Зуев, Иванов, Лесной, Дюгана¹⁸, Асмы, Шумяк, Турмизин, Шумилин, Гурба, Мелеуз, Аргази, Шартымкин, Дурной, Губанин, Руслой, Арманакучи, Гайны¹⁹, Чураев, Сундуковка, Кунгашка, Арпьяк. Много ручьёв без всяких названий. Ручьи здесь наиболее в гористых местностях.

Озёра: Тимочкино, Круглое, Башкиндынское, Туктар²⁰, Куль²¹, Мукликуль¹, Турнаку², Карамалыкуак³, Чернак-куль⁴,

¹ *Тимерле куль* – озеро, содержащее в себе железо – прим. Р.Г. Игнатъева. (380)

² *Асекей куль* (по башк. произн.) – горько-солёное озеро – прим. Р.Г. Игнатъева. (381)

³ *Шифалы чиймя* – целительный источник – прим. Р.Г. Игнатъева. (382)

⁴ *Зирекле* – речка, обильная ольхой; есть и деревня с таким названием – прим. Р.Г. Игнатъева. (383)

⁵ *Йанга бай* (?) – недавний богач – прим. Р.Г. Игнатъева. (384)

⁶ *Кара кочок* – чёрный щенок; есть и деревня – прим. Р.Г. Игнатъева. (385)

⁷ *Карагай йылга*; см. 379 – прим. Р.Г. Игнатъева. (386)

⁸ *Урьма* – плетёнка – прим. Р.Г. Игнатъева. (387)

⁹ *Мингнебай* – тат. имя муш.; значение: имеющий родимое пятно – прим. Р.Г. Игнатъева. (388)

¹⁰ *Урчий* – размножается – прим. Р.Г. Игнатъева. (389)

¹¹ *Аскы* – под низом находящийся – прим. Р.Г. Игнатъева. (390)

¹² *Буй* – длина – прим. Р.Г. Игнатъева. (391)

¹³ *Алтын уклы* – имеющий золотую стрелу – прим. Р.Г. Игнатъева. (392)

¹⁴ *Зяярле* – имеющий муж. дет. член – прим. Р.Г. Игнатъева. (393)

¹⁵ *Таш-тау* – каменная гора – прим. Р.Г. Игнатъева. (394)

¹⁶ *Боркянуу* – закутывание, покрытие головы (шалью, чапаном и т. д.) – прим. Р.Г. Игнатъева. (395)

¹⁷ *Карамалы* – (река) обильная вязом – прим. Р.Г. Игнатъева. (396)

¹⁸ *Дивана* (?) – дурак, юродивый – прим. Р.Г. Игнатъева. (397)

¹⁹ *Гайный* – 1) собств. имя муш. = *Гайнянь*; 2) *гайный* – шумит – прим. Р.Г. Игнатъева. (398)

²⁰ *Туктар* – башк. имя муш. – прим. Р.Г. Игнатъева. (399)

²¹ Под именем *куль*, т. е. озеро, здесь много называется озёр; так напри-

Асекуль⁵, Кандрыкуль⁶. Последние два суть самые значительные озёра в уфимской губернии: Асекуль имеет в окружности около 10 вёрст. Далее следуют: Сюванлыккуль, Улукуль⁷, Априкуль, Акай-куль, Заяткуль⁸, Ушачь, Курья, Акаево, Белое, Рыбное, Николаевское, Карась, Губаново, Лазоревое, Суянча⁹, Курючевское, Каракуль, Аккуль, Зурма-тау¹⁰, Фуруш, Аргаза, Мунаево, Аннинское, Гайнинское, Зайково, Бурмакана, Лазоревое, Акушево, Малюсково, Незамайкино, Ясяково, Шумское, Иванчино, Ангасяк, Чаушево, Абдрахманово, Сар-куль¹¹, Чауш-куль, Агыр-куль¹², Минлибаево, Минлибай-куль, Улкаево, Бурмазы, Тунгазыкуль, Айдарово, Зурьмаклы, Арша, Чунбаево, Ушак¹³, Озерковье, Турук, Усенеево, Игнатово, Тусла, Алдарово¹⁴, Арь, Арьевка, Умбак, Аскамбеково, Ишпарино, Сумалка¹⁵, Айлино, Дёмское, Чурнаш, Агрыш, Бий¹⁶, Амбурка, Базаево, Глинистое, Чебаово, Гаюнино, Тамбеково, Асланово¹⁷, Заярлы-куль¹⁸, Усанча, Сиганча-куль¹⁹, Песчанка, Чёрное, Со-

мер: в районе гайньямаковской волости есть 3 озера под тем же названием – прим. Р.Г. Игнатьева.

¹ *Мукле-куль* – мшистое озеро – прим. Р.Г. Игнатьева. (400)

² *Торна куле* – журавлиное озеро – прим. Р.Г. Игнатьева. (401)

³ *Карамалы куак* – кустарник, в котором есть вяз – прим. Р.Г. Игнатьева. (402)

⁴ *Чарлак куле* = *чарлы куль* (оренб.) – большое озеро, на берегах которого достают мох. *Чарлак* – место где берут мох. См. озёра бирск. уезда – прим. Р.Г. Игнатьева. (403)

⁵ *Асе куль* – озеро, имеющее горько-солёную воду. *Ачылы куль* – озеро, имеющее горьковатую и солоноватую воду – прим. Р.Г. Игнатьева. (404)

⁶ *Кандра куль* – прим. Р.Г. Игнатьева. (405)

⁷ *Оло куль* – большое озеро – прим. Р.Г. Игнатьева. (406)

⁸ *Зият* – башк. собств. имя муц. – прим. Р.Г. Игнатьева. (407)

⁹ *От соянь (?)* – большая липа – прим. Р.Г. Игнатьева. (408)

¹⁰ *Сурьма-тау* – сурьмяная гора: название произошло от того, что в этой горе достают сурьму – прим. Р.Г. Игнатьева. (409)

¹¹ *Кара куль* – чёрное озеро. *Ак куль* – белое озеро. *Сары куль* – жёлтое озеро – прим. Р.Г. Игнатьева. (410)

¹² *Айгыр куле* – жеребьячье озеро – прим. Р.Г. Игнатьева. (411)

¹³ *Ушак* – башк. собств. имя муц. – прим. Р.Г. Игнатьева. (412)

¹⁴ *От алдар* – обманщик – прим. Р.Г. Игнатьева. (413)

¹⁵ *От сумала* – смола – прим. Р.Г. Игнатьева. (414)

¹⁶ *Бий* (кирг.) – 1) разбиратель споров; 2) князь – прим. Р.Г. Игнатьева. (415)

¹⁷ *От араслан* – лев – прим. Р.Г. Игнатьева. (416)

¹⁸ *Залярле куль* – 1) см. выше 393; 2) ср. *Зогоря* – тат. имя женщ. = башк. *Зяуря* – прим. Р.Г. Игнатьева. (417)

¹⁹ *Сыганчы куль* – озеро, при котором останавливаются цыгане (обыкновенно так называются эти озёра) – прим. Р.Г. Игнатьева. (418)

сновое, Кашлинское¹, Бурмакино², Заурово³, Кучгурово, Илим⁴, Елизаветино, Иванково, Учмаш, Минибай⁵, Лиственское, Сабаево, Хармутино, Абташ⁶, Муллино, Сурамчи⁷, Ариуш, Нуралинское, Султан-бай, Шарми, Шартымкино, Асынкулево, Зайкуль, Буйанчкуль⁸, Нуралинское, Коран⁹, Сарказ, Буга, Басякча¹⁰, Арское¹¹, Ущакково, Петлинское, Заутлое, Угловатое, Могильное и много озёр без всяких прозвищ, сгруппированных, например, в окрестностях г. Белебея.

При бывших медиплавильных заводах Бенардаки (теперь принадлежащих казне) Верхне и Нижне-Троицком и Усень-Ивановском, есть большие пруды, под именем «заводских». Небольших прудов без названий в белебеевском уезде есть несколько.

Лога: Зацерковный, Сухой, Марьи-Песочный, Липовый, Мордвин, Малиновый, Ссушка, Сухая-Утейка, Темеркул¹², Спорный, Сухая-Лощина, Тонков, Казённый, Игнатъев, Каменный, Зуев, Иванов, Змеиный, Конгурин¹³, Канак, Марихин, Буркин, Михайлов, Михайловка, Большой-Кандыкский, Чувашский, Чувашка, Берёзовый, Турбин, Бишиндынка, Исаков, Исаков¹⁴, Урманга¹⁵, Тизман, Липовый, Дубняшка, Гурка, Анзялан, Утекайка, Берёзовка, Унчи, Гурба, Сундуковка, Зайоглы, Сафаркин, Абдрахманов, Абдулкин, Заиров, Шумовкин, Бахтеаров¹⁶, Гунбин, Ашкары, Муслюмов, Иштерьяк, Зубарев, Тапкин; много логов без всяких прозвищ.

Горы: Маркова¹⁷, Сомова, Крутая, Ломона, Таш-уба¹, Ку-

¹ От кашлы – имеющий брови – прим. Р.Г. Игнатъева. (419)

² Борма – изгиб, извилина – прим. Р.Г. Игнатъева. (420)

³ От Зяуря – башк. собствен. имя женщ. – прим. Р.Г. Игнатъева. (421)

⁴ Йилем – клей – прим. Р.Г. Игнатъева. (422)

⁵ Мингне-бай; см. выше 388 – прим. Р.Г. Игнатъева. (423)

⁶ Абдяш – прим. Р.Г. Игнатъева. (424)

⁷ Сорамчи – нищий – прим. Р.Г. Игнатъева. (425)

⁸ Буяныч куль – окрашенное озеро – прим. Р.Г. Игнатъева. (426)

⁹ Каран; см. выше 89 – прим. Р.Г. Игнатъева. (427)

¹⁰ От бысак (башк.) – нож – прим. Р.Г. Игнатъева. (428)

¹¹ От ар – вотяк – прим. Р.Г. Игнатъева. (429)

¹² Тимерь кул – железный лог – прим. Р.Г. Игнатъева. (430)

¹³ От конггор – русский – прим. Р.Г. Игнатъева. (431)

¹⁴ От Исхак – собств. имя = Исаак – прим. Р.Г. Игнатъева. (432)

¹⁵ Урманча (?); от урман – лес – прим. Р.Г. Игнатъева. (433)

¹⁶ Абдрахман. Абдулла, Бахтиярь – собств. мус. имена мужчин – прим. Р.Г. Игнатъева. (434)

¹⁷ На этой горе старообрядческое кладбище. Первый, кто был здесь погребён, прозывался Марковым – прим. Р.Г. Игнатъева.

нары-тау², Метери, Марьимас, Яик-Курзя, Назыр-тау, Таш-Каснян-тау, Шайтан-тау³, Куз-тау⁴, Сеит-тау⁵, Бакташ-тау, Сары-айгыр-тау⁶ Тимирлы-куль-тау⁷, Порош-тау, Кумран-тау, Полиснева, Вшивый-бугор, Мисаева⁸, Караульная, Иленская, Агейган, Большая, Казанлинская⁹, Груздёвая, Красная, Сосновая, Менеузовская, Пенькова, Чубарная, Кутузинская, Тиктуба, Туксын-тау¹⁰, Кала-тау¹¹, Бирюкут-тау¹², Цинкуль, Ироктау, Бирдасли¹³, Чашматау¹⁴, Чатратау¹⁵, Еслинка, Пушка, Батарея, Гульня, Яик-тау, Шурмян, Аслыгар¹⁶, Мунка, Чернолиственная, Аргаз¹⁷, Азалинка¹⁸, Елизаветинская, Шумгалля, Белекей-Тау¹⁹, Зур-тау²⁰, Кош-тау²¹, Филипова, Шугарли, Берёзовых 4, Багруш, Багрушевка, Ясынъ²², Гармази, Чаул-тау²³, Абдрахимова²⁴, Мусейкина²⁵, Абдуллина²⁶, Сюксина, Хайлин-

¹ *Таш-уба* – каменный холм – прим. Р.Г. Игнатьева. (435)

² *Конггор тау* – серая гора – прим. Р.Г. Игнатьева. (436)

³ *Шайтан тау* – гора-Чорт – прим. Р.Г. Игнатьева. (437)

⁴ *Кузь тау* – гора-Глаз – прим. Р.Г. Игнатьева. (438)

⁵ *Сеит тауы* – гора Сеитова. *Сеит* – собств. мус. имя муш. – прим. Р.Г. Игнатьева. (439)

⁶ *Сары айгыр тау* – гора рыжего жеребца – прим. Р.Г. Игнатьева. (440)

⁷ *Темерле куль тауы* – гора, которая прилежит к озеру, содержащему в себе железо – прим. Р.Г. Игнатьева. (441)

⁸ *Мисай* – собств. имя – прим. Р.Г. Игнатьева. (442)

⁹ От *казанлы* – имеющая котловины гора – прим. Р.Г. Игнатьева. (443)

¹⁰ *Уксын тауы* (?) – гора, на которой растёт дикий лук – прим. Р.Г. Игнатьева. (444)

¹¹ *Кала тау* (?) – гора-Город – прим. Р.Г. Игнатьева. (445)

¹² *Борькоть тауы* – беркутова гора – прим. Р.Г. Игнатьева. (446)

¹³ *Бярдясле тау* – прим. Р.Г. Игнатьева. (447)

¹⁴ *Чишмя тауы* – гора родниковая – прим. Р.Г. Игнатьева. (448)

¹⁵ *Чатыра* – мелкий лесок – прим. Р.Г. Игнатьева. (449)

¹⁶ *Ачылы жирь* (?); ср. примеч. 404 – прим. Р.Г. Игнатьева. (450)

¹⁷ *Аркясле тау* (?); значение неизвестно – прим. Р.Г. Игнатьева. (451)

¹⁸ *Ажяль тауы* – гора смерти – прим. Р.Г. Игнатьева. (452)

¹⁹ *Бялякяй тауы* – маленькая гора – прим. Р.Г. Игнатьева. (453)

²⁰ *Зур тау* – большая гора – прим. Р.Г. Игнатьева. (454)

²¹ В бел. уезде есть под именем Куш-тау две горы; по всей вероятности, здесь разумеются эти горы – прим. Р.Г. Игнатьева. (455)

²² *Ясынъ чыгар*; с так. назв. есть гора Ясынъ (по обыкнов. произнош.) – 50-тая сура корана – прим. Р.Г. Игнатьева. (456)

²³ *Чагыл тау* = мещер. *Чабыл тау* – прим. Р.Г. Игнатьева. (457)

²⁴ *Абдрахим* – собств. мус. имя – прим. Р.Г. Игнатьева. (458)

²⁵ От *Муса*, по мещер. произнош. *Муся*, русск. *Моисей* – прим. Р.Г. Игнатьева. (459)

²⁶ От *Абдулла* – собств. имя муш. – прим. Р.Г. Игнатьева. (460)

ская¹, Фёдоровская, Сосновая, Ельчина, Гаврилова, Буранчина, Чугалинская, Высокая, Каменных 6, Сундукова, Тумба, Исетбай², Еловая, Дубкина, Нуралинская, Мазаркина³, Тюлюкметь, Ембулакова, Гумбей-тау⁴, Зур-тау⁵, Белекей-тау⁶, Азун-тау⁷, Зурманча, Калинова, Машкана, Абдуллина⁸, Камыш⁹, Шуянка, Абдрахманка¹⁰, Искакова¹¹, Бийбулина, Хош¹², Бурка, Афонасьевка, Шуранка, Гашихина, Бабкина, Ряб-таш, Надеждина, Елисаветина, Васильевка, Буркина, Завалиха, Канырбенова¹³, Ангалы, Горюхина, Дмитриева, Анбас, Губкина, Зуева, Куцкалинка, Куващ, Оглы, Султанбаева, Сараева, Караванная, Укашлинская, Музахарова¹⁴, Армуса, Мусеева¹⁵, Абдиева¹⁶, Шургали, Уса, Гардулина, Усебаева, Заурина, Филлипова, Азакаева, Соловаткина¹⁷, Бурмик, Сумина-тау, Дергулиха, Багруш, Багрушевка, Харламова, Харлинка, Услумар, Суханова, Чернолиственная, Никитина, Шатманова, Азнаева, Асекулева¹⁸, Кондракулева¹⁹, Баразда, Аннинская, Гусарева, Фёдоровка, Азалинская²⁰, Кург²¹, Месея, Урнулина, Баязетова²², Тюпкильдина²³, Хусаева²⁴, Унчинская, Дёмских 6, Заурахина, Губанова, Асембетева, Багряш, Чувашина, Мордвина, Азям, Нары, Чурашка, Аришкина, Марьевская, Залимка, Тау-

¹ От *хайля* – хитрость, коварство – прим. Р.Г. Игнатьева. (461)

² *Исет-бай* – башк. собств. имя – прим. Р.Г. Игнатьева. (462)

³ От *мазар* – кладбище – прим. Р.Г. Игнатьева. (463)

⁴ *Гомбя тау* – гора-Гриб – прим. Р.Г. Игнатьева. (464)

⁵ См. 454 – прим. Р.Г. Игнатьева. (465)

⁶ См. 453 – прим. Р.Г. Игнатьева. (466)

⁷ *Озон тау* – длинная гора – прим. Р.Г. Игнатьева. (467)

⁸ См. 460 – прим. Р.Г. Игнатьева. (468)

⁹ *Камыш* – растение камыш – прим. Р.Г. Игнатьева. (469)

¹⁰ См. 434 – прим. Р.Г. Игнатьева. (470)

¹¹ См. 432 – прим. Р.Г. Игнатьева. (471)

¹² *Хуш* – прощай – прим. Р.Г. Игнатьева. (472)

¹³ От собств. им. *Кагарман?* – прим. Р.Г. Игнатьева. (473)

¹⁴ От *Музаффар* – собств. имя – прим. Р.Г. Игнатьева. (474)

¹⁵ См. 459 – прим. Р.Г. Игнатьева. (475)

¹⁶ *Аблий* – собств. имя – прим. Р.Г. Игнатьева. (476)

¹⁷ От собств. им. *Салауат* – прим. Р.Г. Игнатьева. (477)

¹⁸ От *асе куль* – горькосол. озеро; см. 404 – прим. Р.Г. Игнатьева. (478)

¹⁹ См. 405 – прим. Р.Г. Игнатьева. (479)

²⁰ См. 452 – прим. Р.Г. Игнатьева. (480)

²¹ *Курт, курут* – сыр – прим. Р.Г. Игнатьева. (481)

²² От собств. им. *Баязит* – прим. Р.Г. Игнатьева. (482)

²³ От назв. деревни *Топкильде* – прежде пришёл – прим. Р.Г. Игнатьева. (483)

²⁴ От собств. им. *Хусаин* – прим. Р.Г. Игнатьева. (484)

шева, Заимка, и много очень гор без всяких прозвищ. Здешние горы – отроги Уральского Хребта; но к гористым местностям принадлежит только около половины белебеевского уезда, далее же идут места степные и наиболее безлесные; таковы, например, границы этого уезда с оренбургской и самарской губерниями. Степные места есть и близ границы с уфимским уездом, где находится так называемая Азналинская Степь, занимающая значительное пространство. Другие же степные места названий не имеют.

Памятники древностей белебеевского уезда: вал около села Ногайбак и курганы в разных местностях. Этот вал идёт полукругом на протяжении 74 саж., в высоту имеет от 1 до 2¼ арш. Башкирские предания относят постройку вала ко временам татарских царств; русские же зовут этот вал Пугачёвским, что конечно не имеет никакого основания. Достоверно известно, что село Ногайбак основано в конце XVI или в начале XVII века выходцами из нынешнего арского уезда казанской губернии, известными под именем арских татар, окрещёнными при Грозном и называемыми ногайбаками, что означает – «вот ногаи». Ногайбаки жили припущенниками на башкирских землях до 1764 года, а в это время, за содействие правительству в усмирении бывшего тогда башкирского бунта, указом Императрицы Анны, названы казаками; земли, на которых они жили, им отданы во владение. В 1842 г. ногайбаки, принадлежавшие к казачьему войску, выселены в оренбургскую губернию и на место их переселены государственные крестьяне; но что село Ногайбак было издавна населено и, может быть, ещё до пришествия крещёных татар или ногайбаков, доказательством тому служат остатки нехристианских кладбищ в 2 верстах от с. Нагайбак, близ р. Ика и дороги в дер. Смысловку; на этих кладбищах сохранились могильные камни с татарскими надписями, но без означения годов, и просто груды камней, как то принято у магометан, вместо других надробий. – *Курганы* в белебеевском уезде сохранились близ селений: Шатмак-Томакова, Исламгулова, Елизаветина, Азнаева, Гайны-Ямаковой. Самые замечательные из них по величине, 230–102 с. в окружности и в высоту 44–30 саж., зовутся *богатырскими*: башкиры говорят, что тут погребены богатыри, зарытые посаженными на своих боевых конях, которых убили при погребении их хозяев, и что тут же с богатырями зарыто их оружие и разные вещи. Но правда ли всё это, никто утвердить не может, так как никто, по словам местных

жителей, курганов, будто бы, не раскапывал. Эти богатыри, закопанные сидящими на их боевых конях, – тоже, по преданию башкир, из чуждого, неизвестного, давно исчезнувшего из здешних мест народа, или чуди, и вообще курганы зовут здесь, также как и в других местах уфимской губернии, «чудскими».

В белебеевском уезде есть до 10-ти пещер без всякого особого прозвища; внутри одной из них, самой большой, близ дер. Тюпкильды, протекает безъимянный ключ. Все эти пещеры самородные и о них нет никаких особых преданий.

Близ села Никольского находится лес *Тевкелев* или *Тевкельский*; здесь, по преданию, в 1735 г., бригадир Тевкелев разбил бунтовавших башкир.

Р. Игнатьев.

[примечания А. Безсонова в сборнике 1881 г.]

В виду неоспоримой важности для истории и географии оренбургского края сведений о названиях вод, урочищ, гор и проч., Оренбургский Отдел Императорского Русского Географического Общества постановил перепечатать, из уфимских губернских ведомостей 1876 и 1877 гг., статью члена-сотрудника Р.Г. Игнатьева.

Представляя перевод на русский язык *части названий*, сделанный по поручению Отдела, позволяем себе изложить ещё следующие примечания.

Большую часть названий можно объяснить из башкиро-мишяре-татарского¹ языка. К несомненно башкирским названиям можно отнести только те, которые взяты от древних народных собственных имен людей. В настоящее время башкиры, как уже истые магометане, дают своим детям имена арабские. То обстоятельство, что башкирские названия, относящиеся к златоустовскому уезду, получили в статье почтенного собирателя сведений об этих названиях татарское произношение, можно объяснить разве тем, что эти названия были записаны со слов башкирских книжников, старающихся в своей речи сглаживать особенности башкирского произношения.

Многие из названий, происходящих из башкиро-мишяре-татарского языка, получили русские окончания *ка*, *но* и т. п. Эти названия относятся к местностям, населённым в настоя-

¹ Наречие мещеряков уфимской губернии и наречие башкир белебеевского уезда в настоящее время мало отличается от казанского татарского наречия – *прим. автора.*

щее время русскими.

Есть названия, взятые из черемисского и чувашского языков.

По значению своему, большая часть названий указывает на физические свойства (преимущественно на форму), на смежные предметы, на промыслы. Многие названия происходят от собственных имен лиц. Есть названия, состоящие из целой фразы, очевидно, намекающей на какое-нибудь местное предание.

Значения некоторых, несомненно тюркских названий теперешние местные жители, татары и башкиры, не понимают, напр. *Чулман, Ык*; см. также *Кандыра-куле*.

Названия, указывающие на физические свойства, и названия, состоящие из целых фраз, особенно трудны для объяснения; о значении таких названий непременно должно осведомляться от местных жителей уже при самом собирании сведений об этих названиях, потому что такого рода названия, по своей странности, по неопределённости смысла, иногда даже по отступлению от обычных правил языка, могут подавать повод к различного рода произвольным толкованиям, которые могли-бы быть устранены только объяснениями местных жителей. Впрочем, произвол в толковании мало понятных слов допускается иногда и местными жителями. Есть очень много названий, принадлежащих двум смежным предметам. Вопрос о том, который именно из двух смежных предметов обладал именем прежде и который заимствовал это имя от своего товарища, с наибольшею степенью вероятности могут решить также только местные жители.

Что касается транскрипции русскими буквами в собранных названиях, то её нельзя назвать удовлетворительною. Неудовлетворительность эта объясняется тем, что большая часть названий записана, кажется, не со слов самих инородцев, а со слов русских жителей, или, может быть, даже выписана из официальных документов, а знакомому с важным различием между русским языком и языками тюркскими в фонетическом отношении известно, что такого рода собирание сведений о названиях на татарском языке представляет мало гарантии для точности¹. В настоящее время довольно удовлетво-

¹ Случается даже, что татарские или башкирские слова на языке русских жителей прямо превращаются в созвучные русские слова; так наприм.: *оло-куян*, название одной из деревень борьджанской волости, превратилось в языке окрестных русских в *Лукоян* – прим. автора.

рительно определены особенности тюркских языков в фонетическом отношении и в изданиях Академии Наук употребляются довольно удовлетворительные средства для обозначения этих особенностей; средствами этими на будущее время должно пользоваться при собирании подобного рода сведений, чтобы оно вполне соответствовало той научной цели, которая имелась в виду почтенным собирателем сведений, содержащихся в рассматриваемой статье.

Большая часть слов, оставленных нами без перевода, могла быть переведена; но только, вследствие неопределённости транскрипции, перевод этот должен был-бы выйти различным, так как основывался-бы на догадках, на возможности различного рода чтений.

В настоящее время, когда не восстановлено правильное чтение всех предложенных в статье названий, когда ещё не собраны названия, относящиеся к другим местностям здешнего края, когда этот край остаётся вообще мало исследованным в географическом и историческом отношении, трудно сделать какие-нибудь определённые заключения относительно тех древних обитателей этого края, от которых сохранились многочисленные курганы.

А. Безсонов

(Уфимские губернские ведомости. 1876. 14 августа, 9, 23, 30 октября, 6, 13 ноября, 4, 11 декабря; 1877. 1 января)
(Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. IV. Оренбург, 1881. С. 118–167; примечания А. Безсонова – стр. 167–169)

№ 16. Материалы Р.Г. Игнатьева для газетного переиздания текста книги И. Жуковского

[В 1876 г. в «Уфимских губернских ведомостях» опубликовали «Краткое обозрение достопамятных событий оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. Составлено бывшим Чиновником по особым поручениям при Оренбургском Военном Губернаторе, И. Жуковским, с ныне составленными примечаниями Действит. Члена Уфим. Статистического Комитета Р.Г. Игнатьева и дополнениями сотрудника Губ. Вед. М.В. Лосиевского». Затем, в 1880 г. работу И. Жуковского издали отдельной книжкой.

Если у М.В. Лосиевского были большие дополнения по конкретным историческим сюжетам, то примечания Р.Г. Иг-

натъева относились исключительно к уточнению современного административно-территориального деления и носили во многом формальный характер.

Например, примечания Игнатъева: «(1). Аблаев или Аблаевский лес, за р. Уфой в 5 вер. от г. Уфы, здесь прежде проходила сибирская дорога (Сборн. историч. Стат. сведений об Оренб. и Уфим. губерн. изд. Уфим. Стат. Комитета 1868 г. стр. 134)»; «(2) Селения Черемшанское и Новошешминское или Новошешминская слобода Самарской губернии Бугульминского уезда»; «(3) Сакмарская станица ныне Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и уезда, в 33 вер. от г. Оренбурга на тракте из г. Уфы. Сакмарская станица называлась в XVIII столетии – "городком"»; «(4) Все эти местности находятся в Самарской губ.»; и т. д. Остальные примечания Р.Г. Игнатъева не приводятся. Небольшая заметка Игнатъева к тексту Жуковского будет помещена в следующем томе, в сочинениях за 1880 г.]

(Уфимские губернские ведомости. 1876. 21, 28 августа, 11, 18 сентября, 2 октября; 1877. 22 января; 1878. 26 августа, 23 сентября, 21 октября)

№ 17. Где погребён И.И. Неплюев?

Имя Неплюева, первого устроителя и создателя нынешнего Оренбурга, для нас вечно незабвенно. 11 ноября 1873 года, край наш с молитвою вспоминал столетие дня кончины Ивана Ивановича, и тогда же возникла мысль о написании его полной биографии. Этот труд, как известно, взял на себя бывший преподаватель уральской гимназии В.Н. Витевский, ныне перешедший на службу в Казань. Часть труда его уже издана в «Уральских Ведомостях» 1874 года. Автор настоящей заметки также собирает материалы для биографии незабвенного Неплюева.

Надеясь потом сообщать в «Оренбургском Листке» имеющиеся у нас и не бывшие в печати сведения о Неплюеве и о роде его, а род Неплюевых продолжается на Руси более четырёх веков, мы теперь можем сказать, где именно погребён Ив. Неплюев. Сведением этим мы вполне обязаны священнику села Поддубья, лугского уезда, с.-петербургской губернии, отцу Арсению Калачеву.

В селе Поддубье, оно было первоначально Новгородской области, провёл свою первую молодость Неплюев; здесь он же-

нился, отсюда пошёл служить, сюда после многолетней и славной службы отечеству возвратился он старцем, и здесь же окончил он свои славные дни. Иван Иванович Неплюев погребён в церкви, им самим построенной в честь своего ангела, св. Иоанна крестителя. Эта церковь окончена и освещена в 1772 году; потом, по ветхости, в 1838 году перестроена на иждивение правнука храмоздателя, полковника Ивана же Ивановича Неплюева, но в церкви сохранилась вся утварь и богослужебные книги, пожертвованные храмоздателем; жаль что на потирах, дискосах, блюдах и т. п. и на книгах нет надписей, а надписи, как это признано всеми археологами, те же летописи, те же акты. Впрочем, так как богослужебные книги все напечатаны в московской синодальной типографии в 1766, 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 годах, то ясно, что книги куплены при основании и освящении церкви. – Иван Иванович Неплюев, как храмоздатель и владелец села Поддубья, погребён в церкви. Над ним простой каменный могильный памятник с высеченною на нём надписью. «Здесь лежит действительный тайный советник, сенатор и обоих российских орденов кавалер Иван Неплюев. Зрите вся та тщетная, слава, могущество и богатство исчезают, а все сие камень покрывает и тело его истлевают. Умер от рождения на 81 году, месяца ноября 11 дня 1773 году». Говорят, эта надпись была сочинена самим покойным Неплюевым, которую сын и поместил на могильном памятнике. Честный Неплюев, в молодости отважный моряк и храбрый воин, безстрашно и вместе с христианским смирением встретил смерть. За два часа до своей кончины он спросил: будет ли сегодня обедня? Услыхав, что будет, Неплюев спокойно просил помолиться за него грешного. Великий из людей при жизни, великим является Неплюев и в страшный час смерти!

Село Поддубье, существование которого, по преданию, будто бы идёт ещё из времён великого Новгорода, или Новгородского народоправства, потом перешедшее в род Неплюевых, в настоящее время принадлежит праправнуку Ивана Ивановича, – Николаю Ивановичу Неплюеву, к которому оно перешло во владение, в 1858 году, по майорату, по смерти отца его Ивана Ивановича, того самого, что в 1838 году возобновил поддубовскую церковь.

Р. Игнатъев.
(Оренбургский листок. 1876. 22 августа)

№ 18. Суд над бригадиром Аксаковым

(извлечение из дел тургайского областного правления)

[Повторное издание, текст смотри в томе V].

(Оренбургский листок. 1876. 19, 26 сентября, 17 октября, 21, 28 ноября, 12, 19 декабря; 1877. 1, 9, 16, 23 января)

№ 19. Заметка о золотопромышленности¹ г. Орска

В 1861 году министерством внутренних дел поднят вопрос и собраны сведения о промышленности городских поселений, на основании которых в 1863 г. издано «*Экономическое состояние городских поселений Европейской России*». Вопрос сам по себе действительно важный для экономической статистики и вообще для экономии государства. К сожалению, статистические сведения об Орске неполны и недостаточно верны даже по тому времени, в которое они собирались. Наша посильная заметка имеет целью восполнить эти недостатки.

Орск стал очень недавно городом. История его такова.

В 1735 году статский советник Кирилов избрал место для нынешнего Орска, при р. Ори, в пункте впадения её в р. Урал, и основал здесь г. Оренбург, который должен был иметь значение крепости на вновь тогда проводимой линии. После Кирилова новый начальник края тайный советник Татищев перенёс город за 184 версты ниже на урочище «Красная Гора», а построенный Кириловым город назван Орской крепостью. Так он и назывался почти до 40 годов настоящего столетия. С этого времени Орск стал станицей оренбургского казачьего войска; но когда в 1865 г. последовало разделение бывшей оренбургской губернии на оренбургскую и уфимскую губернии, станица Орская назначена уездным городом оренбургской губернии, и орский уезд сформирован из селений оренбургского и верхнеуральского уездов. Однако Орск всегда считался торговым пунктом с самого основания своего. Здесь производилась меновая торговля.

С возведением в 1865 г. Орска на степень города население его увеличилось. В 1865 г. в Орске было не более 2000 ж., но теперь более 7000 обоего пола.

Орск по географическому положению находится под 51°

¹ В названии, видимо, ошибка, речь идёт о промышленности вообще.

12' с. ш. и 76° 13' в. д. в 2354 в. от Петербурга, в 1678 в. от Москвы и в 265 в. от Оренбурга. Через Орск идёт караванный тракт на все прочие города оренбургской губернии, а также в туркестанскую и тургайскую области.

Состояние городского хозяйства в Орске, как видно из сведений, сообщённых нам орскою городскою управою, таково: город владеет землею в количестве 1850 десят., 1240 саж.; собственно же под городом и его постройками занято пока 56 дес. 1400 саж.; в наём жителям отдаётся 1029 д. и на выгоны 8 дес.; остальная не свободная земля роздана в пользование обывателей. Городского капитала от 1875 на 1876 год оставалось, за покрытием расходов, 2107 руб. 76 к. и кроме того город имеет капитала 10 000 р.

Главный промысел жителей земледелие, торговля и ремёсла. По торговле в 1876 г. объявлено, купеческих капиталов по 1-й гильдии – 1, по 2-й – 47; торговлей же вообще, как из сведений городской управы видно, занимается 349 чел. обою пола. Лавок общественных 20, частных 211, трактиров 4, постоялых дворов 3, питейных заведений 11. Ярмарок в Орске нет, их заменяет мена, базары же бывают ежедневно. Оборот этих базаров по привозу и сбыту хлеба, съестных припасов, конского корма, кож сырых и выделанных, всякого рода скота, деревянных, каменных, железных, стальных, медных и проч. привозимых из разных мест изделий оренбургского и орского уезда простирается в год на 350 000 руб. Как и везде, всё привозимое на базары сбывается сполна, если не в городе, то дорогой на базар или с базара; остатков не бывает, в чём базарная торговля везде и всюду отличается от ярмарочной. Говорят, что торговля из лавок и меновая в Орске простирается по сбыту до 3 500 500 р., доход трактиров, питейных домов и постоялых дворов до 8000 р.

Состав жителей Орска: чиновники, дворяне, купцы, мещане, казаки и временно только проживающие киргизы; теперь же число жителей, как это доказывается двумя однодневными перечислениями, произведёнными оренбургским губернским статистическим комитетом, увеличилось переселенцами из разных губерний. Из официальных сведений видно, что жителями г. Орска продаётся собственного, а неперекупного хлеба в год на 3000 р., лесных произведений, как-то: колёс на 1000 р., деревянной посуды на 500 р., столярных вещей на 500 руб., плугов и борон на 200 руб., выделяется и сбывается овчин на 300 руб., сырых овчин тоже, всякого рода

кож, так как в Орске существуют кожевенные заводы, на 4000 руб., кожевенного товара из перекупных сырых кож на 10 000 р., заготовленной из разных перекупных материалов обуви на 3000 руб., выполняется портными одежды из материалов заказчиков на 1000 р., сапожниками обуви на 800 р., кузнецами разных заказов на 2000 р., кирпичей выделывается на здешних заводах, кроме своей надобности, на 350 р., простой глиняной посуды: горшков, кувшинов, банок и проч. на 120 р., а всего на 27 070 р. Промышленности кожевенной способствует пригон киргизского скота. Есть и ещё здесь промысел, хотя незначительный, – это хорошая выделка пряжи из козьей шерсти и приготовление из неё перчаток, рукавиц, шарфов; таковых изделий продаётся здесь на 800 р. собственно жителями Орска; кроме того в Орск привозятся таковые же изделия из козьей шерсти из орского уезда, преимущественно из селений Красногорского, Каноникольского и Гирьяльского.

В Орске считается ремесленников: плотников 26, столяров 17, портных 13, сапожников и башмачников 20, кожевников 34, выделывающих всякого рода посуду 7, овчинников 3, кузнецов 12, шорников 15, делающих земледельческие орудия 3, колесников 6, делающих сани и дровни 10, занимающихся выделкою кирпича 5, хлебников и калачников 15, рещиков 1, шапошников 4, медников 2, бондарей 3, оружейников 4, часовщиков 2, серебряных дел мастеров 3, шерстобитов 2, валенщиков 3, маляров 2, гребенщиков 1. Ремёслами этими занимаются купцы, мещане, казаки, солдаты и крестьяне.

Об Орске, о его прежнем и настоящем положении мы скажем после.

Р. Игнатъев.

(Оренбургский листок. 1876. 19 декабря)

**№ 20. Краткое историческое известие о городах
Уфимской губернии
Губернский город Уфа.**

Г. Уфа – при р. Белой, близ впадения в неё р. Уфы, и при речке Сутолке, в расстоянии от С.-Петербурга в 1959, Москвы 1337 вер.; по географическому положению – под 54–45 с. ш. и 73–36%¹ в. д. по 1 меридиану.

¹ Видимо в типографии при наборе не оказалось знака «градус» и напечатали «проценты».

Время построения Уфы не обозначено в летописях; по свидетельству автора Топографии Оренбургской губернии, Рычкова, Уфа построена между 1574 и 1586 годами¹; значит при Грозном начата, при приемнике его, Царе Феодоре Иоанновиче, окончена построением. Предание башкир, издавших жителей края, относит построение Уфы к временам Грозного и вскоре после взятия им, 1552 году, Казани, и когда башкирский народ, бывший в подданстве царства Казанского, принял русское подданство²; но другое предание говорит: что сначала башкиры, обложенные ясаком, состоявшим из звериных шкур, возили этот ясак в Казань, так как и самим башкирским народом тогда заведывали казанские воеводы, а потом, находя неудобным ездить с ясаком в Казань, башкиры просили, чтобы им на их земле построить город, как для удобства взноса ясака, так и для защиты их от киргиз и сибирских татар. Вследствие этой просьбы и основан г. Уфа³. Предание башкир, затем, говорит, что на месте г. Уфы, во времена ещё Золотой орды, а потом царства Казанского, был большой город, на 15 вёрст в длину, и что поэтому одна из гор близ Уфы зовётся Тура-тау, т. е. городская гора, что там, где теперь в 2½ вер. от города, на берегу р. Уфы, находятся остатки, древнего рва и вала, называемого **Чортовым городищем**, жили татарские ханы, владевшие башкирами и признававшие над собой власть ханов Золотой орды, а потом – царей казанских; потом татары удалились за Кубань – и не стало г. Уфы, покуда его вновь не построили русские. Предание это не спорит с фактом о существовании если не города, то значительного поселения на этом месте, потому-что в 1505 году казанский царь, Магмет-Аминь, посылал к Вел. Кн. Ивану III-му Васильевичу, для переговоров, какого-то князя уфимского⁴.

Как и все старинные города, г. Уфа был укреплен вокруг всего жилья рвом, валом и палисадами; кроме того здесь была деревянная крепость с такими же башнями. Первые обитатели г. Уфы были выселенные, наиболее из Москвы, дворяне,

¹ Т. II, стр. 193. Миллера, «Описание Сибир. царства» 77–87 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Из дела Уфимского Дворянского Депутатского Собрания о дворянстве г. Артемьевых видно, что предок их, Иван Артемьев, в царствование Грозного, в 1560 годах, послан был для очертания г. Уфы, или проведения окружной межи – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Построителем Уфы был боярин Иван Нагой – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Карамз. «Истор. госуд. Росс.», т. VI, стр. 208 – прим. Р.Г. Игнатьева.

стрельцы, пушкари, дети боярские и приказные люди; всем им розданы земли в окрестностях города; в начале XVII века сюда посланы на службу смоленские и полоцкие дворяне. Уфа, как крепость, не раз отражала набеги сибирских татар, киргиз, бунтовавших башкир и других инородцев здешнего края. При царях Феодоре Иоанновиче и Борисе Годунове из Уфы посылалось войско в Сибирь для довершения завоевания Ермака Тимофеевича и против упорно отстаивавших свою независимость наследников последнего царя сибирского, Кучума, детей его, Ишима и Канара¹. Уфимские жители отразили нападение сибирских царевичей, Аблая и Тевкеля, и киргизского хана Ак-Назара, нападавших на Уфу в 1589 году².

При Петре Великом, при разделении России на восемь губерний в 1708 году, г. Уфа с приписными к нему пригородами – Бирском, Табынском, или Солеварным³, и селом Каракулиным причислены к Казанской губернии. По указам 27 и 31 июля 1728 года, Уфа и Уфимская провинция отделены от Казанской губернии в особое ведомство Сената⁴. В 1733 году, 21 августа, повелено быть в Уфе, кроме воеводы, коменданту; коменданты здесь были до 1782 года; в 1744 году, марта 15, Уфа назначена провинциальным городом вновь образованной тогда Оренбургской губернии⁵. В 1759 году г. Уфа выгорел от молнии, зажегшей одну из башен бывшей крепости или кремля; после этого пожара, сгоревшая уфимская крепость уже не возобновлялась, но оставались ещё ров и вал, которые, с помощью поставленных батарей, с успехом послужили к защите города во время пугачёвского бунта. В 1773–1774 годах, в течение нескольких месяцев, Уфа была осаждена скопищами Пугачёва, в числе более 20 000 человек, под предводительством яицкого казака Ивана Чики-Зарубина и уфимского торгового казака Василия Губанова; в Уфе же всего было до 800 чел. солдат, казаков, вооружившихся дворян, отставных солдат, купцов и мещан, под начальством воеводы Алексея Никифоровича Борисова, коменданта Сергея Степановича Мясо-

¹ Миллер, «Опис. цар. Сибир.», 263. Фишера, «Сибир. ист.», 263 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Топогр. Ор. губ., Рычкова, 1, 36, 87 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Перв. пол. собр. зак., т. IV, № 2218. Табынский или Солеварный городок, – теперь село Табынское Стерлитамакского уезда; там был солеваренный завод – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Там же, т. 5, № 3380 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁵ Там же, т. IV, № 6469; т. XII, № 8901-й – прим. Р.Г. Игнатьева.

едова, майора Николая Николаевича Пекарского, капитана Пастухова и прибывшего в Уфу по торговым делам ростовского купца, Ивана Игнатьевича Дюкова, который составил отряд из купцов и мещан; с этим отрядом Дюков не раз ходил на вылазки, брал пленных, отбивал пушки. Уфа спасена отрядами генерал-майора князя Голицына и подполковника Михельсона, после разбития Чики, 24 марта 1774 года, в 7 вер. от Уфы, под селом Чесноковкой. После того пойманы были Чика и Губанов и казнены в Уфе в феврале месяце 1775 года¹. В 1781 году, по указам 23 и 24 декабря, Оренбургская губерния переименована в Уфимское наместничество, центр управления которым назначена была Уфа². В 1796 году, указом 12 декабря, Уфимское наместничество опять переименовано в Оренбургскую губернию. Оренбург сделан губернским городом, а Уфа – уездным³. В 1802 году, 5 марта, Уфа переименована в губернский город, а Оренбург – в уездный, но в Оренбурге осталось управление военного губернатора⁴. В 1865 году, 5-го мая, по разделении Оренбургской губернии на Оренбургскую и Уфимскую, г. Уфа назначен губернским городом Уфимской губернии.

Издавна Уфа считалась местом ссылки: сюда были сосланы: при Годунове – боярин Иван Никитич Романов, при Шуйском – думный дьяк Афанасий Иванович Власьев и многие другие: в 1772 году сосланы в Уфу барские конфедераты, в 1831–1863 гг. – лица, замешанные в польском волнении. Уфа неоднократно была опустошена пожарами, в особенности 1816, 1821 и 1864 годах.

Уездный город Бирск.

Бирск – при р. Белой и ключе Ильинском, на уфимско-вятском тракте, в 103 вер. от г. Уфы, от С.-Петербурга 1978, Москвы в 1302 вер.; по географическому положению – под 55–25 % с. ш., 73–11 в. д.

Основание Бирска историограф Татищев полагает ранее основания г. Уфы, как только башкирский народ склонился в русское подданство; он полагает, что, будто бы, Бирск был

¹ Памятн. книжка Уфим. губ. на 1873 год, часть II, стр. 101–128 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Перв. пол. соб. зак., т. XXI, № 16307, 16308 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Там же, т. XXIV, № 17634 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Там же, т. XXVII, № 20170 – прим. Р.Г. Игнатьева.

первым городом на башкирских землях и назывался по имени своего основателя, боярина Челядина – Челядниным, а по церкви св. Михаила Архангела – Архангельским¹. Мы не можем сказать отчего Челядино или село Архангельское названо Бирском, тогда как река Бирь в 9 вер. от нынешнего Бирска впадает в р. Белую. Древность населения здешней местности доказывается существованием в 3 вер. от города, на берегу р. Белой, где тянется цепь гор, вероятно, отрогов Урала, урочища, так-называемого, **Чортова городища**. На том городище, по преданию, жил какой-то ногайский хан, владевший башкирами; хана выгнал отсюда дракон или зиланд, и он бежал с своими подданными за Кубань; но то же самое предание рассказывает и об Уфимском чортовом городище: нет сомнения, что в этих рассказах есть какая-либо общая связь. Село Архангельское, Челядино, говорят, было отдельно от устроенной крепости, бывшей на месте нынешнего города; церковь св. Михаила Архангела, ныне находящаяся близ р. Белой, на горе Галкиной, была недалеко от Чортова городища, близ р. Оторной, впадающей здесь в р. Белую, при ключе «святом». На том ключе, каждый год, 9 мая, в день св. Николая Чудотворца, бывает большое стечение народа и непременно участвуют все обучающиеся в училищах и даже дети обою пола. Ключ потому назван святым, что сюда пускают старые иконы, на которых живопись истёрлась и кидают в тот ручей мелкие серебряные деньги; почему это установилось – неизвестно². До самого почти Чортова городища, на в. от города, видны следы бывшего земляного вала. Первые обитатели Бирска были стрельцы, пушкарки и вообще служилые люди и затем – крестьяне, точно также как и в Уфе, и им даны земли в окрестностях Бирска, который, как крепостца, назван был – пригородком и городком Бирском и Абир тож³.

В 1708 году, Бирск причислен к Казанской Губернии, а в 1744 году вошёл в состав Уфимской провинции, к вновь учреждённой тогда Оренбургской губернии⁴. Ранее этого, в конце царствования Анны Ивановны, когда сформированы были

¹ Татищева, «Лексикон Российский», ч. 1. Попова «Татищев и его время» 161 – прим. Р.Г. Игнатъева.

² Сборник статистич. историч. и археолог. сведений о бывшей Оренб. и нынеш. Уфим. губернии, издан. Уфим. Губ. Стат. Комитетом 1868 г., статья г. Бирск – прим. Р.Г. Игнатъева.

³ Там же.

⁴ Рычкова, топогр. Оренб. II. 200 – прим. Р.Г. Игнатъева.

ландмилиционные полки, значительная часть бирских жителей зачислена в эти полки, а крестьяне села Архангельского выселены в разные места¹. Таким образом, Бирск, во времена Пугачёвского бунта, стал малочислен жителями, и, хотя на защиту его присланы были в 1774 году красно-уфимские казаки, но шайки пугачёвские очень легко завладели Бирском, перерезав безопасно уснувших казаков, которые, по преданию, все похоронены в 1 в. от города, в логу, называемым Калмыцким. Кроме этого, Бирск, во время башкирских бунтов, в царствование Алексея Михайловича, Петра I и Анны Ивановны, не раз подвергался нападениям². В 1781 году Бирск назначен Уездным городом Уфимского наместничества, а в 1796 году – уездным городом Оренбургской губернии; в 1865 году – таковым же городом Уфимской губернии³.

К сожалению, нам, за истреблением пожарами местных архивов, остаётся много неизвестным касательно истории Бирска, имевшего в XVII и начале XVIII столетия значение оборонительного пункта на камской линии.

Уездный город Мензелинск.

Мензелинск – при р. Мензеле и ручьях Кучанке и Скородуме, на уфимско-вятском тракте; от г. Уфы в 269, С-Петербурга – 1825, Москвы – 1134 вер.; по географическому положению – под 55–43% с. ш., 70–46% в. д.

Здесьняя местность, вероятно, была населена издревле: близ города на берегу р. Ика есть гора, называемая Крестовою, с остатками на ней земляных укреплений, теперь осыпавшихся и заросших вековыми деревьями. Мензелинск, под именем острожца или крепости, как предполагается, основан между 1584–1586 годами, с целью укрепления закамской линии, ограждавшей Казанскую область со стороны степи; с этою целью именно построены и Уфа, и Бирск. Первое население Мензелинского острожца состояло из служилых же людей, как Уфа и Бирск, присланных сюда на службу из разных

¹ Там же.

² Ежемесячные сочинения 1759 г., стр. 12, Рычков – топогр. Оренб., II стр. 200, А. Пушкина VII, «Истор. пуг. бун.» стр. 83, Сборн. стат. истор. и археол. свед. о быв. Оренб. и нынеш. Уфим. губ. – статья г. Бирск – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Перв. Пол. соб. зак. т. IV № 2218, т. XXII № 8901, т. XXI № 15307, 15308, т. XXVIII № 21404 – прим. Р.Г. Игнатьева.

мест¹. В 1645 году Мензелинск отразил приступы к нему ногаев и калмыков². В 1665 г. Царь Алексей Михайлович прислал сюда, по завоевании им у Польши Смоленской области, 124 семейства дворян или шляхты, в качестве служилых людей³. В 1663 году, когда начался башкирский бунт, названный по имени главного зачинщика старшины Сеита – сеитовским башкиры, соединясь с калмыками и киргизами, кочевавшими в здешних местах, пытались не раз прорваться через Мензелинск, но всегда были отражаемы и разбиваемы. В 1676 году бунтовщики осадили Мензелинск; но мензелинские служилые люди, с помощью подоспевшего отряда яицких казаков, с успехом отразили их, сделав удачную вылазку, и теперь место, где происходила вылазка – зовётся Казачьей лукой, а там, где был киргизский стан – Киргизской горой⁴. В 1683 году, царскою грамотою от 9 сентября, где упоминается и об этом подвиге, предоставлено смоленским шляхтичам право продавать и закладывать отведённые им земли, отдавать в приданое за дочерьми⁵. В 1708 году Мензелинск приписан к Казанской губернии, но и до тех пор он вместе с Уфой и Бирском был в ведении казанских воевод⁶. В это самое время был башкирский бунт, и Мензелинск снова отразил нападение башкир⁷; точно также были отражены приступы к Мензелинску в 1735 году, во время нового башкирского бунта⁸. Управлявший здешним краем, тайный советник Василий Никитич Татищев, представлял правительству о необходимости открыть в Мензелинске особую провинцию; но предположение его не было принято, а велено было только составить подробную ланд-карту окружной местности⁹. Башкирский бунт, начавшийся в 1735 г., по поводу проведения новой линии и построения Оренбурга, продолжался пять лет, и в 1740–1741 гг., в Мензелинске совершилось много казней над бунтовавшими башкирами¹⁰. В

¹ Город. посел. в Рос. имп. т. III. 450–451 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Акт. археограф. экспед., т. IV, № 2 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Соловьёва статист. Смолен. губ. стр. 16. жур. Мин. Внут. Д. 1850 г. XXIX стр. 22 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Оренб. губ. вед. 1850 г. № 15 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁵ Журн. Мин. Внут. Дел 1850 г. XXIV. 25 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁶ 1 пол. соб. зак. т. IV № 2218 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁷ Рычкова топогр. Оренб. губ. II. 204. Татищев и его время 177–181 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁸ Там же.

⁹ Попова – Татищев и его время стр. 185 – прим. Р.Г. Игнатьева.

¹⁰ Там же стр. 181 – прим. Р.Г. Игнатьева.

1744 году, пригород Мензелинск, в составе Уфимской провинции, присоединён к Оренбургской губернии¹. В пугачёвский бунт, Мензелинск храбро отразил шайки Пугачёва, осаждавшие его под предводительством татарина деревни «Сосновый-Брод», Сянфина. Мензелинск был в осаде от 13 декабря 1773 до конца марта 1774 года. В память спасения Мензелинска от пугачёвских шаек установлено ежегодно приносить сюда из г. Елабуги, Вятской губернии, чудотворный образ Спасителя². В 1781 году, Мензелинск возведён на степень уездного города и причислен к Уфимскому наместничеству; в 1796 году, по переименованию Уфимского наместничества по прежнему Оренбургскою губерниею, Мензелинск назначен уездным городом Оренбургской губернии³; 1865 г. Мензелинск объявлен уездным городом Уфимской губернии.

В Мензелинске существует ярмарка, одна из значительных в России; но о времени её основания нет нигде никаких известий, кроме лишь того, что эта ярмарка образовалась в 1-й половине прошедшего столетия из конского торгового, вследствие спроса на башкирских лошадей⁴; но другое известие, если не называть его преданием, говорит, что ярмарка образовалась не столько от конского, сколько от хлебного торгового.

Уездный город Стерлитамак.

Стерлитамак – при рр. Стерле и Ашкадаре, на оренбургско-уфимском тракте, от Уфы в 125, С.-Петербурга 2119, Москвы 1448 вер.; по географическому же положению под 53–7° с. ш. и 73–38 в. д.

Предание говорит, что на том месте, где гора Тура-тау или городская, кочевал какой-то ногайский хан, который, услышав потом о возрастающем могуществе русских и что падение татарских царств неизбежно, скрылся из здешних мест куда-то на Кавказ, словом – это то же самое предание, что и о Уфе и Бирске. Близ горы Тура-тау видны остатки земляного вала, что доказывает, что здешняя местность была когда-то

¹ 1 Пол. Собр. зак. т. XII № 8901 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Памят. книж. Уфим. губ. 1873 г. ч. II стр. 129–130. журн. Мин. Внут. Дел. 1850 г. ХХІХ. 49 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Пер. пол. соб. зак. т. ХХІ № 15307, 15308, т. ХХVІІ № 21404 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Памят. книж. Уфим. губер. 1873 года ч. 1 стр. 14 – прим. Р.Г. Игнатьева.

обитаема; другое предание называет этот вал чудским, в смысле чуждого, неизвестного, давно исчезнувшего народа; так здесь, в Уфимской губернии, чаще всего называют могильные насыпи или курганы. Когда во 2 половине XVIII столетия развился соляной промысел в Илецкой крепости, бывший симбирский купец, а потом коллежский советник Титюшин, представил правительству проект о доставке илецкой соли в Нижний Новгород, Москву и Петербург, посредством учреждения соляной пристани, на избранном им месте нынешнего города Стерлитамака, при рр. Стерле и Ашкадаре, где в 1766 году существовала почтовая станция или ям и было небольшое селение, называемое Стерлитамакским ямом. Титюшин устроил пристань и солевозный путь до Илецкой крепости, откуда стали доставлять соль на подводах; здесь грузили соль на барки и отправляли на р. Белую, а отсюда в Каму и Волгу. Сначала здешняя пристань звалась ашкадарскою, а потом стерлитамакскою, и скоро здесь образовалось значительное население из русских и казанских татар. На стерлитамакскую пристань стали доставлять металлы с твердышевских заводов, расположенных в окрестностях Табынского городка, ныне села Табынска Стерлитамакского уезда¹. В 1774 г. пугачёвский сообщник Хлопуша сжёг и разграбил стерлитамакскую пристань², но после усмирения пугачёвского бунта стерлитамакская пристань снова устроилась, и, наконец, менее, нежели в 10 лет после пугачёвского бунта, самое население увеличилось прибывшими сюда из разных мест жителями; в это же время устроились здесь несколько кожевенных и салотопенных заводов. В 1781 году, при переименовании Оренбургской губернии в Уфимское наместничество, указом от 23–24 декабря того 1781 г., велено стерлитамакскую солевозную пристань возвести на степень уездного города³. В 1796 году Стерлитамак оставлен уездным же городом Оренбургской губернии, так как и всё Уфимское наместничество переименовано тогда было в Оренбургскую губернию. Это самое распоряжение правительства потом повторено указом 19 июля 1804 года⁴, при издании штатов Оренбургской губернии. В 1810 году г. Стерлитамак утратил значение солевозной пристани, по случаю проведения

¹ Оренб. губ. вед. 1854 г., №№ 32, 33, 34. Полн. соб. учен. путеш. по России, IV, 34 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Пушкина сочинения, VI, 30, 302 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ 1 пол. собр. зак. т. XXI, №№ 15307, 15308 – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Там же, т. XXVIII, № 21403 – прим. Р.Г. Игнатьева.

тогда от Илецкого городка нового солевозного пути прямо на г. Самару, где помещалось соляное правление¹. В 1865 году г. Стерлитамак, по указу 5 мая, переименован в уездный город Уфимской губернии.

Уездный город Белебей.

Белебей – при речке Белебейке и ключе Кузнечном, в 80 вер. в сторону от уфимско-казанского тракта; от Уфы в 168, С.-Петербурга 1944, Москвы 1270 вер.; по географическому положению под 54–7° с. ш., 71–48 в. д.

Окрестности Белебея служили местом башкирских кочёвок; сюда, во время существования татарских царств, посылались миссионеры для обращения в магометанство башкир-язычников². При Императрице Елисавете Петровне, когда в Уфимской провинции окрещено было много чуваш, часть этих новокрещённых населена была на месте нынешнего Белебея, который назывался селом Белебеем. Белебей, по преданию, был первый из чуваш, здесь поселившихся. В этом селе была деревянная церковь во имя св. Михаила Архангела, построенная в 1757 году, по благословению архиепископа казанского, Гавриила, с целью утверждения чуваш в православии³. Когда начался пугачёвский бунт, возмущившиеся чувашаи сожгли в 1774 году эту церковь и пристали к бунту⁴. После усмирения бунта большая часть чуваш была прощена по воле Государыни Екатерины II и по распоряжению посланного на окончательное усмирение бунта генерал-аншефа графа Панина⁵. При переименовании Оренбургской губернии в Уфимское наместничество, село Белебей назначено по указу 23–24 декабря 1781 года уездным городом⁶, и чувашаи, большею частью, выселены, а в город переведены преимущественно русские. Когда в 1796 году по указу Императора Павла I Уфимское наместничество

¹ Бабст. Поездка в Илецкую защиту. Магазин земледения. 1. 742–759 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Записки археол. общ. т. XIII, 257 – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ Ханькова. Геогр. обоз. Орен. края в мат. для статистики 1839 г. отд. II, стр. 30. Указ каз. архиеп. Гавриила 1 сентября 1747 г. о постройке в селе Белебее церкви, в делах архива орен. духовного заказа, ныне хранящихся в оренб. дух. консистории – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Оренб. губ. вед. 1859 г., № 7-й – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁵ Дело в архиве Тургайского област. прав. в Оренб. о государ. злодее Емельяне Пугачёве, т. 1, лист 98-й – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁶ 1 пол. собр. зак., т. XXI, №№ 15307, 15308 – прим. Р.Г. Игнатьева.

опять названо Оренбургскою губернией, Белебей обращён в заштатный город¹; но в 1802, 1804 годах опять восстановлен уездным городом Оренбургской губернии². В 1865 г. Белебей наименован уездным городом Уфимской губернии.

Уездный город Златоуст.

Златоуст – при р. Ай, обширном пруде заводском, при речках Громатухе, Тесьме, Каменке, Чувашке, Татарке и ручьях Нижне-заводском, Уренгинском и четырёх ключах – безыменных, небольших прудках Сажевке и безыменном, на сибирском тракте; от г. Уфы в 406, С.-Петербурга 2342, Москвы 1668 вер.; по географическому положению под 55–10 с. ш., 77–20 в. д. Местоположение здесь гористое; здесь находятся отроги Уральского хребта под названием Уренга, Таганай, Косотур, Татарка и Низменская.

Из документов главной конторы Златоустовских заводов видно, что в 1754 году тульский купец, впоследствии дворянин, Мосолов, на купленных им у башкир землях основал железоделательный и медиплавиленный завод, который сначала назывался Косотур, а потом, по церкви трёх святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого стал называться Златоустовским. В 1768 году, Мосолов продал Златоустовский завод тульскому купцу Лариону Ивановичу Лугинину. В 1774 г., 12 мая, Пугачёв занял Златоустовский завод, где крепостные мастеровые Лугинина встретили его с колокольным звоном, крестами и св. иконами, поднеся хлеб и соль. Через трое суток Пугачёв, услышав о приближении посланного против него отряда подполковника Михельсона, выступив за 44 в. от Златоустовского зав. в Саткинский завод того же Лугинина, приказав сжечь и разграбить Златоустовский завод, а жителям следовать за ним, что и было исполнено; но многие из жителей не пошли за Пугачёвым, а скрылись в леса и потом явились на прежнее жительство. Не смотря на понесённые громадные убытки, как это было засвидетельствовано, по распоряжению правительства, членами Государственной Берг-

¹ т. XXIV, № 17702 – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Там же, т. XXVII 20245, т. XXVIII, № 21404. В уфим. губерн. прав., в особом ковчеге, в числе рескриптов и проч. хранится собственноручно подписанный Императором Александром I рескрипт на имя военного губернатора Бахметева, о восстановлении г. Белебея – прим. Р.Г. Игнатьева.

Коллегии Глебовским и Перфильевым, Лугинин возобновил в 1776 г. Златоустовский завод и Саткинский и устроил ещё, в 36 вер. от Златоустовского, Миасский медиплавиленный завод, ныне Троицкого уезда Оренбургской губернии. Медь отсюда прежде доставлялась на Златоустовский завод, теперь же, после 1776 года, Златоустовский завод стал только чугуно-литейным и железоделательным.

По смерти Лугинина, заводы его достались двум его внукам Ивану и Николаю Максимовичам; из них на долю Ивана Максимовича Лугинина достался Златоустовский завод. В 1797 году оба брата Лугинина все свои заводы, как-то: Златоустовский, Саткинский и Кусинский, в 29 вер. от Златоустовского, основанный в 1788 году Николаем Максимовичем Лугининым, и Артинский в Пермской губернии, основанный в 1770 году Ларионом Ивановичем Лугининым, сдали в аренду московскому 1 гильдии купцу Андрею Андреевичу Кнауфу. Кнауф через год передал все лугининские заводы Государственному Ассигнационному Банку; Банк, в 1800 году, отдал эти заводы снова в аренду Кнауфу; но как потом Кнауф оказался несостоятельным, то, в 1811 году, лугининские заводы, с принадлежащими к ним деревнями, составляющими теперь Златоустовскую, Саткинскую, Кусинскую, Миасскую, Сыростанскую, Тургоякскую и Артинскую волости, в пределах нынешних Златоустовского, Троицкого и Красноуфимского уездов, Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний, отданы в ведомство министерства финансов, департамента горных и соляных дел, составили из себя Златоустовский горный округ, и главному управлению над этими заводами назначено быть в Златоустовском заводе, который наименован был **горным городом**, так как в ст. 391, VII тома Устав. горн. изд. 1857 г. говорится: «селения при заводах и рудниках казённых, в отношении к гражданскому их благоустройству, считаются **городами** и получают имена **горных городов**». Постановления о правах горных заводов и о местном их управлении помещены в том же VII т. Уст. гор. изд. 1857 г., в ст. 391–410, 783–807. С поступлением Златоустовского завода в казну, в 1811 году вызваны сюда из Солингена, Клянгенталя и Страсбурга оружейные мастера, и затем началась здесь выделка холодного оружия; после же того открыта сталелитейная фабрика и сделано много опытов к отлиту стальных пушек. В 1861 году, по Высочайшему манифесту 8 марта, златоустовские мастеровые, потомки бывших крепостных Лугинина и поступившие по на-

борам как рекруты из государственных крестьян, освобожденные от обязательных отношений к заводам и получили все права свободных сельских обывателей. – В это время население Златоустовского завода всех сословий, здесь проживающих, превышало 15000 ч., как это оказалось при произведённом в 1865 г. губернским статистическим комитетом однодневном исчислении жителей Златоустовского завода. В 1865 году, когда Оренбургская губерния разделена на Оренбургскую и Уфимскую, по Высочайшему повелению 5 мая этого года, Златоустовский завод, Троицкого уезда, назначен уездным городом Уфимской губернии; Златоустовский же уезд велено сформировать из селений 3 и 4 станов Троицкого и 4 стана Уфимского уездов бывшей Оренбургской губернии. Г. Златоуст открыт 26 ноября 1865 года уфимским губернатором, действительным статским советником Григорием Сергеевичем Аксаковым; управление же горными заводами Златоустовского округа осталось на прежнем основании, за не исключением обязательного труда бывших мастеровых, суда и администрации со стороны горного ведомства. Златоустовские заводы состоят ныне в ведении министерства государственных имуществ, главного начальника горных заводов Уральского хребта и уральского горного правления, и главный начальник и горное правление находятся в г. Екатеринбурге, Пермской губернии.

Р. Игнатъев.

(Уфимский календарь на 1876 год / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Вып. 3. Уфа, б. г. С. 1–7)

1877 год

№ 21. Могила писателя Петра Ивановича Рычкова

Оренбургский отдел Императорского географического Общества, в заседании своём 4 Декабря прошедшего года, с полным сочувствием принял заявление моё об имеющем совершиться, 17 Октября нынешнего года, юбилее столетия дня кончины незабвенного для нашего края писателя и администратора, П.И. Рычкова, скончавшегося 17 Октября 1777 г. в г. Екатеринбурге. Все учёные труды автора «Оренбургской Истории и топографии Оренбургской губернии», всецело, вместе с многими другими его сочинениями, как и долговременная служба, посвящены нашему же краю. Учёные труды и служба Рычкова известны, а о том, что ещё неизвестно было почтенному автору «Жизни и литературной переписки Рычкова», покойному Академику Петру Петровичу Пекарскому, о том будет сказано в своё время, когда Оренбург и вместе с ним конечно весь край вспомнят о Рычкове в знаменательный день 17 Октября 1877 года. Наше здесь слово лишь о месте посмертного покоя незабвенного писателя, о котором в несколько большей, подробности, нежели как это видно из книги Пекарского «Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова», мы узнали, благодаря просвещённому содействию Преосвященного Герасима, Епископа Самарского и Ставропольского, по инициативе которого благочинный 1 округа Бугульминского уезда г. Бугульмы, о. протоиерей Фёдоров сообщил следующее.

Тело Петра Ивановича Рычкова из Екатеринбурга, согласно воле покойного, было перевезено в имение его, село Спасское, в 15 вер. от Бугульминской Слободы, Оренбургской губернии, что теперь г. Бугульма Самарской губернии, где и погребено в трапезе церкви Вознесения Господня, построенной Рычковым в 1765 году. На могиле Рычкова нет надписи, но в той же церкви погребён сын его Андрей Петрович Рычков, бывший Симбирский комендант, убитый в Пугачёвский бунт, в 1774 г., при нападении на Симбирск мятежных шаек Пугачёва и на могиле его надпись на холсте, сделанная собственноручно Петром Ивановичем Рычковым: «Андрей Петрович Рычков – цвет и надежда своего роду».

«Отрада и утешение отцу его, оскудевающему в силах. Находясь в военной службе, был он внутри и вне государства в разных походах и сильных действиях, служба по званию чинов своих безпорочно и ревностно; потом на тридцать пятом

году от рождения его, быв полковником и города Симбирска комендантом, исполнял присяжную, возложенную на него должность как верный раб и сын отечества, предводительствовал военным отрядом, с которым Государственного злодея, бунтовщика Пугачёва, разбив две многолюдныя партия, со многочисленною злодейскою толпою в сражении, бывшем под пригородом Корсунем¹, подвизаясь мужественно и безстрашно, от многих ран окончил жизнь свою на самом месте того сражения, Августа 25 дня 1774 года; тело его оттуда перевезено и здесь под камнем положено по указу, данному от Преосвященного Вениамина Казанского и Свияжского², Января 15 дня 1775 году. Лишась любезнаго мне сына, чрез то печаль сношу, что он как верный раб и сын отечества скончался, что я и сам давно уже туда спешу; блажен он много тем, что кровию венчался».

Церковь Вознесения Господня, где погребены Рычковы – таже самая, которую построил Пётр Иванович, только два придела в трапезе и самая трапеза начали устраиваться в 1839 г. на иждивение помещицы села Спасского, Любови Дмитриевны Рычковой. – В 1844 г. Спасское перешло во владение г. Малокиенко, после 1861 года крестьяне села Спасского сделались собственниками, а некоторые причислились в Бугульминское мещанское общество; до 1844 г. селом Спасским владели Гг. Рычковы.

В церкви села Спасского сохранились: антиминос льняной, освящённый Архиепископом Вениамином Казанским, в 1765 г., оловянные потир и дискос, евангелие и апостол, напечатанные в Москве в 1745 г., миная месячная (12 месяцев в одной книге), напечатанная в 1734 и 12 книг миней месячных 1768 г.; на некоторых из этих книг сохранилась сделанная чернилами надпись: «книга сия Вознесения Господня, что в селе Спасском и кое принадлежит Статскому Советнику Петру Ивановичу Рычкову... куплена с прочими всего годоваго течения книгами в москве 1769 году за 25 руб. за 50 к. на деньги, данныя по обещанию тогож села Спасскаго выборнаго крестьянина Герасима Федорова сына Благаго...» (Места, обозначен-

¹ Теперь уездный город Симбирской губернии – прим. Р.Г. Игнатъева.

² Архиепископ, потом Митрополит Казанский, Вениамин, из дворянского рода Пуцек-Григоровичей, к епархии которого принадлежала большая часть нынешней Самарской губернии, управлял с 1762 по 1782 г.; в глубокой старости удалился на покой в Казанскую Седмиозёрную пустынь, где и умер в 1798 году – прим. Р.Г. Игнатъева.

ные точками, стёрлись).

Замечательна историческим содержанием надпись «на престольном деревянном кресте: Влето от сотворения мира 7205, еже бе благополучныя державы благочестивейшия самодержавнейшия Великия Государыни Елисаветы Петровны Всепресветлейшия Всемиловитейшаго Петра Великаго дрожайшей дщери отрожденияж ея 48 году заложен сей Божий Храм Вознесения Господня, Благословением Архипастырским святейшаго¹. строен в бытность сему селу помещика и начинателя перваго², Статского Советника, С.-Петербургской Императорской Академии наук корреспондента и члена Оренбургской Канцелярии Петра Иванова сына Рычкова, при жене его Елене Денисовой дочери по отце Чириковой. Сооружен от сотворения мира 7272, от Р. Х. 1765 года. Освящен был в благополучное Государствование Всепресветлейшия Державнейшия Всемиловитейшия, премудрыя Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, достойнейшей Петра Великаго внуки и царствования ея в 4, от рождестваж 36 лето, при любезном Ея Величества сыне и наследнике, Благоверном Государе Великом Князе Павле Петровиче в 11 лето от рождения его. И обруган был бусурманами и башкирами и в лето от создания Мира 7280, от Р. Х. 1773 Декабря 18 дня»³.

«Вновь освятися при державе Благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни Екатерины Алексеевны Императрицы всероссийския и при наследнике ея Благоверном Государе и Великом Князе Павле Петровиче, по Благословению святейшаго Правительствующаго Синода члена, Преосвященнейшаго и великаго господина нашего Вениамина Архиепископа Казанскаго и Свяижскаго влето от создания 7283 от рождества 1775 Индикта 9, месяца Генваря 14 числа, на память преподобных отец наших Павла Фивейскаго, Иоанна Кущника, закащиком⁴ и священником Бугульминской слободы Афонасием Петровым».

¹ Приосвященный Гавриил (Кременецкий) в последствии Митрополит Новгородский, С.-Петербургский Эстляндский и Финляндский, правил Казанскою Епархией с 1755 по 1762 годы – прим. Р.Г. Игнатьева.

² Спасское населено крестьянами, купленными Рычковыми у разных владельцев, земля же пожалована была ему за службу – прим. Р.Г. Игнатьева.

³ В то время, в самый разгар Пугачёвщины село Спасское было разорено и церковь поругана возмутившимися башкирами и другими инородцами – прим. Р.Г. Игнатьева.

⁴ Благочинным – прим. Р.Г. Игнатьева.

Эта надпись доказывает, что церковь после поругания её в Пугачёвский бунт иноверцами, вторично освящена старанием того-же П.И. Рычкова, в 1775 году, через 10 лет после первого освящения в 1765 г.; значит, тело Андрея Петровича Рычкова привезено из Симбирска и положено здесь когда ещё церковь не была освящена. К сожалению, мы не знаем, где погребена жена Петра Ивановича и другой его сын Николай Петрович, в молодых годах уже прославившийся, как учёный и писатель. Всё это конечно можно бы было, как полагаем, найти в церковном архиве родовой вотчины Рычковых села Спасского.

Мы слышали, что Оренбургский отдел Географического общества намерен за материалами для составления более полной биографии Рычкова обратиться к его потомкам, у которых может быть найдутся какие либо фамильные бумаги о их предке. Труд г. Пекарского составлен исключительно из документов архива Академии наук, но в наших местных архивах есть о Рычкове ещё многое, что не могло быть известно г. Пекарскому, не разсматривавшему этих архивов. – Так например, Уфимским Губернским Статистическим Комитетом напечатаны в «Памятной Книжке Уфимской губернии за 1873 г.» статья Рычкова «о земледелии Оренбургской губернии» и бывшая по поводу её переписка Оренбургского Губернатора Волкова с Сенатом. Следует желать, чтобы более полная биография Рычкова явилась ко дню столетнего его юбилея.

Р. Игнатьев.

(Уфимские губернские ведомости. 1877. 15 января)

№ 22. Могила писателя Петра Ивановича Рычкова

[Текст смотри выше. Имеются незначительные орфографические изменения, вместо заглавных букв отдельные слова пишутся с маленькой. В конце первого предложения последнего абзаца, после слова «...предке¹», вставлена сноска].

(Оренбургский листок. 1877. 30 января)

¹ В годичном заседании оренбургского отдела императорского русского географического общества 22 января сего 1877 года действительно возбуждён был вопрос по этому предмету, вследствие письма вашего в отдел, и член-сотрудник отдела Гервасий Степанович Борейша вызвался войти с гг. Рычковыми в переписку. Ред.

№ 23. Поминки по защитникам г. Уфы в пугачёвщину 1773–1774 годов

Четыре года сряду теперь в Уфе вошло в обычай, 25 Марта, в день освобождения города от долговременной и тяжкой осады мятежными шайками Пугачёва, отправлять поминовение по защитниках города, отстаивавших и отстоявших его в 1773–1774 годах, с 200 ч. инвалидов солдат и 400 вооружённых жителей, против 20 000 ч., при воеводе Алексее Никифоровиче Борисове, коменданте Сергее Степановиче Мясоедове, воеводском товарище Сергее Ивановиче Аничкове, начальнике дворянской сотни Николае Николаевиче Пекарском, инвалидном капитане Козьме Козьмиче Пастухове, протоиерее смоленского собора О. Иакове Неверове, Ростовском купце и предводителе купеческой и мещанской сотни Иване Афонасьевиче Дюкове и 100 чел. убиенных на приступах и вылазках, погребённых при церкви св. Троицы или бывшем смоленском соборе, и о всех, кто участвовал в той осаде.

Не имея порядочного укрепления, кроме старого вала и частокола, и терпя недостаток в оружии, порохе и припасах, не страшась угроз мятежников, грозивших разорить город и перебить поголовно всех жителей, г. Уфа храбро, в течение нескольких месяцев в 1773–1774 годах отстаивала себя от многочисленных врагов, не думая о сдаче города, как недостойной для верноподданных сынов отечества. Наконец для Уфы настал день спасения: 25 Марта 1774 г. Уфа избавлена от осады, Генерал Майором Князем Петром Михайловичем Голицыным и подполковником Иваном Ивановичем Михельсоном.

Между защитниками Уфы выделяется протоиерей Неверов, подымающий крест и, именем Божиим напоминая долг присяги, созывающий верных присяге стоять до последней капли крови. На зов Неверова первый откликается 22 летний Дюков; созывает дружину из народа, берёт из рук Неверова вместо знамени церковную хоругвь, молитвенным словом «Пресвятая Богородица – спаси нас»¹, с своими немногими удальцами, победоносно бьётся на приступах и вылазках, везде гоня и поражая мятежников, забирая пушки и пленных. Дюков является в своём роде вторым Козьмою Миничем Сухо-

¹ Идя один на десятерых, Дюков, по преданию, всегда восклицал: «Пресвятая Богородица спаси нас!» «И спасёт» отвечала дружина – прим. Р.Г. Игнатьева.

руковым: Сухоруков был говядарь (мясник), Дюков – рыбарь (рыбак). –

Более столетия Уфа забывала своих доблестных и славных защитников, но теперь вспомнила и уже молится за них ежегодно в день поминок. –

В нынешнем году, 25 Марта, Преосвященный Никанор, Епископ Уфимский и Мензелинский, отправляя при многочисленном стечении народа панихиду по защитниках Уфы, на месте посмертного покоя их, в церкви св. Троицы, бывшем до 1842 г. Смоленском соборе¹. Бывший собор – единственный теперь остаток Уфимской старины: он построен в начале XVII века, заложен в последние годы царствования Годунова, на месте бывшей деревянной церкви Казанской Божией Матери, построенной в конце XVI века.

Нигде, в самом деле, не так соответственна панихида, как в древнем храме г. Уфы. – В пугачёвщину, т. е. во время осады, около собора было укрепление и расположена была главная батарея, сюда то и направлены были все приступы.

«Покуда я здесь, сказал перед панихидой Преосвященный Никанор, не оставляю 25 Марта поминать защитников Уфы». Но мы бы желали, чтобы то установилось официально и навсегда.

Осада Уфы никогда не должна быть забыта у истинно русских патриотов и подвиги приснопоминаемых, за сто лет до нас живших, храбрых защитников Уфы достойны всегда подражания и должны служить примером для потомков.

В прошлом году возникла мысль, а теперь после панихиды опять заговорили, о поставлении памятника, в честь избавления Уфы и подвигов её защитников; высказывалось и прежде, и теперь высказывается, желание обедневшую церковь св. Троицы опять назвать Смоленским собором, хотя бы приписным к нынешнему Воскресенскому Кафедральному собору. Обращение древнего собора, матери всех церквей Уфы, в приходскую церковь было делом крайне несправедливым, вопиющим; это был полнейший произвол самодурства доброго

¹ Мы говорим о 100 чел. здесь погребённых, убитых на приступах. Могилы воеводы Борисова и Коменданта Мясоедова не известны, Дюкова и Пастухова тоже; Аничков и Неверов погребены в Уфе при церкви Успения Божия Матери, Пекарский – в своём имении в Уфимском уезде. Неверов умер чрез 20 лет после осады, когда воспрещено было хоронить при городских церквах, а на место Успенской церкви было кладбище; церковь же построена в 1798 г. женою Аничкова – *прим. Р.Г. Игнатъева.*

старого времени¹.

Поставления памятника и возстановления чести древнего храма должно желать; средства на памятник конечно найдутся хорошие. Можно надеяться, что не одна Уфа губернская, но откликнутся и другие, например Ростов, место родины незабвенного Дюкова. Попробуем и напишем туда и познакомим Ростовцев с их славным земляком, честью и славою всего Ростовского купечества. – Издревле богатый город Ростов всегда славился усердием к благолепию храмов Божиих и делу благотворительности.

Потомки Дюкова и теперь ещё в Уфе, это – мещане Дюковы и также рыбаки. Жаль, что они во время панихиды были забыты, а следовало бы и их пригласить, как в Костроме всегда, где касается Ивана Сусанина, непременно приглашаются его потомки, крестьяне дер. Домнина и Коробовой. Из потомков других защитников Уфы у нас недавно умерла правнука Неверова, последняя из Неверовых. Существует ещё фамилия Пекарских и Аничковых, но нигде, в нашем крае, не слышно фамилии Борисовых, Мясоедовых и Пастуховых.

О памятнике, если предположение осуществится, где бы мы ни были, из какого бы то ни было отдалённого от Уфы края, в своё время поговорим.

Как бы начало памятнику сделано уже Уфимским Губернским Статистическим Комитетом, который журналом 5 Марта 1876 года, согласно докладу члена-Секретаря Комитета, Н.А. Гурвича, постановил: для увековечения памяти избавителя Уфы, Ивана Ивановича Михельсона, который после Уфимской осады подавил возстание во всей Уфимской провинции, поставить его портрет на вечные времена в читальне Комитета, что и исполнено: портрет Михельсона поставлен.

Будет ли памятник – не знаем; но куда, хорошо бы было, еслибы собрана была подписка на записание в диптих Троицкой церкви на вечное поминовение приснопоминаемых защитников Уфы, т. е. деньги должны быть обращены в непрерывно доходный билет, процентами с которого должен пользоваться причт бывшего собора.

Р. Игнатъев.

¹ Будучи в Уфе, в 1824 г., Император Александр 1-й строго выговаривал Пр. Амвросию, Епископу Оренбургскому и Уфимскому, за уничтожение многих древностей Смоленского собора и уничтожение надгробий (Уфим. ведом.: 1876 г. № 16). В этих ведомостях помещена история Смоленского собора – прим. Р.Г. Игнатъева.

(Уфимские губернские ведомости. 1877. 9 апреля)

**№ 24. Поминки по защитникам г. Уфы в пугачёвщину
1773–1774 годов
(25 марта 1877 года).**

[Текст смотри выше. При перепечатке сделаны незначительные изменения, нет первой сноски, переставлялись некоторые слова, есть сокращения.]. Существенно изменена лишь концовка статьи. После абзаца: «В прошедшем году в Уфе... Обращение древнего собора, матери всех церквей в Уфе в приходскую церковь, было делом крайне несправедливым», специально для оренбургского читателя Р.Г. Игнатьев вставил другой текст.

«Оренбург моложе Уфы. Он переживает только другое столетие. Но здесь есть два старинные собора Преображенский и Введенский, или по народному выражению *золотой и зелёный*. Ужели, с постройкою в Оренбурге нового собора, и с ними также поступят, как поступили в Уфе с древним Смоленским собором!?

К стати уж об Оренбурге.

В одно время с Уфой в конце 1773 и начале 1774 г. Оренбург в течении 6 месяцев также осаждали мятежники под предводительством самого Пугачёва, и осада эта была гибельней уфимской и ужаснее; тут погибла не одна тысяча народа и не столько от пули, штыка и сабли, сколько от голода и поваральных болезней. Чтобы понять это ужасное время, стоит прочесть рукопись очевидца П.И. Рычкова, напечатанную [в] «Истории пугачёвского бунта» Пушкина, или прочитать всю тогдашнюю официальную переписку в деле о Пугачёве, в архив[e] тургайского областного правления. Оренбург освобождён 29 апреля 1774 года тем же князем Голицыным, который освободил и Уфу.

Пора, давно пора Оренбургу последовать достохвальному примеру Уфы и почтить ежегодно 29 число апреля поминовением защитников, павших за веру, царя и отечество в пугачёвскую осаду. Чтобы узнать имена их, достаточно заглянуть в «историю пугачёвского бунта» Пушкина.

Р. Игнатьев.
(Оренбургский листок. 1877. 17 апреля)

№ 25. Георгиев день в Уфе¹

Русский православный народ глубоко чтит память св. Великомученика и Победоносца Георгия празднуемого 23 апреля и 26 ноября: к св. Георгию прибегает народ с молитвою во время засух, ненастий, неурожаев. Св. Георгий считается покровителем животных: волки даже, говорит народ, и те в покровительстве у св. Георгия, или как говорит пословица: «Что у волка в зубах, то Егорий дал». В день св. Георгия, 23 апреля, впервые, после молебствия, выгоняют скот на пастбище, поручая его защите и покрову того же св. Георгия – а что волку следует, то волк возьмет...

Уфа XVI и XVII века ещё придавала св. Георгию звание покровителя усопших и древний образ этого святого поставлен был на кладбище или в убогом доме, бывшем в поле за городом где теперь проходит Лазаретная улица. Значение в древней России убогих домов, божедомских кладбищ, божедомок и скудельниц известно; таковые кладбища были во всех городах: здесь погребали странников, людей бродящих и неизвестных, которые тысячами бродили по допетровской России; здесь же погребали преступников, умерших в тюрьмах, казненных, погибших внезапною и насильственною смертью и самоубийц; последних впрочем хоронили особо, без всяких молитвословий. Всех прочих складывали в общую могилу и там оставляли до четверга 7 недели после Пасхи или Семика, а в этот день отправлялся из ближайшей к кладбищу церкви крестный ход при пении 9 песни канона Великой Субботы «не рыдай мене, Мати зряци во гробе». На кладбище совершалось общее отпевание и затем яма засыпалась землей и вырывалась новая для новых мертвецов в течении года, впредь до Семика. О всем этом в подробности можно читать в статье Снегирева: о скудельницах и убогих домах в России, помещенной в трудах Московского общества истории и древностей Российских 1826 г. части III, книге I, стр. 235-263.

В Уфе же вместо Семика всё это происходило в Георгиев день.

¹ В этот праздник (23 апреля) Преосвященный Никанор служил литургию в церкви Успения, где в этот день придельный престольный праздник, и потому считаем уместным сообщить нашим читателям некоторые сведения о праздновании этого дня на Руси, а также некоторые исторические данные о нашей градо-уфимской Успенской церкви. Ред.

Божедомное кладбище в Уфе существовало до 1771 года, когда по общему голосу всех врачей, эти кладбища признаны вредными народному здравью и распространителями заразы, и указ 24 Декабря 1771 года навсегда уничтожил существование убогих домов в России. Но хотя в Уфе и перестали хоронить на Божедомском кладбище и с тем окончился крестный ход, но кладбище еще до конца XVIII века еще существовало и находилось в ведении Смоленского Собора, а икона св. Георгия всё ещё привлекала народ, особенно во время засух, неурожая и ненастий. – Где находилась чтимая икона св. Георгия – не знаем, но в том же XVIII столетии Протоиерей Смоленского Собора Иаков Неверов, столь достопамятный в осаду Уфы скопичами Пугачева, поставил здесь на собственный счет деревянную часовню в честь св. Георгия; потом после смерти Неверова часовня сгорела и с нею – чтимая икона св. Георгия, в 1830 году. – Остаток Божедомского кладбища был уничтожен; место это уже вошло в черту города, но память о Георгиевской часовне не изгладилась в народе.

О ней вспомнили прихожане Успенской церкви, так как и место бывшего божедомного кладбища и Георгиевской часовни вошло в район Успенского прихода и потому ходатайством духовенства и прихожан Успенской церкви, в 1864 году устроен придел в честь св. Георгия.

В день св. Георгия, 23 апреля, рассказывают старожилы, когда на божедомном кладбище кончалось богослужение, если было время сухое, начиналось веселье, хороводы; не обходилось без вина и драки. Но так было везде на Руси, говорит Московский собор 1555 года, или стоглавый: «воставше от плача учнут плясати и скакати». Другое уфимское предание говорит, что поминки были в зимний праздник св. Георгия, 26 ноября, что конечно невероятно.

Р. Игнатьев

(Уфимские губернские ведомости. 1877. 23 апреля)

**№ 26. Сто-четырёх летняя годовщина воспоминания
избавления г. Уфы от тяжкой и долговременной осады
мятежными шайками Пугачёва**

Наступает 25 число Марта – и вот уже несколько лет этот день воспоминается в Уфе панихидою по славным её защитникам; в прошедший же год панихида была совершена в древнем Смоленском соборе, теперь называемом только приходскою церковью св. троицы. Три года тому высказывалось мнение поставить близ церкви памятник славным защитникам Уфы и протоиерею Смоленского собора Иакову Неверову, Уфимскому воеводе Алексею Никифоровичу Борису, коменданту Козьме Козьмичу Пастухову, предводителю дворянской дружины майору Николаю Николаевичу Пекарскому, предводителю городской дружины Ростовскому купцу Ивану Афонасьевичу Дюкову и всем павшим и подвизавшимся при долговременной и тяжкой осады Уфы мятежными скопищами Пугачёва. Действительно, нет другого места для памятника как близ бывшего Смоленского собора, где была главная батарея и куда в особенности направлены были удары осаждающих. Нет другого приличнее места для панихиды, как в древнем Смоленском соборе, при котором погребены падшие при осаде Уфы. Высказывалась ещё и та мысль, чтобы возвратить древнюю, не справедливо отнятую честь у Смоленского собора и опять из приходской, и заметим бедной церкви, наименовать Смоленским собором, приписным к нынешнему в Уфе Кафедральному собору. Об этом была речь на IV Археологическом съезде в Казани, в прошедшем году, и Председатель съезда, Граф Алексей Сергеевич Уваров, писал к Преосвященному Никанору Епископу Уфимскому и Мензелинскому.

Уфимская осада шайками Пугачёва, на основании архивских актов, в подробности описана в изданной в 1873 г. Уфимским Губернским Статистическим Комитетом Памятной Книжке Уфимской губернии, во 2-й части в статье под заглавием – «Осада Уфы», здесь уже помещена и речь Протоиерея о. Иакова Неверова, сказанная 25 Марта 1774 года – в день освобождения Уфы от тяжкой, долговременной и бедственной осады; как жаль, что эта достопамятная речь не читается при поминовении в бывшем Смоленском соборе защитников Уфы. Здесь, между прочим, в этой речи Протоиерей Неверов говорит: «да незабвенна же будет эта осада во веки, и потомство

наше да вспомянет всех виновников спасения града и всех иже души за сей град положили, и научится позднее потомство вашему, о людии града сего, достохвальному примеру, как всякий русский и верноподданный должен чтить Царя и отечест[в]а, не щадя живота своего. Завещая потомкам или жителям богоспасаемого града туже верность Царю и отечеству и ко всякой власти от Царя постановленной, завещаем и никогда не забыть день спасения сего града – двадцать пятый Марта. Но, .. христиане, что сотворим в сей день спасения, в сей день радости и *благознаменитый день праздника нашего*¹? Сотворим то, что творили во дни скорбей: помолимся и воздадим Господеви Богу нашему мы благодарнии его рабы за толика благодеяния на нас бывшия. Воскресе сей град яко из мертвых, воскресли все мы, воистинну воскресли! Сей день – се новая Пасха, нам *праздников праздник и торжество из торжеств*! Что было и совершилось в глазах наших, говорит далее о. Неверов – да не узрит наше любезное отечество во веки «да не будет, не будет, не будет».

Если уже завещание о. Неверова забывались прежде Уфой и богознаменованный день 25 Марта Уфа вспоминала всегда молитвою о упокоении раб божиих протоиерея Иаков[а], бояр Алексея, Сергия, Козмы, Николая и Иоанна, то не забудет конечно и в настоящем году, и по примеру предшествовавших лет опять помолится за них в древнем храме Смоленском. Об этом достопамятном дне каждогодно заявлялось нами в «Уфимских Ведомостях» и теперь мы опять снова заявляем наше слово; заявляем из далёкого от Уфы Минска (сердцем и душой мы в Уфе). В нашем городе оказалось трое уфимцев и мы положили в этот день отправить панихиду в древнем Екатерининском соборе, единственном храме, в течение веков, среди лютых гонений, устоявшем, в православии, и где никогда небыло произнесено имя Папы.

Возвращаемся к давней мысли – о памятнике защитникам Уфы? конечно в последнее время стало не до этого: внимание всех и каждого устремлено было на недавно окончившуюся войну, за судьбу освобождаемых нами братьев-славян. Но если не памятник, то бы стоило хотя вписать имена защитников Уфы в помянник Смоленского собора, для постоянного поминовения их в том храме, при котором они погребены.

Р. Игнатъев.

¹ Псал. 90 стих. 4 – прим. Р.Г. Игнатъева.

Минск, 8 Марта 1878 года

(Уфимские губернские ведомости. 1878. 25 марта)

**№ 27. Мавра Ивановна Муравина, уфимская
римско-католичка**

(Статья члена Уфимского Губернского Статистического
Комитета Р.Г. Игнатьева¹).

В 1772 году совершился первый раздел Польши. Россия, действуя вместе с Австриею и Пруссиею, приобрела значительную часть Белоруссии, в сущности, исторически сказать, – издревле ей принадлежащую, где царствовали потомки св. Равноапостольного Князя Владимира и страна была издревле и всегда русская, православная, но только покорённая наездом литовцев и поляков. Когда издревле русская, православная земля из под власти чисто разбойничьего литовско-польского наезда перешла теперь к законной власти, недовольное этим разделом польское дворянство, поощряемое фанатизмом римско-католического духовенства и *женщин* – этого в Польше вечного орудия духовенства – произвело возстание или конфедерацию не против одной России, но против своего короля и правительства. – Это возстание, начавшееся в местечке Баре, известно под именем Барской конфедерации. Русская армия смирила конфедерацию и возстановила королевскую власть и безпрепятственное присоединение или, лучше сказать, возвращение России некогда отторгнутых от неё областей. Императрица Екатерина II, после усмирения Барских конфедератов, распорядилась наказать их, как мятежников, и поэтому захваченные с оружием или уличённые в участии в бунте были по определению суда или административным распоряжением сосланы на житьё в Сибирь и в губернии Казанскую и Оренбургскую; некоторые же из конфедератов назначены на службу солдатами в Оренбургские и Сибирские войска. Ссылка постигла тогда без различия дворян, духовных, мужчин, женщин; семейных отправляли в ссылку с семействами. Около 200 ч. было прислано в небольшой провинциальный городок Уфу,

¹ Статья заимствована из дела архива Тургайского Областного Правления, в Оренбурге, где хранятся дела бывшей Оренбургской губернской канцелярии с 1734 по 1784 год. Настоящая статья о Муравиной служит дополнением к помещённой в 1873 году в «Уфимских Ведомостях» статье моей – «конфедераты в Уфе в 1772 году». Р. И.

где было всего около 3000 жителей. Тут, в числе ссыльных, были мужчины, женщины, дети, молодые, старые...

Уфа приняла ссыльных не только радушно, но даже с каким-то непонятным увлечением. Не житьё, а масляница настала конфедератам; такого житья большинство из них, происходившие из мелкой шляхты, не могли и во сне видеть на родине. В Уфе дворяне-помещики, люди чиновные так и таяли при виде конфедератов. Надзора никакого не существовало, кроме, во исполнение воли высшего начальства, номинального. Конфедераты, вопреки запрещению, стали воспитателями, мало того – они разъезжали за 100, 200, 300 вёрст по помещикам, хотя выезд из города им был строго запрещён; везде они были первые гости, друзья дома, мало того – законодатели. Отданные в солдаты знать не знали никакой службы и являлись везде в чамарках, кунтушах, конфедератках и с саблями. Молоденькие польки в запуски кокетничали с людьми надобными и манили обещаниями, внутренно, разумеется, смеясь над легковерием добрых уфимцев... Уфимцы не знали как чувствовать, как и чем угодить дорогим гостям и лишь роптали, что не знают по польски, а польская речь везде раздавалась по Уфе, так что старый воин Мензелинский воевода и тамошний помещик, Секунд-майор Можаров, стыдясь своего невежества, на 60 году жизни стал учиться по польски. Многие жёны, которые доселе в своём мирном захолустье, в крайней уфе, по простоте души доселе жили с мужьями в совете и любви, тут вдруг бросили мужей и обзавелись любовниками-поляками, о чём даже возникли процессы.

Что могли думать поляки о тогдашнем русском обществе? могли ли уважать тогдашнее русское общество...?

В числе ссыльных были в Уфе ксендзы – Франковский, Колендо и Лисянский. Лисянский, уроженец Минского воеводства, был красивый малый, 26 лет, хитрый и вкрадчивый и вместе с тем фанатик. Лисянский в Уфе обратил на себя общее внимание; это была точно такая личность, которую некогда воспел старинный поэт Денис Давыдов:

Старых барынь духовник –
Маленький аббатик,
Что в гостинных битъ привык
В маленький набатик;
Все толпой к нему бегут,
С оханьем и писком,
Он лишь важно им в ответ:

Dominus vobiscum...

Так оно и было – и стих Давыдова как раз подходил к Лисянскому. Где бы ни появлялся молодой ксендз – барыни бежали за ним с оханьем и писком, глядели ему в глаза, предупреждали всякое желание... Какое сравнение, говорили барыни, милый, умный и развязный ксендз – с нашими грубыми попами, фи! и, барыни нешутя стали даже стыдиться за своё православие... Ксендзам Лисянскому, Франковскому и Коленде; было всё это на руку, и они, не ограничиваясь одним волокитством гостинной болтовнёй, задумали религиозную проповедь да ещё, пожалуй, в широких размерах...

Но на страже православия стоял муж высокого ума, глубоко религиозный, прямо русский патриот, человек честный, человек без страха и упрёка, как он доказал это в долговременную мужественную оборону Уфы против мятежных шаек Пугачёва. Этот человек был – Яков Неверов, протоиерей Смоленского собора и всего города Уфы и закащик над церквями Уфимской провинции, в состав которой входила вся нынешняя Уфимская губерния, за исключением Мензелинской округи. Уфимская провинция была в Вятской епархии, епископы жили далеко, в г. Хлынове, и представителями духовной власти являлся в то время протоиерей Неверов.

Душевно скорбел добрый пастырь, видя общее какое то ума помрачение паствы. Могла ли подобная умная и высокочестная личность не понимать и не предвидеть последствия и того, каких там польских змей ласкают на тёплой, богатырской груди добрые Уфимцы и в лице их – все русские люди. Кого ласкают эти люди – своих исконных, издревле исторических врагов, да и сюда явились в Уфу они обрызганные русской кровью; мало ли и уфимцев недавно погибло в Польше в сражениях, а бо[л]ее того от предательского ножа конфедератов. Добр и скоро забывчив русский человек и для него пленный и сосланный враг – только несчастный...

Неверов незадолго до того события, о котором мы хотим рассказать, узнал, что ксендзы Франковский, Лисянский и Коленда устроили у себя в квартирах домашние алтари, служат на них мессы, на которые заходят не одни поляки, но и русские. При этом ксендзы хулят всячески православную веру, внушая русским, что *вне римской церкви нет спасения*.

Неверов обратился к Уфимскому воеводе и донёс преосвященному Лаврентию епископу Вятскому. Как ни отклонялось уфимское начальство, но должно было сделать у ксендзов

обыск, уничтожить алтари и отобрать сосуды и ризы. Ксендзы подали воеводе протест, где доказывали своё право совершать домашнее богослужение, так как они не лишены сана и не состоят под запрещением своего епископа; что при богослужении никогда не только русских, но и самих поляков не бывает, в веру же свою кого либо совращать никогда никого и не думали; что весь донос не более как выдумка и клевета Неверова. Ксендзы, соглашаясь не иметь алтарей, требовали выдачи сосудов и риз на случай необходимых треб между сосланными поляками, ибо они здесь лишены утешения веры, так как в Уфе кроме их нет католического священника. Уфимская провинциальная канцелярия, при донесении своём от 14 Октября 1772 г., представила этот протест и просила разрешения Оренбургской губернской канцелярии. Губернская канцелярия, от 3 Декабря 1772 года, дала знать Уфимской провинциальной канцелярии, чтобы она ксендзам служить у себя дома не дозволяла, а отобранную ризницу хранить в присутствии за казённую печатью и печатями ксендзов, в случае же каких либо между поляками треб как-то: крещения, браков, напутствования и погребения, выдавать ксендзу ризы и сосуды, но вместе с тем воеводе с товарищем, под строгою их ответственностию, строго смотреть чтобы, кроме треб, никаких других богослужений ксендзы не совершали и ризы и сосуды после каждой требы немедленно бы представляли в провинциальную канцелярию, для хранения впредь до новой требы, тем же порядком, как выше сказано.

Неверов настоял, чтобы вместе с казённой и печатями ксендзов была бы и его печать. Волей неволей ксендзы попали под строгий контроль Неверова.

В Уфе, на Ильинской улице, в своём доме жил владелец 100 крестьянских душ в Уфимском уезде, отставной капитан Алексей Сергеевич Муравин, 48 лет, с женою Маврою Ивановною, 26 лет; детей у них не было. Мавра Ивановна была женщина грубых, жестоких наклонностей, и, едвали, как видно из всех её действий была в здравом уме, и едвали, по обычаю предков, не придерживалась чарочки; но вместе с тем Мавра Ивановна была личность в высшей степени впечатлительная, эксцентричная и страстная. Мужем она управляла как хотела, он в ней души не чаял, с крепостными поступала варварски, русскую грамоту знала очень плохо, да и то только церковно-славянскую, писать не умела. Мавра Ивановна познакомилась с Лисянским и скоро, как это узнал целый город, стала его лю-

бовницей. Но не одного этого хотел и домогался ксендз, ему нужны были субъекты для пропаганды – и Лисянский почему то нашёл, что полоумная, безграмотная, пожалуй пьяная, но впечатлительная, страстная и эксцентричная Мавра Ивановна самый лучший продукт для святой римско-католической церкви.

Муравин, бывший под жениным башмаком, ничему не хотел верить, что ему ни говорили добрые люди и, по примеру жены, расточал ласки ксендзу. Лисянский в качестве друга дома, каждый день посещал Муравиных.

Всё это конечно слышал Неверов, и, не раз касательно совращения Муравиной в католицизм, поручал стороною дознуть приходскому священнику Ильинской церкви, и чтобы он старался увещевать и убедить Муравину; священник молчал. Вечером 6 Мая 1773 года, вышла на р. Белую за водой крепостная девка Муравиных, Агафья Ефремова, где встретила стряпку Ильинского священника, солдатку Наталью Фёдорову и нескольких баб, полоскавших бельё. Фёдорова и прочие заметили, что у Ефремовой на лице синяки и знаки побоев, левый глаз подбит, губа разсечена, из левого уха капала кровь. Бабы смекнули в чём дело и стали спрашивать:

Что это с тобой, девонька, а кто ти так оскорбил!

Ах ты, голубонька несчастная, завопила Фёдорова и заплакала, другие тоже заплакали.

Горько заплакала Агафья и бросилась на шею Фёдоровой.

Агафья рассказала как её мучит, бьёт и тиранит барыня Муравиха и не раз приказывала барину сечь её совсем безвинно на конюшне и он её больно сёк, потому не смеет, значит, против барыни. А ныне наша Муравиха, как сжилась с ксендзом – и ксендз Лисянский Муравиху из христианской веры обратил в свою польскую, не то алтынскую, веру, и с той поры стало людям у Муравихи житьё ещё хуже – и тиранство пошло и муки. Ксендз с Муравихой живут как муж с женой и всё её ксендз научает бить и мучить, особенно её, за то, что она Агафьюшка не слушает барыни, а барыня и ей велит идти в польскую, алтынскую веру, запрещает креститься, а велит кулаком себя в грудь бить, стоя на коленях, и она, Муравиха – барыня, на место святых икон поставила польские образа и велит перед ними на колена становиться и бить себя в грудь. Воля ваша, говорю, сударыня, истерзай ты меня а в другую веру нейду. Не пойдёшь, так, говорит, засеку до смерти... А он, окаянный ксендз, когда барин уехал в деревню, крепко

запершись с барыней и закрыв ставни, в ризах служил по своему и поставив барыню на колена, велел присягать, что она будет в польской алтынской вере, а свою христианскую проклинает. И давал ей ксендз какую то облаточку. Она всё это видела в щёлочку – и беда еслибы ксендз с барыней увидели, засекали бы до смерти. Ох житьё моё, говорила Агафья, или утоплюсь, или удавлюсь.

Наталья Фёдорова возвратясь домой всё слышанное рассказала своему хозяину, священнику Ильинской церкви; бабы где могли везде разславили о Муравихе.

Священник Ильинской церкви, 70 летний старец, человек смиренный, бедный и загнанный, выслушав рассказ, ещё пожурил слегка Фёдорову, что мол ей такие речи про Муравину говорить не след; Муравины добрые наши прихожане, нас со святыней принимают, деньги дают, а мы, бедные, только тем и живы, что от алтаря Господня питаемся и для того должны уважать прихожан. Если же Муравина совратилась, то нужно молить всевышнего творца, да обратить её на путь правый!

Так поучал священник прислугу.

Всё бы было тихо и ладно, если бы сама Муравина не наделала великого скандала. В день праздника св. Николая чудотворца, 9 Мая, она явилась к обедне в свою приходскую Ильинскую церковь, но вовсе не с целию молиться. Мавра Ивановна привела с собой поляков, дворян Сапосько и Захаржевского: они смеялись, разговаривали довольно нескромно, подсмеивались над богослужением и нескладным пением старого дьячка с пономарём. Настроенная фанатиком-любовником, Мавра Ивановна считала уже церковь не церковью, таинство не таинством, всё это, как внушал ксендз, ересь, пшеклентая московская схизма.

Как бы ненарочно Мавра Ивановна уронила лежащие на налое иконы двенадцати праздников и свят. Николая чудотворца. Этого мало – хотела взойти на алтарь; старик-пономарь Иван Евдокимов схватил её за плечи, раздался по церкви громкий звук здоровой пощёчины. Пономарь схватился за щеку.

Мавру Ивановну вывели из церкви прапорщик Низовского мушкатерского полка Чемадуров и помещик, отставной поручик Бурдуков, поляки ранее скандала успели выйти из церкви.

Теперь уже кроткий священник столь уважавший Муравиных, испугался, чтобы не узнало начальство, а особенно бли-

жайший его начальник Неверов. Боялся ещё Бурдукова, известного в Уфе сутяги и кляузника, врага поляков, за то что один из них отбил у него жену, о чём и теперь шёл процесс о расторжении брака; да и тот же Бурдуков доносил Оренбургскому Губернатору на послабление конфедератам со стороны Уфимского начальства¹. Теперь же Бурдуков будет рад, и, если он, священник, будет молчать – и его припутает.

После обедни священник поспешил к Неверову.

К Неверову, по случаю придельного праздника в Смоленском соборе, после обедни зашли на пирог гости, в том числе был воеводский товарищ, Секунд-Майор Сергей Иванович Аничков; робкий священник хотел было отозвать Неверова в особую комнату, но Неверов велел ему говорить при Аничкове и всех прочих.

Священник рассказал всё без утайки и даже и то, что слышал от прислуги своей – Фёдоровой. В тоже время пришёл Бурдуков и рассказал о событии в церкви и о том, что говорят в городе о Муравиной.

Неверов обратился к Аничкову – неудобно ли ему начать дознание и тут же послал за пономарём Иваном Евдокимовым и Натальей Фёдоровой.

«Обратите, Г. воеводский товарищ, внимание, говорил Неверов: здесь не одно публичное кощунство Муравиной; нет, здесь скрывается целая пропаганда во вред Государству и его церкви, и пропаганда наверное не одной Муравиной и не только в смысле религиозном, а Государственном. Да, это великое, политическое преступление».

Явились пономарь и Фёдорова, тогда Аничков пригласил Неверова, ильинского священника, Бурдукова, пономаря и Фёдорову в Провинциальную Канцелярию, куда пришёл сам воевода Алексей Никифорович Борисов и оба секретаря – Черкашенин и Протопопов. Открылось полное присутствие.

Неверов заявил на словах и письменно всё то, что ему рассказал о поступке Муравиной и о слышанном от своей прислуги – священник Ильинской церкви. Неверов в заявление вставил очень неприятное для властей словцо «о чём я вместе с сим доношу Преосвященному Лаврентию епископу Вятскому и Великопермскому».

Священник Ильинской церкви заявил всё то, что ему предъявил пономарь Евдокимов и что он слышал от своей

¹ Уфим. Вед. 1873 г. № 12 конфедераты в Уфе – прим. Р.Г. Игнатьева.

прислуги Фёдоровой, касательно совращения ксендзом Лисянским в католицизм Муравиной. Как вела себя во время св. литургии Муравина, заявил священник, и доподлинно ли *заушила* пономаря того он, будучи занят совершением великого таинства, не заметил; что же касается совращения Муравиной и любовной связи, о том, кроме слов Фёдоровой, он не знает, но как доселе Муравина была его духовною дочью, то по долгу совести и присяги своего сана свидетельствует, что она и муж её Муравиной всегда исполняли усердно все христианские обязанности и его с причтом в свой дом всегда со святынею принимали и принимают.

Позвали в присутствие пономаря, но, пономарь, видно, уже успел увидеться и уговориться с Муравиной и он заговорил другое.

Как вела себя в церкви во время св. литургии Муравина, показал пономарь, он за исполнением своей обязанности на клиросе, не заметил, только выходя с апостолом, ему показалось что, будто, г. Муравина тихо разговаривала и смеялась с какими-то двумя господами, которых он не знает и нигде не встречал; каким случаем уронены иконы с налоев не знает и не видал. Г. Муравина действительно за чем-то переступила за пономарские двери и потому он её остановил за руку, которую он отдернула и задела по лицу, но другого *заушения* не было, а потому, а паче всего он, яко сана духовного, прилежно и здраво обсудя, всё то предаёт забвению и хотя заявил священнику, но дела вести не желает и на Муравину никакой претензии не имеет и просит дело совершенно прекратить.

Бурдуков стал было уличать пономаря во лжи, но его остановили и попросили не угодно ли дать показания как всё дело было и Бурдуков старый сутяга, единственный в Уфе *аблакат* того времени, дал показание на целом листе. Рассказав по всей подробности о поведении Муравиной во время обедни, назвав её собеседников по имени, объяснив о намеренном желании ясно и всем очевидно сбросить с налоев иконы и наконец о входе в алтарь и заушении пономаря, и как он вместе с Чемодуровым вынужден был вывести из церкви Муравину, Бурдуков выставил 20 ч. свидетелей и прибавил, что слухи носят, и он слышал, хотя за верность отнюдь не ручается, и тем менее не может доказать, что Муравина якобы совращена в католичество ссыльным конфедератом ксендзом Лисянским, с которым якобы состоит в любовной связи, о чём решается говорить потому, что каждый по закону о всём подобном обязан

сообщать властям, отнюдь не ручаясь за верность слуха и не обязуясь доказывать его.

Наталья Фёдорова без обиняков рассказала всё, что слышала от крепостной девки Муравиной и называла баб и девок, бывших в это время на р. Белой за водой и для полосканья белья, кто эти бабы и девки и чьи они, и где живут.

Отпустив с миром Ильинского священника, Бурдукова, пономаря и Фёдорову, судьи решили допросить Муравина, муравину и крепостную девку Агафью Силину, заключив под стражу в особенности. Тотчас Аничков и секретарь Черкашенин отправились к Муравиным. Муравиных мужа и жены не оказалось дома, тотчас же после обедни они уехали в имение, за 50 вёр. от Уфы, с ними поехали кучер, повар и девка Силина. Следователи отправились в имение Муравиных.

Аничков старый воин семилетней войны, в душе добряк, хлебосол и прямо русский человек, был в давних хороших отношениях к Муравиным; Лисянский тоже был принят радушно в семействе Аничкова; горько было Аничкову начинать подобное дело. И вот, приехав к Муравиным, с величайшими извинениями, советами, предложением услуг, как бы всё уладить миром, приступил Аничков к своей обязанности. Мавра Ивановна впрочем не робела, она думала, что дело идёт только о скандале в церкви, на которой пономарь не претендует, других же обвинений она не могла ожидать. Мавра Ивановна отвечала Аничкову смехом, что не боится никаких там протопоповских затей; раз уже она этого шалыгана Неверова выгнала из дому, а если он другой раз ещё придёт с подобными разными увещаниями, то больно отдерёт шалыгана на конюшне...

Аничков с Черкашениным вызвали в другую комнату хозяина, начали допрос сначала на словах, а потом просили его изложить свои показания на бумаге.

Муравин показал, что поступки его жены в церкви ему совершенно неизвестны; он сам там при этом не был, а слышал от жены, что она подходила к дверям попросить пономаря возвратит ей поминание, но тот её взял за руки и она отдёргнув руку, нечаянно толкнула его по лицу. Сворачивание в католицизм Мавры Ивановны, о тайном богослужении ксендза и слухи о её любовной связи с Лисянским Муравин отвергнул с негодованием, сказав, что он эти слухи считает личным оскорблением чести всей фамилии Муравиных, за православие жены, дочери православных родителей и не имевшей в своём роде иноверцев, он ручается. Если бы жена моя, показал Му-

равин, кем бы ни было совратилась из православия, то не посещала бы церкви, не принимала бы священников со святынею, а жена его недавно даже была на исповеди у святого причастия, да ею же пожертвовано пред самую Пасхую в настоящем году в церковь села Богородского пелена в 10 рублей, что засвидетельствует причт церковный. Ксендз Лисянский заслужил в Уфе полное уважение; его везде принимают как дворянина, как человека умного, учёного и высоко-нравственного, ктому же, что для всякого русского свято, он несчастлив, он пленник.

Мавру Ивановну, как безграмотную, стали допрашивать при муже.

Всё бы пожалуй, как хотел Аничков, уладилось и замялось, может быть, но всему помешал, всё разстроил никем, начиная с мужа, неожиданный фанатизм самой Мавры Ивановны, бесспорно навеянный Лисянским.

Мавра Ивановна объяснив скандал в церкви, точно также как и муж, и пономарь, объявила, что иконы ею уронены не нарочно, над религиею она не смеялась, а может быть чего не помнит, разсмешил её чемнибудь посторонним бывший и стоявший с ней за обе[д]ней рядом г. Сапосько, из конфедератов. В алтарь вошла нечаянно, задумавшись и вошла даже не в алтарь, а к боковым дверям, где её пономарь схватил за руки, но она отдёрнув руку нечаянно толкнула его в лице, затем её вывели Бурдуков и армейский офицер. Хотя она бывает в церквах, на исповеди и у св. причастия, но ныне того делать не желает, ибо, никем хотя не совращаемая и не убеждаемая, но желает по собственному, а не по стороннему убеждению быть римско-католичкой, хотя бы за это пострадать привелось; католичкой ей следует быть по крови, ибо род её польский и бабка родом из Смоленска по фамилии Бышевская. Ксендз Лисянский не только никогда тайных богослужений при ней в её доме по обряду римско-католическому не совершал, но и никогда и про веру никакого разговора не имел. Лисянский принят только как дворянин, умный, учёный человек и несчастный. Кроме одного знакомства ни в каких других связях с Лисянским не состоит и паче, же в любовной связи. Лисянский бывает у меня только при бытности мужа, прибавила Мавра Ивановна.

Аничков и Черкашанин уговаривали Мавру Ивановну не сознаваться в своём отступлении от православия и всё дело будет замято. Муравин плакал и на коленях умолял жену пе-

ременить показание, благо следователи согласны, говорил о последствиях, умолял пощадить себя самое и его. Но экзальтированная ксендзом-фанатиком, Мавра Ивановна твердила: хочу кровь пролить за св. римскую веру! Подобные слова у безграмотной и не развитой женщины, конечно были продиктованы ксендзом, который ловко научил, между тем, как ей и что говорить, и чтобы ему быть прежде всего в стороне чисту и праву. Подводя под беду полюбившую и доверившуюся ему женщину, безсердечный ксендз думал только о себе и вовсе не желал нетолько пострадать за свою веру, но даже услышать какое нибудь неприятное слово...

Мавра Ивановна приказала мужу подписать показания, объявив: «теперь я католичка, ты мне не муж, возми русскую, а я полька...[»]

Следователи обязали Мавру Ивановну не выезжать из Уфы, взяли с собой девку Силину и привезли прямо в Провинциальную Канцелярию, куда явился увещатель подсудимых о. Неверов. –

После беседы с Неверовым, Силина дала показание, за безграмотством её подписанное дьячком Смоленского собора Егором Константиновым.

Силина подтвердила показание Фёдоровой о разговоре с ней на р. Белой, и что барыня её действительно пошла не то в польскую, не то в формазонскую веру; случается, что отослав куда либо мужа, барыня запирается с ксендзом, с которым находится в любовной связи, да и тот же ксендз Лисянский каждодневно бывая у Муравиных, когда сам Муравин уезжает в деревню, ночью, более перед разсветом, по своему службы совершал и не раз, а много раз и ризы у него, ксендза, были разные: тёмная, жёлтая и красная, и был небольшой серебряный сосуд, потом, когда говорят, сосуд и ризы у всех ксендзов отобрали, то Лисянский, даже без риз служил и простая рюмка была вместо сосуда. Кроме того, барыня её, муравина, при ней Силиной и при другой крепостной девке Муравиной – Авдотье Антоновой, вместе с ксендзом, бранили нашу веру и говорили даже нехорошие противные слова про самое Матушку нашу Царицу. Ясно, что хотя бы всего и не доказала, но за то говорила всю правду – истину Силина; сама Муравина созналась в отступлении от православия.

На Силину надели ручные кандалы и заключили в одиночную тюрьму Провинциальной канцелярии, которая постановила: давать Силиной на пропитание 3 коп. в день, так, как

её, по важности, нельзя отпустить, с прочими колодниками, для испрошения милостыни, из дела же составить экстракт, оставить в канцелярии, а подлинное доследование послать с нарочным г. Оренбургскому губернатору, генерал поручику и ордена св. Александра Невского кавалеру, Ивану Афонасьевичу Рейнсдорфу, так как таковое важное дело сама Уфимская провинциальная канцелярия судить не находит себя вправе.

Губернатор Рейнсдорф, человек в высшей степени мнительный, испугался дела Муравиной и послал его к генерал-прокурору, а сам разразился крутыми мерами против ссыльных конфедератов. Пошли строгие инструкции, промемории, предписания, полетели нарочные, (почтового сообщения между Уфой и Оренбургом тогда ещё не было). Всё изменилось для конфедератов: исчезли чамарки, кунтуши, сабли, конфедератки, начальство не стало принимать конфедератов за друзей дома, не стало домашних вечеров с мазурками и кроковьяками, не стало домашних спектаклей на польском языке, солдат одели в мундиры и без церемонии погнали на службу, а потом даже отняли и ружья и стали выгонять на работы; за ксендзами велено наистрожайше смотреть, а потом ксендзов удалили из Уфы, по крепостям Оренбургской линии.

Так, Лисянский, из легкомысленности, из желания привлечь для папы одну лишнюю, совершенно непотребную ни для православия, ни для католичества, овцу, страшно насолил и самому себе и всей своей собратии в особенности...

Генерал-Прокурор Глебов, заведовавший тайною экспедициею, передал дознание Уфимской провинциальной канцелярии и донесение Рейнсдорфа заведовавшему Московским отделением тайной экспедиции, обер-секретарю Сената Семёну Ивановичу Шешковскому.

Одно имя Шешковского производило ужас, боялись его присутственные места, воеводы и губернаторы. Добрые москвичи боялись проходить, особенно ночью, даже мимо дома Шешковского на Лубянской площади, около церкви Гребенской Божией матери; теперь в этом доме Московская Духовная Консистория, а со времён Петра I помещалась Тайная Розыскных Дел Канцелярия. – По ночам из дома Шешковского, окружённого грозною стражею, часто слышались стоны и вопли. пытка, хотя была тогда ограничена, и в обыкновенных делах почти не употреблялась, но для важных, особенно политического характера, пытка существовала во всей силе.

Процедура у Шешковского была такова: заперательство –

плети, сознание – плети, очная ставка – плети, окончание следствия – плети, а потом, если ничего важного не оказалось – тоже плети, ради отеческого внушения, чтобы впредь быть осторожным...

Потёмкин, встречая Шешковского в обществе, всегда спрашивал: «что, Семён, каково кнутобойничаешь?» «по маненьку, ваша светлость, по маненьку», отвечал, потирая руки, Шешковский.

Шешковский всегда был рад субъекту и он написал Рейнсдорфу, выслать к нему, за крепкою стражей, в Москву Мавру Ивановну Мура[в]ину и крепостную её девку Силину, каждую особо.

Кто смел ослушаться Шешковского? Тотчас же из Оренбурга, по получении бумаги, послан нарочный в Уфу, велено распорядиться сейчас же.

Бумага получена 12 Августа 1773 года и того же числа в 12-м часу ночи Аничков арестовал и отправил с сержантом Клудовым, Мавру Ивановну до Казани, а оттуда тамошний губернатор должен был отправить её до Нижнего-Новгорода, А Нижегородский губернатор – уже в Москву. Муравина поехала на свой счёт. Девку Силину отправить было нельзя: она ранее того умерла от горячки, в тюрьме; свидетельствовал причину её смерти фельдшер Симского Твердышева завода Нилов, единственный тогда медик – специалист для Уфы, где ещё ни больницы, ни врачей не было. При обыске, кроме старых святцев и счетов, ведённых мужем, при Муравиной никаких бумаг не оказалось.

При аресте муравиной, несмотря на позднюю пору, собралось перед её домом, немало любопытных; по приказанию Аничкова, казаки, с помощью нагаек, разогнали почтеннейшую публику.

Но что стало с Маврой Ивановной после того, как повезли её к Шешковскому – нам ничего неизвестно. Был ли кто привлечён к делу её, что случилось с главным виновником её гибели, Лисянским, открыта ли была тайная пропоганда ксендзов – тоже неизвестно. Может быть Шешковский заставил Мавру Ивановну отречься и обратиться в православие, может быть сослали в монастырь, может быть после отеческого увещания её выпустили или отдали под надзор, – всего этого мы не знаем, да и само тогдашнее Оренбургское начальство не могло знать, так как после ареста и отправления в Москву Мавры Ивановны о ней никакой переписки не возобновлялось, и в

делах бывшей Оренбургской губернской канцелярии остался один экстракт из предварительного дознания, мастерски составленный Секретарём Уфимской Провинциальной канцелярии Черкашениным, дельцем своего времени.

Очень может быть, что дальнейшему ходу дела помешала тотчас же разыгравшаяся Пугачёвщина. В Августе увезли Мавру Ивановну, в Сентябре появился Пугачёв, в Октябре шайка его уже осаждала Уфу. Не до того было, чтобы заниматься делом Муравиной и ксендзами. Делаем наше предположение, что очень может быть, что Шешковскому и не велено было затрогивать конфедератов, без того уже ссыльных.

Печальна судьба Муравиной; но кого можем обвинить, кроме ксендза-фанатика, а главное – её самое, да разве ещё слабого, без души влюблённого мужа. В наше время Муравину бы пожалуй, прежде суда, подвергнули освидетельствованию в умственных её способностях; но увы, Муравина жила ранее нас за целое столетие: другие времена, – другие нравы!

Пугачёвщина была тогдашней Уфе очень полезна, она отрезвила от всего чуждого и от навеенного ей полонизма.

Если обстоятельства жизни в критические минуты вызывают энергию, то беда отечества делает героями и вызывает гениев, даже там, где бы повидимому никто того не предвидел и не замечал. Приближение Пугачёвских скопищ, бунты и измены кругом сделали то, что каждый уфимец, сознав в самом себе прежде всего русского человека, сделался героем...

На площади толпится народ, из Смоленского собора выносят чудотворные иконы Смоленской и Казанской Божией Матери, во главе духовенства, окружённый начальственными лицами, с крестом в одной руке, с церковной хоругвией в другой, выходит протоиерей Неверов, за ним следом идёт чудо-богатырь, в плечах сажень-мерная, молодой Ростовский купец Иван Афонасьевич Дюков, в Уфу случайный, заезжий гость, но ополчаясь за чужой город, крепко стоит он за землю русскую и потому для него Уфа такой же Ростов. Говорит народу речь Неверов, чтобы он крепко на крепко стоял против крамолы и стал бы грудью за веру, Царя и отечество, и осенив крестом Дюкова, вручает ему вместо знамени церковную хоругвь, с изображением Казанской Божией Матери. Заговорил новый Минин чудо-богатырь Дюков и стал звать под святую хоругвь молодцев-удальцов – охотников, и мигом стало 300 человек. «Пресвятая Богородица спаси нас!» пусть без этого слова никогда ни ходим на врага, сказал Дюков. «Веруйте и спасёт» ска-

зал Неверов.

Началась полугодовая, тяжкая осада Уфы; но Уфа, благодаря героизму своих сынов, отстояла себя – и теперь благодарные потомки ежегодно 25 Марта вспоминают протоиерея Неверова, Дюкова и прочих, в том числе и Аничкова, бывших виною спасения Уфы.

Чтоже делали во время осады конфедераты? Об уфимских конфедератах мы ничего не видим в архивских актах тогдашнего времени, ни в Оренбурге, ни в Уфе: были ли они в Уфе, или их разослали по другим местам – не знаем, но знаем одно, что многие из конфедератов успели бежать в пугачёвские шайки и всячески везде где могли старались вредить правительству.

(Уфимские губернские ведомости. 1878. 6, 20 мая, 24 июня, 8 июля)

№ 28. Корреспонденция Р.Г. Игнатьева из Минска

Минск.

(Корреспонденция Уфимских Губернских Ведомостей):

«Лучше поздно, чем никогда».

Наше известие запоздало; но оно всё таки не лишено некоторого интереса для Уфы. Пусть простят нас за запоздалое известие: ведь мы жители далёкие и далёкие, не скоро от нас и не скоро до нас доходят весточки из Уфы. Вот что хотим рассказать.

В Минске трое из долго служивших в Уфе, а один даже уроженец Уфимской губернии, 25 Марта, в день освобождения Уфы от долгой и тяжкой осады скопищами самозванца Пугачёва, в 1773–1774 годах, отслужили в древнем Екатерининском соборе панихиду по защитникам Уфы, из которых известных поминали поимянно, а о прочих возглашалось *«и с ними 400 ч. убиенных, ихже имена ты сам, Господи веси»*. Панихида исполнена была хором из 33 женских и детских голосов, под моим управлением. Пели ученицы женской гимназии и Мариинского Детского приюта; исполнена была панихида муз. Бартнянского, эктении же и вечная память исполнены тем самым напевом, который употребляется в Уфе и стал известен под именем – *Уфимского*. При панихиде были супруга Г. начальника губернии и ещё некоторые лица. До начала панихиды поющим была прочитана статья об осаде Уфы в Памятной книжке Уфимской губернии за 1873 г.

Р. Игнатъев
(Уфимские губернские ведомости. 1878. 27 мая)

**№ 29. Использованные материалы Р.Г. Игнатъева
о городах**

[«Исторические очерки, как г. Уфы так и других городов Уфимской губернии заимствованы из статьи Р.Г. Игнатъева «Краткое историческое известие о городах Уфимской губернии». В. Новиков». Кроме того здесь приведены данные Р.Г. Игнатъева о рыболовстве из «Памятной книжки Уфимской губернии» на 1873 г.]

(Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год /
Сост. В.А. Новиковым и Н.А. Гурвичем.
Уфа, б. г. Отдел II-й. Сноска на стр. 92)

№ 30. Память спасения г. Уфы от долговременной и тяжкой осады её скопищами Пугачёва¹

Уже несколько лет сряду Уфа не забывает 25 Марта почтить память своих доблестных защитников в тяжкое время Пугачёвского мятежа, обхватившего нетолько всю Оренбургскую губернию, но значительную часть поволжья, нынешние Вятскую и Пермскую губернии. Тяжкое было время, когда в течении нескольких месяцев, в 1773–1774 годах, Уфа, имея у себя всего 862 чел. наскоро набранного добровольного ополчения, но одушевлённая прот[о]иереем Смоленского собора Иаковым Неверовым и Ростовским купцём Иваном Игнатьевичем Дюковым, и предводимая воеводой Борисовым, его товарищем Аничковым, Майором Пекарским, комендантом Мясоедовым и другими, отстоялась от 20 000 мятежников, окруживших город; отбито было храбрыми Уфимцами несколько приступов. – В этой борьбе с врагами, до 200 чел. защитников Уфы и противоборцев мятежу положили живот за веру, отечество и Царя и погребены при церкви св. Троицы, во время Пугачёвского мятежа называвшейся Смоленским собором. В этом бывшем соборе и совершается в день избавления Уфы, 25 Марта, поминовение её защитников. Это теперь единственный древний храм в Уфе, существующий с 1600 года, а уфа скоро, в 1886 году, будет праздновать трёхсотлетний юбилей своего существования; вся история Уфы прошла или в стенах Смоленского собора, или собор был свидетелем всего происшедшего.

Нынешний год, несмотря на то, что 25 Марта совпадают два великих праздника, Уфа, по достохвальному примеру прежних лет, вероятно опять помолится в своём древнем храме о упокоении рабов Божиих протоиерея Иакова, бояр Алексея, Сергия, Сергия, Николая, Козмы, Иоанна и всех храбрых оборонителей Уфы и положивших живот свой за Царя, отечество и свой родной град, *их же имена ты сам Господи веси*. Желательно было бы, чтобы в тоже время прочитано было слово протоиерея Неверова, произнесённое им в Смоленском соборе в день спасения Уфы, 25 Марта 1774 года, войсками правительства, под начальством Генерал-Майора князя Петра

¹ Приносим признательность почтенному автору статьи, который и в дальнем Минске не забывает облюбленной им Уфы и её печатного слова. Ред.

Михайловича Голицына и подполковника Ивана Ивановича Михельсона. – Портрет Михельсона, на память потомству, поставлен в читальне Уфимского Статистического Комитета, а речь Неверова напечатана в изданной Уфимским Статистическим Комитетом Памятной Книжке Уфимской губернии 1873 г. ч. 2, в статье «Осада Уфы».

Воспоминание о защитниках Уфы и противоборцах мятежу, по нашему мнению, имеет глубокое значение сознания в истинно русском и православном человеке своего гражданского долга перед отечеством, верою и Государем. «Кто возстанет на царство и на помазанника Божьяго – проклят», учит св. церковь. История и потомство не забывают и не забудут истинных сынов отечества, а Уфимцы в 1773 и 1774 гг. показали себя таковыми, и должны служить нам примером.

Пишем это из далёкого от Уфы Минска, где прошедшего года была, и будет и в нынешний год, тремя бывшими уфимцами отслужена, 25 Марта, панихида по защитниках Уфы, в древнем Екатерининском соборе, единственном памятнике православия в здешнем городе, не раз подвергавшемся нападениям и разорениям от папистов, и в продолжении 200 лет боравшемся с латинством.

Обращаемся к древнему храму Уфы. Давно, и не раз, поднимался вопрос нетолько в местной газете, но и в Московском Археологическом Обществе, о переименовании церкви св. Троицы опять Смоленским собором, приписным к кафедральному собору, что нестоило бы никаких издержек; но увы, всё это было и оказалось лишь добрым желанием, и словами, словами – одними только словами.

Р. Игнатъев.

2 Марта 1879 г.

г. Минск

(Уфимские губернские ведомости. 1879. 24 марта)

№ 31. Звонарь Добров

[Текст ниже].

(Уфимские губернские ведомости. 1879. 28 июля)

№ 32. Звонарь Добров

Будучи недавно в Москве депутатом от Минского Губернатора на антропологической выставке, я познакомился с 75 летним старцем, купцом Андреем Гавриловичем Комовым. Узнав, что я долго жил в Уфе, Комов разговорился со мною о покойном преосвященном Михаиле, показал мне его три письма, портрет в миниатюре и икону; между прочим передал мне вот какой интересный рассказ о преосвященном Михаиле, который привожу буквально слово в слово.

«Дед мой, отец и я имели свой дом в приходе Тихона чудотворца, на Арбатской площади, Никитского Сорока. Отец мой был богомолен, не пропускал ни одной церковной службы, любил петь и читать на клиросе и меня тому же научил. В это время к нашему приходскому священнику приезжал в вакантное время студент духовной академии Матвей Добров, которого наши прихожане прозвали, за его необыкновенное искусство, кто звонарём Добровым, а кто студентом-звонарём. "Слышите, бывало говорят, это студент звонит". И подлинно, Добров был мастер дела: колоколов у нас было довольно и он их подобрал под тоны – что любо дорого было слышать, да и не просто же он и звонил, а как на музыке играл и выходило у него – *Господи помилуй; Достойно есть; От юности моя и разныя молитвы*. Об искусстве студента-звонаря чай узнали чуть не пол Москвы, а наши прихожане очень любили Доброва; кроме звона он мастер был в пении и чтении. Покойный родитель часто зазывал к себе в гости Доброва и очень любил его беседу, умную и откровенную. Добров был умён, начитан, обладал даром слова, но был робок и застенчив, избегал общества, потому что стеснялся, не любил развлечений и раз когда ему покойный родитель подарил билет в театр, то он отказался и пошёл, как всегда делал, когда не было церковной службы, на колокольню смотреть на матушку Москву-златоглавую. Добров был умерен в пище, вина никакого не пил, табаку не терпел: "быть тебе Матвеюшка монахом", говаривал родитель. Я, девяти-летний мальчик, пристрастился к Доброву и Добров ко мне тоже и мы были неразлучны: он меня лелеял и потешал всячески; вырезывал из бумаги разные разности, устраивал огромные змеи с трещётками, к досаде нашего доброго немца квартального надзирателя; мы вместе рыбу удили, ходили на клирос и на колокольню. "Если я, Андрюша, в Академии ост-

рамлюсь, пойду непременно в звонари на Иван великий", говорил Добров. "Нет, говорю, тятенька не то думает", он говорит, что ты архиерей будешь, ты очень учёный, по гречески, по латине много наук знаешь". Но вот Добров перестал ездить в Москву, в нашем доме о нём часто поминали, поминали и прихожане, а церковный староста, охотник до колокольного звона, не раз журил пономаря и сторожа, что они в подмётки не годятся Доброву, весь звон испортили; при Доброве даже из чужих приходов в нашу церковь приходили и церкви прибыток был...

Раз приходит к родителю наш священник и приносит письмо от Доброва; он кончил курс магистром и поступает в монахи. После того прошло много лет, из мальчика я уже обратился в женатого, семейного, а о Доброве не было слухов, наш приходский священник, у которого жил Добров, умер. Летом 1831 г. Москва заговорила о появившейся ещё далеко, на кавказе кажется, губительной болезни холере; газетные толки навели панику на Москвичей. В это самое время в великом страхе иду я с Арбатской площади на Знаменку к приятелю почитать Московские ведомости, как встречаю на улице нашего приходского священника, который сказал, что завтра в 9 часов утра нашу церковь посетит, проездом из Петербурга в Уфу, недавно посвящённый Оренбургский Епископ Михаил. Сердце моё во мне так и "ёкнуло" и точно как мне кто в уши шепчет, что это мой старый друг Добров, наш Тихонский звонарь. Утром, несмотря на будни, в церковь набралось народа немало, а я стоял у крыльца, чтобы прежде всех выглядеть архиерея. Подъехал в дорожном экипаже, начался звон, на паперть вышли священник с дьяконом в ризах, вышел из экипажа архиерей, но прежде чем подойти к кресту, взглянул на церковь, взглянул на колокольню – и улыбнулся. После торжественной встречи, приложившись к иконам, преосвященный вышел из алтаря и, поклонясь на все стороны сам народу, благословил народ. Сошед с амвона, преосвященный обратился к священнику и народу с вопросом: есть ли кто здесь из старых прихожан, например купец Комов, или те вообще, кто помнит студента-звонаря; я подошёл к преосвященному с женой и дочерью, и сказав кто я, представил ему мою семью. "Андрей Гаврилович, Анисья Яковлевна, я ваш гость", сказал преосвященный, "едемте Андрей Гаврилович со мной вместе, но прежде зайдём вот к батюшке, просит". Побыв несколько минут у священника, я сел в экипаж к преосвященному, опять пошёл

трезвон, мы поехали. "А что, Андрей Гаврилович, или лучше мой старый друг Андрюша, начал преосвященный: помнишь, как мы с тобою трезвонили, а теперь уже мне трезвонят, вспомнишь старое – и делается смешно. Я нарочно сюда приехал, хотел, чтобы, после посвящения моего в епископа, первая отдала мне честь Тихоновская, а не какая другая колоколья... А что, Андрюша, чай не думал, не гадал принимать у себя в доме Доброва за архиерея". Преосвященный Михаил побыл у меня с час. Дети не отходили от него и он с ними шутил, ну как есть прежний Добров. "Бог тебя благословил семьёй", сказал преосвященный (у меня было четверо малюток, три дочери и сын тоже Андрей, который через год умер); "смотри же, если родится сын, назови или Матвеем или Михаилом, а меня запиши приемником, а теперь прощай, пиши в Уфу и я буду писать. Преосвященный уехал, и мы долго не могли забыть о нём, а дети всё спрашивали, когда он опять приедет. Бог дал мне сына Михаила и я записал преосвященного приемником. Иногда я писал к нему в Уфу, когда он был на епархии и потом жил на покое в Уфимском Успенском монастыре и он всегда отвечал на мои письма. О смерти преосвященного Михаила я узнал, будучи в Нижнем на ярмарке, от Уфимских купцов. Возвратясь в Москву, я нарочно поехал в Тихоновскую церковь и отслужил панихиду; я уже не был здешним прихожанином, а продав дом, переселился на Замоскворечье».

Комов кончил рассказ укором мне, что я столько лет живя в Уфе и имея доступ в архивы, не позаботился о биографии преосвященного Михаила; «а теперь, батюшка, поздно, из вашей Польши руку не протянете». Да, признаюсь, мне самому стало стыдно: Комов прав – стыдно и теперь!

Когда я дописывал эту статью, чтобы послать в Уфимские ведомости, вдруг мне попадает газета: «Михаил Андреевич Комов извещает о кончине родителя Московского купца Андрея Гавриловича Комова, последовавшей 8 Июня».

Р. Игнатъев,

Редактор «Минских Губернских Ведомостей».

(Уфимские епархиальные ведомости. 1879.

№ 12. 15 августа. С. 400–404)

№ 33. Случай из жизни Преосвященного Михаила, бывшего епископа Оренбургского и уфимского

Бывшая паства Оренбургско-Уфимская с благоговением вспоминает своего бывшего отца и архипастыря, Преосвященного Михаила; в особенности чтит его Уфа, неложная свидетельница святой, добродетельной жизни Преосвященного; могила его в паперти церкви св. Митрофана Воронежского чудотворца, в Успенском мужском монастыре, близ г. Уфы, посещается усердно почитающими память почившего архипастыря. Просвященный Михаил, по фамилии Добров, и по нравственным своим качествам достойный своей фамилии, в 1831 году был возведён в сан епископа Оренбургского и Уфимского из ректоров Тверской семинарии и архимандритов Тверского Отрочь-Успенского монастыря. – В 1836 году Преосвященный отказался от епархии, избрав себе местом пребывания бедный Успенский 3 классный монастырь, близ Уфы, богатый впрочем живописными окрестностями, где протекает река Уфа. – Св. Синод, при увольнении Преосвященного Михаила на покой, как мне случалось слышать в Уфе от людей достоверных, предлагал Преосвященному, вместе с званием члена Московской синодальной конторы, управление Московским Ставропигиальным Донским мужским 1 класса монастырём. Преосвященный отвечал, что если он отказался от епархии, то зачем же ему ещё честь синодальная и богатый монастырь!.. Двадцать три года прожил Преосвященный Михаил в Успенском монастыре; здесь многие посещали его; к нему прибегали за советами и помощью; ко всем одинаково ласковый, приветливый и гостеприимный, архипастырь из своего небольшого пенсiona помогал бедным. В последние годы жизни, Пр. Михаил жил безвыходно в монастыре и уже не ездил в город, как это бывало в начале его удаления на покой. Он выходил только в церковь или на прогулку около монастыря; любимое его развлечение летом в хорошую погоду было удить рыбу на р. Уфе.

Случилось однажды, что двое юношей, никогда не видавших Преосвященного Михаила, тоже отправились туда с удочками. Как водится за городом, на чистом воздухе, выпили и даже таки на порядках выпили; – (кто молод не бывал), а они только начинали жизнь и службу в качестве писцёв одного присутственного места. Приходят к реке, видят – сидит старичёк в стареньком зелёном нанковом подряснике, в старой

соломенной шляпе на голове и удит рыбу, перед старичком коробочка с удочками, поплавками и т. д. «Ей ты, дьячок, служка, прочь» закричали юноши, мы самим хотим удить. «Господа», отвечает с поклоном старичок; «река велика, могут ли я вам мешать». – «А ты ещё смеешь рассуждать», – бесновались юноши и, вместе с непечатною бранью, полетели камни в воду, в то место, где старичёк удил, с целью пугать рыбу, чтобы не шла на клёв. Старичок тотчас собрал свои удочки, низко, сняв шляпу, поклонился своим обидчикам и пошёл себе по дороге к монастырю. Часа через два заблаговестили ко всенощной, юношам захотелось тоже помолиться. Приходят в монастырь – и прямо в церковь; в тоже время входит Преосвященный и на этот раз во всех знаках отличия. Осенив народ обеими руками, Преосвященный взошёл царскими вратами в олтарь, чего прежде почти не делал, и не любил смиренный старец украшаться внешними знаками достоинства, но на этот раз сделал исключение. Юноши перепугались и вместе с тем их обуяло раскаяние: они ещё не были нравственно испорчены. После всенощной решились идти к Преосвященному просить прощения. Преосвященный встречает гостей как нельзя ласковее, как будто давних и хороших знакомых, усаживает на диван, приказывает келейнику подавать чай. Но гостям не до чая: со слезами начинают просить прощения. «Вы, господа, сами на себя неправду говорите, вы меня, кроме всенощной нигде не видали и не встречали», говорит Преосвященный; «если вы перед кем согрешили: кого обидели – у того и просите прощения, а не у меня, я же только могу преподать совет впредь не сограшать, Бог вас да благословит, как и я вас благословляю! – После того Преосвященный долго беседовал с гостями и не иначе отпустил от себя как угостив чаем и закуской.

Таков был Преосвященный Михаил, которого недаром Уфа помнит, о котором и теперь так много воспоминаний и рассказов; желательно бы даже иметь его полную биографию, для которой за фактами дело не станет. Ещё недавно в Успенском монастыре цел был маленький одноэтажный каменный флигелёк, с полисадником, где жил Пр. Михаил; теперь монастырская братия придумала обратить его в конюшню и это, как мы слышали, возбудило ропот в почитателей памяти незабвенного архипастыря. Мы же полагаем, что простодушные и смиренные иноки, равно чтущие память Пр. Михаила, делали это, не более не менее, как только по недоразумению.

Всё что я здесь рассказал о Преосв. Михаиле, я сам, будучи в Уфе, слышал от одного из тех лиц, которые обидели Преосвященного; теперь эта личность уже почтенный семьянин и человек заслуженный.

Минск, 7 Июня 1879 года.

Р. Игнатьев.

(Уфимские губернские ведомости. 1879. 25 августа)

№ 34. Оренбургский вариант древней песни о князе Темгрюке Черкасском

В полном собрании русских песен, изданном в 1780 г., в «Древних русских стихотворениях» Кирши Данилова и во II томе «Сказаний русского народа» И.П. Сахарова, в числе народных песен, напечатана юмористическая песня о князе Темгрюке Черкасском, родном брате второй супруги Грозного, Марии Темгрюковны. Песня эта, в числе очень немногих ей подобных, доньше сохранилась в народе и более всего известна в Оренбургской-губернии, в особенности в самом Оренбурге, между простолюдинами и пригородных слобод и казаками; её поют везде, и летом, и на зимних поседках, или посиделках, но поют совсем не так, как она напечатана, хотя в здешнем, местном варианте этой песни, пять первых стихов и некоторые фразы остались без изменения. Герой рассказа из Темгрюка переименован в Кастрюка Кастрюковича, но это, кажется, общая участь всех не-русских имён и прозвищ, и всех народных песен, переходящих у нас, на Руси, из поколения в поколение. Разность оренбургского варианта противу давно-известного и напечатанного и, когда-то ещё, начиная с Карамзина, названного образцом древнего русского слова, заставляет нас сказать здесь несколько слов и об историческом значении песни о Темгрюке Черкасском.

Вот слово в слово оренбургский вариант этой песни.

Зачиналась каменна Москва,
 Зачинался в ней и грозный царь;
 Он Казань город на славу взял,
 Мимоходом город Астрахань.
 Как задумал православный государь,
 Задумал он жениться:
 Не у себя-то, на святой Руси,
 Брал государь во клятой орде,
 Молодую жену, да с приданным,
 Брал полтора ста бояринов.
 Полтретья ста татаринов,
 Да ещё тысячу донских казачков,
 Что донских казачков – разудалых молодцов.
 Вот сидели гости, да кушали,
 Белого лебедя рушали,

Как один-то гость не кушает,
 Белого лебеда не рушает,
 Что не тот ли гость, самый набо́льший,
 Что царицын брат, Кастрюк да Кастрюкович,
 Опустил он буйну голову,
 Потупил он очи ясные,
 А сам думает думу крепкую.
 Как возговорит Кастрюкович
 Что своим-то громким голосом:
 Ох ты гой еси царь, православный государь!
 Прикажи-ка, государь, мне потешиться,
 Крепкой силою переведа́ться!
 А́ль убога стала каменна Москва?
 А́ль спесива, не податлива?
 А́ль нет у тя, в каменной Москве,
 Что борцов-молодцов, да охотничков?
 Выходили из галичнаго ряда
 Два брата Андреи Андреевичи.
 Как увидел их Кастрюкович,
 То кинулся, аки бешеный,
 Полтора́ста скамей повалил,
 Полтретья ста людей задавил
 И схватил он брата большаго,
 Что Андрея-то Андреевича.
 Как пошла у них перва схваточка –
 С Кастрюка долой шапочка,
 Как другая-то схваточка –
 С Кастрюка долой плати́ще,
 А как третья-то схваточка –
 Пал Кастрюк на сыру землю.
 Как возговорит сестра, государева жена:
 У нас де этого не водится,
 С Кастрюком никто не борется.

Каждый стих, исключая первого, непременно повторяется в первый раз, в виде запева, или соло, а второй раз уже повторяет весь хор, разумеется, если в пении участвует несколько голосов; но пусть разрешат нам, посвящённые в тайны гармонии, почему, например, у нас, на Руси, где нибу́дь в глуши, вы часто слышите хоровую песню, исполняемую с правильным подразделением и сочетанием голосов, тогда как поют люди только одарённые каким-то музыкальным инстинк-

том, но без всякого понятия о музыке?

Точно в том виде, как поётся в Оренбурге песня о Тем-грюке, прилагаем здесь мотив её, переложенный для фортепьяно¹.

Moderato.

За - чи - на - лась ка менна Мо - сква
За - чи - на - лся вней и гро - зный царь

за - чи - нался вней и гро - зный царь,
онъ Ка - зань городъ на сла - ву взял.

¹ Приводится оригинал и нотная прорисовка И.М. Роднова (и в док. № 35).

Moderato.

За - чи - на-лась ка менна Мо - сква
За - чи - на-лся вней и гро - зный царь

за - чи - на-лся вней и гро - зный царь,
онь Ка - зань городъ на сла - ву взял.

Строго однообразный стиль мотива указывает на современность его содержанию и песни, родиной которой была, конечно, воспеваемая здесь белокаменная Москва XVI века, с которого времени новый для древней России оренбургский край вошёл в состав русских областей. Первое русское народонаселение края, издревле принадлежащего то к Золотой орде, то к Казани, возникло здесь в 1586 году, с совершенным присоединением к нам обитателей края: ногайцев, башкир и других турецко-татарских и финских племён, а главное с построением здесь городов: Уфы, Бирска и Мензелинска. Внутренняя администрация нового края и защита этих городов от набегов киргиз и сибирских татар требовали присылки сюда воевод, дворян, детей боярских, стрельцов, пушкарей и других служилых людей – и их прислали сюда на оседлую жизнь, с разных мест России, и наделяли землями в окрестностях этих городов, в чём вполне убеждаемся, читая акты последних лет царствования Грозного и всего продолжения царствования приемника его, царя Фёдора, изданные археографической комиссией. Русское народонаселение Оренбурга, основанного в 1734 году и два раза после того переносимого на разные места, именно в 1739 и 1742 годах, составилось из переселенцев,

приглашённых на заселение нового города самим правительством, объявившим разные льготы, даже пособие на первоначальное обзаведение поселенцев, в особенности же купцов и вообще людей торговых; отставные нижние чины, крестьяне, даже помещичьи и даже ссыльные, пользуясь всеми льготами, могли поселяться в Оренбурге; всё это можно видеть из обнародованных в то время указов, напечатанных в «Полном собрании законов», от 1-го мая и 7-го июня 1734, 11-го февраля 1736, 20-го августа 1739 и 29-го августа 1742 годов, за №№ 6571, 6584, 6889, 6890, 6893, 7876 и 8631. И так, элементы русской жизни, вновь привитой среди элементов чуждых ей и вновь насаждённых на чужой почве, и сама жизнь эта – должны были выразиться во всех проблесках её, со всеми старыми, вековыми поверьями и песнями, этими отголосками души и сердца.

До последней половины XVIII века, у нас не было печатных сборников народных песен, между тем, песни, в виде изустных преданий, переходили из поколения в поколение. Наши народные песни не иное что, как импровизация, и создателями её, вероятно, были у нас, на Руси, те самые скоморохи, о прирождённых талантах которых составилась у нас своего рода авторитет и популярность, в виде пословицы, что «всякий пляшет, но не так как скоморох», и что песня не сказка, а быль, чего бы она ни касалась – быта исторического, или быта частного. Эта старая поговорка вполне идёт к песне о Темгрюке, так рельефно очерченном, с её юмором, может быть, даже вызванным личностью против басурмана-татарина, счастливого выходца между князьями-боярами, злого опричника, представителя людей, ненавистных народу, заклеимённых прозвищем «слуг тьмы крошечной». Песня о Темгрюке – не только картина своего времени и образец современной поэзии, но в ней есть исторические и тогдашние современные идеи.

Неизвестный импровизатор начинает историческим эскизом: Москва начинается, Казань нам дорого стала, хотя ещё дед Грозного, Иван III, сделал её своей данницей, а царя казанского вассалом, но Казань безпрестанно порывалась к уничтожению зависимости, покуда наконец Грозный в 1551 году не уничтожил навсегда эти попытки совершенным уничтожением царства казанского, и присоединением его к России. При взятии Казани был сам царь, – Казань нами на славу взята; напротив, падение царства астраханского решено без всякого затруднения и удивления народа, уже получившего

привычку к успеху. Весной и летом 1557 года, воеводы князь Шемякин, постельничий Вешняков и стрелецкий голова Черемисинов без труда взяли Астрахань; ни один летописец не написал об этом панегириков, и тот же самый Курбский, так подробно описавший осаду Казани и все события жизни Грозного, едва мимоходом упомянул о падении Астрахани.

Падение двух царств мусульманских громко отозвалось на берегах Терека и Кубани и устрало горские племена: мелкие князьки начали заискивать покровительства русских до того, что многие из них семьями выехали в Россию, поступили на службу, крестились и сделались совершенно русскими. В «Никоновой летописи», начиная с 1552 по 1558 год, указывается на разновременные выезды в Россию горских или черкасских князей с их подданными, в том числе, в 1558 году, выехало семейство князя Темгрюка, с которым, в 1561 году, породнился сам царь, взяв за себя дочь этого князя, окрещённую под именем Марии; вместе с княжною крестился брат её Темгрюк Темгрюкович, и как шурина царский сделался замечательным лицом при дворе Грозного, под именем князя Михаила Черкасского. Он герой песни. Очень понятно, что на брак с черкешенкой дворская аристократия смотрела с завистью и ненавистью, народу же казался странным союз православного царя с басурманкой; о браках князей с дочерьми ханов этот народ давно позабыл, но царь думал и действовал по своему. Давно уже началась борьба его с боярами; бурные дни юности, крамолы и происки посеяли раздор между царём и боярами, и так верный личной неприязни к боярам, а главное к их старым, основанным на неприязненных самодержавию удельных началах, Грозный уже не хотел родниться с людьми родовитыми и потому, после кончины первой своей супруги, Анастасии, предпочёл всем боярским родам дочь князя Черкасского, и потом, верный той же системе, роднился тоже с людьми не родовыми, какими нибудь дворянами Колтовскими, Васильчиковыми, Нагими и новгородскими купцами Собакиными. Все эти фамилии быстро возвышались и первенствовали в дворской аристократии, но как это были люди новых понятий и всем обязанные царю, то Грозный не боялся их и не имел к ним личного нерасположения. Кроме того, в жизни Грозного были попытки избегать браков с подданными, и даже войти в родство с особами царственными. Так в 1551 году, он хотел жениться на дочери польского короля Казимира-Августа, и в 1584 году на племяннице Елисаветы английской,

Марии Гастингс. Но мы сказали уже, что все подобные браки не должны были встретить сочувствие в боярах и народе, и этот современный взгляд выразился в словах песни, что царь женится не у себя на Руси, а берёт жену в клятой орде, да ещё и с приданым полутораэта бояр и полтретьяста татар. Эти бояре, вероятно, многочисленное родство новой царицы, или подвластные уздени князя Черкасского. Вместе с царицей-черкешенкой новый мир азиатизма наполнил двор Грозного. Казаки и донцы не имели и не могли иметь ничего общего с князьями Черкасскими, но импровизатор их вставил, может быть и потому, что смешал их с ордынскими и ногайскими казаками, проявившимися на царской службе в одно время с черкесами, едва ли не под влиянием подданства последних. Далее, в песне очерчена картина пира, последствие которого само собою высказывает его грязную сторону; импровизатор, однакоже, отделяет своего героя, азиатского удалца Темгрюка, от всей его обстановки. Опьяневший черкес вызывает охотников померяться с ним молодецкою силою и даже упрекает Грозного в том, что у него нет борцов и охотников попробовать силы молодецкой. Являются два удалца Андреевичи, торгаши из перчаточного, или руковичного ряда и русский удалец не боится черкесского богатыря, неосторожно перебившего полтораэта человек; за то и импровизатор вполне выражает уважение к победителю самохвала-черкеса, назвав его почётным прозвищем вича, – национальное самолюбие удовлетворено в лице Андреевича. Сцена оканчивается словами Марьи Темгрюковны, которых нет в напечатанном варианте, но и в них несколько обрисовывается надменная азиатка, во все не гнушавшаяся тайно или явно присутствовать при оргиях и кулачном бое.

Кто бы ни был импровизатор песни, пусть даже скомо-рох, пусть сатира его – плод подкупа, личности, или просто природного юмора, но он хорошо исполнил своё дело: творение его пережило и переживёт ещё многие века. Что Темгрюк-Михаил был страшный злодей, даже при случае палач, – известно из истории. В 1568 году, в угодность Грозному, собственноручно разсёк он на части царского казначея-хозяина Юрьевича Тютиня, жену его и четырёх малолетних детей; но все подобные выходки в тот ужасный век были обыкновенны. Темгрюк жил и злодействовал, покуда жива была сестра его; с кончиной её, в 1569 году, царь женился на дочери новгородского купца Собакина, и родственники новой царицы оттес-

нили князей Черкасских; Темгрюк впал в немилость, и в 1571 году, погиб ужасной смертью – посажен на кол; но едва ли кто жалел oprичника, и едва ли не в это время проявилась песня о нём и царской женитьбе?

Изложив песню о Темгрюке, мы не сравнивали, в каких фразах оренбургский вариант несходен с напечатанным, но сюжет её не изменён, исключая слов царицы, и потому не находили нужным делать это сравнение. Оно ни к чему бы не повело. Мы коснулись только историческо-современно-общественной стороны песни. Предоставляем другим судить об оренбургском варианте и ценить его, как уже оценён давно напечатанный, единогласно признанный памятником поэзии XVI века.

Р. Игнатъев.

(Иллюстрация (Санкт-Петербург) 1862. 4 января)

№ 35. Древняя новгородская песня

Во многих местах Новгородской и Тверской губерний, сохранилась в народе песня из древнего семейного быта, о молодой девушке, выданной замуж за ганзейского купца и о девяти её братьях-разбойниках. По содержанию своему, песня явно сочинена в Новгороде, долее Пскова и Смоленска, сохранившем торговлю с ганзейскими городами. Иван III, в 1495 г., уничтожил, а сын Грозного, царь Фёдор, в 1596 году, снова возстановил торговые сношения Новгорода с Ганзою.

Прилагаемые здесь текст и мотив песни заимствованы мною из библиотеки одного любителя отечественных древностей, старорусского почётного гражданина А.А. Северикова. Текст этот и мотив, более всего слышатся в Старорусском и Бежецком уездах, древних Шалонской и Бежецкой пятинах господина Великого-Новгорода.

Adagio.

PIANO.

У мо - е - го — та ли
 Было дѣ - - - вать сыновѣ

D. C. al segno.

родна ба - - тю - шки у мо - ей —
 а де - ся - - - та - я всѣ братья —

та - ли родной ма - - ту - шки,
 мо - и всѣ вразбой по - шли.

D. C. al segno.

Adagio.

PIANO.

У мо - е - го та ли
 Было де - - - вять сыновъ

D.C. al segno.

родна ба - - тю - шки у мо - ей
 я де - ся - - та - я все братья

та - ли родной ма - - ту - шки,
 мо - и все вразбой по - шли.

D.C. al segno.

У моего-та-ли рѳдна батюшки,
 У моей-ли-та рѳдной матушки
 Было девять сынов – я десятая;
 Все братья мои, все в разбой пошли,
 А меня-ли младу замуж отдали,

Меня за море, за морьянина.
Уж я год жила, я другой жила,
А на третий год я дитю родила;
Уж я стала просить друга милого,
Друга милого – морьянина:
Ты свези меня в мою сторону,
К моему батюшке, к моей матушке.
Вот поехали в нашу сторону,
Как наехали да разбойнички;
Мила друга – что зарезали,
Милу дитятку в воду бросили,
А меня-ли младу во полон взяли,
Во полон взяли, стали спрашивать:
Ты скажи, скажи, ты с какой страны?
Чьего роду ты? чьего племени?
У моего-та-ли рódна батюшки,
У моей-та-ли рódной матушки
Было девять сынов – я десятая;
Все братья мои, все в разбой пошли,
А меня-ли младу замуж отдали,
Меня за море, за моремьянина.
– Ты сестрицушка! – ты голубушка!
Ты бери сколь хошь злата, серебра!
Мне не надобно злато, серебро,
А отдайте мне друга милого!
А отдайте мне милу дитятку!

Таков наивный рассказ, выраженный задушевым мотивом, одним из тех, которым выражал русский человек горесть утраты.

В тексте встречаем слово «морьянин», не встречаемое ни в одном из письменных памятников отечественных древностей; слова эти, бывшие на языке народа, не вошли в язык книжный, где слово морьянин, т. е. русский купец, торговавший в городах ганзейских, заменилось названием заморского купца. В напечатанной в III томе «Полного собрания русских летописей», в 1-й новгородской летописи, под 1156 годом читаем: «тогоже лета поставиша купцы заморстии святыя Пятницы на торговищи». Это были конечно не немцы, а русские, проживающие в областях Новгорода, Пскова и Смоленска, и благочестивый летописец не выразился бы так о церкви иностранной, иначе не называемой им, как «латинской божницею»

и немецкой ропатой». Церковь святой Пятницы ещё существует в Новгороде, на Торговой-стороне, близ Николодворищинского собора. На основании торговых договоров Новгорода 1230 и Смоленска 1228 годов с Готландом или Готским-берегом, как тамошнее, так и русское купечество разделялось на «гостей летних и зимних»; первые проживали на Руси, или Готском-берегу только летние месяцы, как открывался морской путь, а последние оставались на зиму и вообще, как кажется, проживали более продолжительное время. Эта торгово-обоюдная потребность долгого жития ганзейца на Руси и русского купца за морем, стала ещё более необходимою при вторичном возобновлении в Новгороде, в 1596 году, иностранной торговли и собственно, с Любеком и Швециею. В 1629 году, новгородский воевода, князь Дмитрий Михайлович Пожарский испрашивал царского разрешения учиться немцам русской грамоте у церковных дьячков, что и было дозволено. Иностранное купечество спокойно торговало и проживало в Новгороде до возмущения 1650 года, подробно описанного Олеарием; подозреваемые в монополии соляной и хлебной торговли, в сношениях с ненавистным народу боярином Морозовым, иностранцы бежали из Новгорода и из России.

Изложенная нами песня могла относиться к обоим эпохам торговой жизни древнего Новгорода, т. е. до 1495 года, или уничтожения иностранной торговли Иваном III, деспотически искоренявшим всякую самобытность вечевой области, всякий источник промышленности и богатства народного, – или же при вторичном возобновлении иностранной торговли, при Годунове, в 1596 году. Нам мало известен древний стихотворный язык наших предков, но в этой песне очерчен частный быт Новгорода – удальство-молодечество новгородское. Этим словом во времена тёмного варварства прикрывалось преступление, грабежи, убийства, право сильного. Отчего же было не погулять новгородцу в земле суздальской, суздальцу – в новгородской или рязанской, а тем более в Литве и Немецчине, хоть и во время мира; это были удальцы, витязи, а отнюдь не разбойники; совесть их была чиста; идя на добычу, удальцы-витязи делали обеты, жертвовали часть добытого монастырям, попам и мнихам за их молитвы и, монах-летописец наивно замечал: «тешатся молодые люди». Под теми же вековыми понятиями и здесь героиня песни наивно говорит, «что все её братья в разбой пошли».

Удадьство было в крови большинства, и особенно пскови-

чей и новгородцев, прямо в этом уличаемых их же летописцами. В последствии, при постепенном развитии государственном, начиная с великих князей московских, правительство стало иначе смотреть на это и искоренять удалство, как государственное и общественное зло, но за то каких вековых и энергических мер стоило ему искоренение этого зла. В актах археографической комиссии приведён безчисленный ряд подобных правительственных мер: наказы наместникам и воеводам, учреждение разбойного приказа, предоставление права головам, старостам и даже сельским начальникам судить и казнить разбойников; большая часть «Уложения» и дополнительных к нему боярских приговоров направлена против разбоев, а из «Полного собрания законов» усматриваем повторение тех же энергических мер при Петре I и его преемниках. Разбои и грабежи, по старой памяти времён вечевых, были сильны в провинции новгородской, на дороге к новой столице – Петербургу, начатой от Москвы под дирекциею Миниха. Мудрено ли, что песни русского народа сохранили много рассказов о разбойниках.

Назвав приведённый здесь вариант и пожалуй мотив - новгородскими, должно упомянуть о существовании других вариантов и других мотивов той же песни; они могут назваться московским, рязанским и пензенским; не знаем, может быть, существуют ещё другие варианты, также как и мотивы этой замечательной песни.

Р. Игнатъев.

(Иллюстрация. 1862. 11 января)

№ 36. Из Оренбурга

[Повторная перепечатка статьи «Письмо из Оренбурга (второе)» из «Московских ведомостей» за 1862 г. номер от 1 ноября, см.: первый том собрания сочинений Р.Г. Игнатъева, документ № 10. Здесь есть небольшие изменения: во втором абзаце отсутствует последнее предложение, нет последнего абзаца, подпись Р.Г. Игнатъева отсутствует].

(Северная почта (Санкт-Петербург). 1862. 4 ноября)

№ 37. Из Оренбургской губернии¹

В кружках здешних золотопромышленников, давно нетерпеливо ожидавших реформ Горного Устава, произвели не мало толков и опасений появившиеся в 12 книжке *Горного журнала* за 1863 год, впрочем не слишком давно здесь полученной, *предположения* о переменах в Уставе о золотопромышленности, извлечённые из доклада (№ 20) Высочайше утверждённой комиссии для пересмотра податей и сборов. Здесь, за исключением подати с металла, о которой никто нигде и не спорит, предполагается новый, тяжёлый налог по 50 коп. с погонной сажени пространства земли, отведённой под золотые прииски в размере от 100 до 250 кв. саж. в ширину и до 5 вёрст в длину; подать, таким образом составляющая довольно почтенную цифру, взносится к 1 Ноябрю в уездное казначейство тотчас по выдаче планов и актов на прииск; за просрочку взноса далее назначенного срока, т. е. 1 Ноября, золотопромышленник платит 10% штрафу; за невзнос к 1 Марту – прииск отбирается в казну. Наши Оренбургские золотопромышленники имеют свои доводы называть предполагаемый налог – тяжким. При бедности содержания здешних золотосодержащих розсыпей, самый лучший прииск в Оренбургской губернии не даёт более 10% дохода; отсюда же должно исключить законные подати, пошлины, гербовую бумагу, расходы на отправку золота в г. Екатеринбург для сдачи в казну, посылки и содержания корреспондентов, прогоны, разъезды, предвиденные и непредвиденные расходы, столь обыкновенные в нашей юридической жизни при хлопотах в присутственных местах... И так за всем этим, чистой прибыли останется не более 7%. В настоящее время у нас, в Оренбургской губернии, и так много приисков не разрабатывается по недостатку средств и плохой надежды на содержание розсыпей. – Может быть, предполагаемый налог сделан с целью убить монополию, но увы, вместо монополии, если ему суждено осуществиться, он может убить нашу золотопромышленность... В местах богатых золотом налог, пожалуй, и не устрошит; монополия с отва-

¹ Это аналогичный текст со статьёй «Из Верхнеуральского уезда», опубликованный в «Оренбургских губернских ведомостях» за 1864 г. номер от 2 мая, см. первый том собрания сочинений Р.Г. Игнатьева, документ № 14. В тексте не мало текстуальных исправлений, поэтому он приводится полностью повторно.

гою прежних откупщиков пойдёт захватывать золотые прииски; но как правительство желает сделать золотой промысел свободным для каждого, всем сословиям по словам предположения, следственно и далеко не капиталистам, а самый богатый прииск в Оренбургской губернии ниже посредственного в Сибири, то из 7% чистой прибыли за всеми расходами при новом налоге за погонную сажень, золотопромышленник будет трудиться даром; само собою, что после этого мало будет охотников пуститься в рискованное дело золотого промысла, так справедливо названного – лотереєю капиталов и трудов. Предположения ещё не закон, но уже в наших местах они были причиною, что небогатые люди, хотевшие приобрести, разумеется за сходную цену, вырабатывающиеся прииски, теперь отступаются от них и от всякого желания пуститься в лотерею счастья... Но здесь уже было всё готово, и строение и машины; на заведение всё что нужно, приступить к работе, и что же? покуда нужно ещё приготовляться к работе, не добыв ни 1 доли золотника, а уже нужно вносить подать не за качество, а количество земли; вдруг почва оказалась бедною; без разработки, не проникли в недра земли, промышленник ошибся в содержании почвы, он судил, да и не мог иначе, по признакам золота, и вот пропал капитал и труд, он разорился по причинам прямо от него независимым.

При рассмотрении как главных, так и второстепенных вопросов, каковы золотопромышленная администрация, хозяйство, – комиссия единственно основывала свои выводы из данных о Сибири, да и в заседаниях её, по приглашению, участвовали лишь Сибирские золотопромышленники, а потому Оренбургские едва ли не справедливо говорят, что каждая местность имеет свои условия, что хорошо в Сибири, то не применимо в Оренбургской или Пермской губернии, ещё более того на Кавказе где также происходит золотой промысел; всякий из промыслов возник и существует при различных условиях, а по этому полезнее бы было предварительно обсудить самый вопрос на месте, в местных комитетах, составленных из людей знакомых с делом золотопромышленности. Если благоразумною мерою правительства теперь предоставляется земству ведать свои нужды, если великий вопрос освобождения 20 миллионов разрешён только после предварительного обсуждения местных условий, то не менее кажется полезно было бы подвергнуть такому же обсуждению столь важный вопрос как золотой промысел, поспешность и небрежность также были бы

вредны и здесь, как и вообще в деле всяких реформ...

Операция настоящего года по видимому началась при благоприятных условиях; цены на всё не высокие, весна ранняя, так что к 25 Марта следы снега разве остались на вершинах благословенного Урала.

Р. Игнатъев.
13 апреля 1864 г.
Ст. Тунгаторово
(День (Москва). 1864. 2 мая)

№ 38. Ещё по поводу провинциального безмолвия

Прочитав в № 7 вашего многоуважаемого журнала статью: *по поводу провинциального безмолвия*, – как сам провинциал и коснеющий в глуши и через-чур худо владеющий пером, но всегда интересовавшийся созданием провинциальной литературы и заявлявший о том в 146 № *Иллюстрации* за 1860 г. и 115 № *Московских Ведомостей* за 1861 г., считаю долгом, как могу и сумею, сказать здесь по этому поводу несколько слов, – благо вопрос снова поднят. В статьях моих, на которые указываю, было высказано о необходимости начать создание провинциальной литературы, покуда всякая провинция не будет иметь своих частных литературных органов, реформой теперь существующих *Губернских Ведомостей*. Этим ведомостям надобно, по нашему, мнению дать другую программу, нужно поощрять редакторов и сотрудников, а главное снять лишнюю обузу с губернского начальства быть издателем ведомостей – передачею их вместе с типографиею в *частные руки* за арендную плату и с предоставлением, конечно, всех нынешних типографских доходов. Наконец, надобно, чтоб провинциальная цензура не была удвоенной цензурой, а подведена под общие правила, чтобы провинция могла печатно высказывать свои нужды точно в той же степени, в какой это дозволено столичной прессе, лучше сказать центральной, так как у нас на Руси развита полная централизация литературы... Словом, настоящий вопрос – старый вопрос, поднятый хотя и в недавние, но кажущиеся нам по всему за давно прошедшие времена, когда по этому вопросу много высказано было разных журнальных мнений, но о большей свободе слова, какой все желают теперь, тогда ещё только толковали в кружках образованного общества, а отнюдь не в печати... И так, именно теперь настала пора возобновить, *усилить* этот во-

прос, слишком важный для нас; без большей свободы печати – создание и жизнь провинциальной литературы – не мыслимы... Впрочем, при полной надежде на светлую будущность, должны сказать правду, что и прежний голос журналов не был вопиющим в пустыне, реформа частью коснулась *Губ. Ведомостей*, и кроме того некоторые из провинциальных газет получили право на печатание (что прежде запрещалось) статей чисто литературных, беллетристики, телеграмм. Следственно, со стороны правительства нет препятствий; если право дано некоторым редакциям, значит может быть дано и прочим, если они будут о том просить; правительство не препятствовало и не препятствует изданию «Рыбинского листка», «Волги» и проч. чисто местных органов помимо *Губернских Ведомостей*, но все таковые издания – менее чем капля в море, судя по современным требованиям. Кроме того были и есть просвещённые начальники, которые на сколько зависило от них, старались и стараются о газете своего края; есть редакции *Губ. Ведом.* обещающие хоть и самые скромные, но всё-таки гонорарии за статьи, в них помещаемые. За всем тем сами ведомости всё в прежнем застое, всё ещё не сделали ни шагу вперёд, всё ещё в общем пренебрежении общества, всё ещё не находят сотрудников – сотрудники всё ещё стыдятся помещать свои статьи и всё ещё по прежнему наши провинциальные органы – или панегиристы или Молчалины, или же мало, иные даже совсем ничего не говорят о том крае, во имя которого издаются; даже газеты наших университетских и лицейских городов хранят упорное молчание – в ограждение, вероятно, себя от греха языкочесания и в доказательство, что провинция крепко стоит, блаженствует и не о чём ей говорить. После этого как же центральная наша журналистика сетует на провинциальных корреспондентов? ведь не сообщать же хоть мне в ваш журнал, вместо живой вести, казённую фразу: у нас состоит всё благополучно, нового ничего нет, живём и накрепко блаженствуем, на основании профессорской конфуциевской премудрости...

Одну из многих причин, почему у нас нет местной литературы, местных органов – кроме двойной и какой-то особо строгой цензуры всему, что выходит в провинции, кроме зависимости провинциальной газеты от начальственного воззрения, кроме нахождения её в руках благонадёжных чиновников, – одну из причин составляет, бог знает откуда выработавшееся, мнение провинциального общества о своей литера-

туре и литераторах, в которых видят или вредных или самых пустых людей. Надобно сказать правду: провинциальное общество грешит через-чур странной обидчивостью и боязливостью и часто видит намёк там, где никто не думал его делать; оно через-чур щекотливо и нередко готово, при первом поводе, с дикостью Каракаллы преследовать своих непрошенных литераторов, чему было так много примеров, заявленных даже в печати. Откуда же взять деятелей в провинции для провинциальной газеты? При настоящих условиях не откуда, покуда дверь ограждения не отопрётся большею свободою слова. Если я не чужд литературного дарования, то, живя в столице, я могу себе даже сделать профессию; в провинции об этом нельзя и подумать; если я не богат, то, не отваживаясь на участь Чаттертона, должен или служить, или торговать, или учить: мне нет времени обдумывать мои статьи: литературе я могу посвятить лишь часы досуга, а этих часов так мало, что их едва достёт на отдых от многочасового сидения в канцелярии, в лавке или за учительским столом; да ещё и в час литературного досуга надлежит сдерживаться осторожностью, дабы не раздражить гусей, особенно если я зависим от них; дабы не встретить грозного veto или, ещё того грознее, Чичерински подъятую десницу за нарушение безмолвия. И молчим, грустно молчим мы, провинциалы, полные чудного благоговения к непостижимой судьбе и мудрому молчанию. Молчим даже и от невнимания центральной прессы к провинциальным органам; заметила ли, оценила ли пресса дельные статьи, а такие статьи бывали в *Губернских Ведомостях*? Нет, от нас требуют новостей интересных лишь по различным мнениям разных редакций, а не местно интересных, да и к тому же при самом тщательном литературном изложении. Все ли журналы широко раскрыли свои столбцы и страницы провинциальным корреспондентам? все ли внимательно оценили и вознаградили с материальной стороны своих корреспондентов: напротив, мы знаем много примеров, кончившихся на одних великолепных обещаниях. В самом деле, живя за сотни, тысячи вёрст, трудно мне переговариваться, а главное хлопотать о себе у редакций, из которых иные сами, бывали примеры, возникали с нечестною, слишком спекулятивною целью, и за это довольно наказаны: умирали или падали пред справедливым судом общества. Прибавьте, не в оправдание, а в объяснение нашей провинциальной вины – мало развитое ещё образование, отсутствие, или замкнутость иных библиотек в провинции и неимение даже в

большинстве губернских городов – книжных лавок. И так извольте заниматься литературою и черпать научные сведения – живя в уездном городке или его округе!

Редакция *Губернских Ведомостей* поручается большею частью столоначальнику газетного стола, которому не до литературы, да он и не готовил никогда себя в литераторы, тем более в редакторы. Иногда же обязательный начальник предлагает это звание вам – на том основании, что вы чиновник или педагог, имеющий свободное время от ваших занятий по службе, или же вы кончили курс, имеете диплом высшего учебного заведения, а поэтому – предполагается – уж непременно редактор и писатель: «займитесь-ка, говорит он, на досуге нашей газетой, вот вам 300 руб. сереб. сверх вашего оклада, а в будущем доброе местечко». Отчего, думает педагог или чиновник с досужим временем, или господин с дипломом, не заняться покамест, и вот начинается редакторство, приносящее известные плоды и переходящее из рук в руки по мере получения штатного места. – Для *Губернских Ведомостей* необходимы постоянные корреспонденты в уездах и во всякой местности: будь это не более как бедная деревушка и той найдётся о чём поговорить, какие печатно высказать нужды; но кто будет корреспондентом *Губернских Ведомостей* при всей нашей насчастной обстановке, среди этой тьмы тем препятствий?

При таком грустном факте нельзя не согласиться с почтенным автором статьи *по поводу провинциального безмолвия* в том, что на первый раз годятся быть органами провинциальной журналистики – и *Губернские Ведомости*, при изменённой, конечно, а не нынешней их программе, и что в этом великом деле легко может помочь нам правительство, которое, мы не вправе и сомневаться, конечно и не прочь от этой помощи. Но, полагаем, этого ещё одного недостаточно; нужно также и внимание со стороны столичной прессы, нужно, чтоб та и другая обоюдно подали руку помощи, и вместе, без всякой задней мысли, действовали в общем деле Русской земли. Полагать должно, что даже здесь недостаточно одного простора слова, покуда это же слово не пересоздаст умственного строя провинциального общества... Но во всяком случае, пока не изменятся условия цензуры, до тех пор едва ли найдутся люди достаточно смелые, чтоб быть издателями или арендаторами провинциальных ведомостей. Впрочем, мы думаем, на зов правительства, хоть не везде, но всё же явились бы же-

лающие взять на аренду *Губернские Ведомости* и типографию, и нам достаточно будет, если из 63-х 3–4 губернии на первых порах приступят к этому, а там время доделает остальное.

Но предварительно такого перехода, в случае неяви желающих арендовать *Губернские Ведомости* с типографией, не лучше ли б было, в виде переходной меры, передать и ведомости и типографию в полное заведывание и доходную статью *губернских и областных статистических комитетов*, на усиление их слишком ничтожных средств к теперешнему существованию? *Губернские Ведомости* с учреждения статистических комитетов считаются их органами, а сами комитеты ничто иное, как губернское учёное общество под покровительством губернаторов. Издание местной газеты и ведение типографией принадлежит скорее, по нашему мнению, местному учёному обществу, нежели местно-административному присутственному месту, да и по передаче в аренду, арендную плату тоже приличнее получать статистическому комитету, нежели губернскому правлению. Если академия наук и Московский университет имеют свои ведомости, отдавая их в аренду вместе с типографией, как своё достояние, то почему же это право не могло бы быть относимо и к статистическим комитетам? Мы полагаем, или, лучше сказать, повторяем свою мысль, что *Губернским Ведомостям* всего приличнее состоять за статистическими комитетами. Пусть в переходное время провинциальной прессы комитеты заботятся, по своему усмотрению, изданием ведомостей, не стесняясь никакими регламентациями, никакими отжившими формальностями, а ведут дело согласно с требованиями читающей публики; пусть газета будет по прежнему еженедельная или же каждодневная, но составленная по программе столичных ведомостей; пусть комитеты избирают редакторов из числа своих членов, но уже с тем, чтобы они не отвлекались ни служебными и никакими другими занятиями, даже хотя бы и по комитету: два дела вдруг делать, да ещё и порядочно делать, невозможно. Всего лучше, чтобы редактор был лицо стороннее, оказавшее прежде того свои литературные способности, а таковых хоть один-два на целую губернию и теперь найдётся; но главное, чтобы редактор был поставлен в зависимость *закона о печати*, а не от стороннего влияния, чтоб он один, а не другой кто за него ответствен перед законом. С передачею редакции статистическому комитету или же в аренду, сделали бы не нужным га-

зетный стол губернского правления, со всем штатом служащих; сами присутственные места могут озаботиться о сообщении редакции всего того, что печатается теперь в *Губернских Ведомостях*; следственно, кроме экономии казённого интереса, сокращается несколько и без того колоссальная переписка по губернским правлениям.

Так, высказав моё мнение, может быть и далеко не бесспорное, в настоящем серьёзном, безотлагательном вопросе, требующем не малого обсуждения, я повергаю его на суд общественный, и желал бы, чтобы изложенное мною не осталось без внимания со стороны людей близко заинтересованных этим важным делом.

Р. Игнатъев
(День. 1864. 1 августа)

Приложения

Переписка Р.Г. Игнатьева и М.В. Лоссиевского

[Из заметки М.В. Лоссиевского]:

К статье «Из далёкого прошлого»¹.

Заканчиваю свою статью таким далеко неутешительным заключением, как ожидание разрешения вопроса о коренных, извечных обитателях нашего края, от будущего, и – быть может далекого будущего, я не ожидал такого скорого подтверждения своих выводов относительно жизни и религии чудского народа, какое нашёл в письме ко мне члена Московского Археологического Общества, уважаемого *Р.Г. Игнатьева*, который своими личными трудами заложил краеугольный камень разработки истории нашего, крайне интересного во многих отношениях, края; трудами тем более ценными, чем менее ему на этом поприще сотрудников: поле для жатвы слишком обширно, но – «много бранных, да мало избранных»² и немного найдётся рабов господина своего, которые, пустив в оборот, данный им господином их талант удвоили или утроили бы его, большая часть и единственный свой талант зарывает в землю. Много и спросится с таких рабов.

Интересно было бы знать, долго ли мы вообще будем придерживаться правила, внушаемого ещё нашим пра-прадедам и пользовавшегося у них большим уважением:

«Братие не высокоумствуйте! но в смирении пребывайте, посему же прочая разумевайте. Аще кто ти речет: веси-ли всю философию? и ты ему рцы: Элинских борзостей не текох, ни

¹ Краеведческая работа М.В. Лоссиевского «Из далёкого прошлого (К истории заселения Оренбургского края)», где использованы и публикации Р.Г. Игнатьева, публиковалась в «Уфимских губернских ведомостях» в 1876 г. с 10 июля (№ 28) по № 30.

² Невольно припоминаются при этом слова Блеза Паскаля: «... я рассчитывал, по-крайней мере, найти товарищей при изучении человека, так как эго знание ему присуще. Между тем я ошибся». *Pensee* 26, art. IX, 1-*re* partie. Для сравнения привожу слова из доклада секретаря Калужского Статистического Комитета (Калужские Губ. Ведом. за 1876 г. № 44). «Меня поражает один довольно выдающийся факт: – это полное отсутствие в комитете каких бы то ни было сотруднических статей или хотя бы самых незначительных вкладов со стороны лиц, неслужащих в Комитете. Понятно после этого, что и самое издание трудов комитета до сих пор ограничивалось одними памятными книжками», и затем предлагает Собранию отнестись с просьбою о сотрудничестве к учителям (вообще), священникам, землевладельцам, фабрикантам и проч. Прим. Авт.

риторских астрономов не читах, ни с мудрыми философы не бывах, учуся книгам благодатного закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от грех»¹.

Привожу письмо Р.Г. Игнатьева целиком.

*«Милостивый Государь,
Михаил Владимирович!*

Прочитав Вашу статью в № 28, 29 и 30 Уфимских Ведомостей «Из далёкого прошлого», где вы говорите, что курганы, приписываемые неизвестному, чуждому, давно исчезнувшему из нынешней Уфимской Губернии народу, или Чуди – насыпались прямо над жилищами умерших, служивших им при жизни со всею утварью и домашними животными, я желал бы дополнить это следующими данными моих раскопок.

Производя ещё [в] 1864 г. исследование курганов Челябинского уезда, Оренб. губерн., которые все имеют ту же форму, как и в Уфимской кольцеобразную и зовутся «Чудскими», в смысле чуждого, неизвестного и давно исчезнувшего народа, жившего в здешних местах, я имею сообщить Вам, что в 1 ½ версте от села Таловского, Челябинского уезда, в перелеске, мне показали место, называемое «Чудской бор». Здесь, говорят жители, была чудская деревня. В этом бору я нашёл признаки 100 ям, по 50 на каждую сторону, имеющие все одну и ту же полуквадратную форму, один и тот же размер в виде продолговатого четырёхугольника в 8 ¾ саж. длиною и 3 ¼ саж. шириною. Видя это, я обратился, по данному мне праву на раскопки Московским Археологическим Обществом и Оренбургским Статистическим Комитетом, в Таловское Волостное Правление, но встретил медленность и это, как открылось после, было вследствие суеверия, что за раскопку грозит месть даже до 4 колена Чудской Княгини Анны тем, кто дотронется до могил или жилья её народа. Княгиня Анна, являлась во сне только женщинам и обыкновенно в белой одежде, с распущенными волосами и ребёнком в руках. На помощь мою вызвалось 10 человек молодёжи, из них на половину были ученики здешнего сельского училища, в том числе и двое из Челябинского уездного училища. Мы раскопали 15 ям и везде ровно в глубину 3 арш. нашли разрушенные временем *очаги* или так называемые *каменки*, состоящие из массы обожжённой

¹ Пекарский, I. 3.

глины; здесь же были уголья и зола – ясный признак обитаемости. По моему мнению чуждый или неизвестный народ жил в землянках, крытых деревом или каменными плитами. Я делал раскопки в 15 ямах глубже 3 арш.: не найду ли чего? но ничего найдено небыло. Об этих раскопках все подробности, вместе с чертежом местности, находятся в Московском Археологическом Обществе.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Р. Игнатъев.

Член Оренбургского Статистического Комитета и Московского Археологического Общества.

23 Июля 1876 г.

г. Уфа

P.S. Вот что ещё Вам могу сказать: я раскапывал чудские курганы в Уфимской и Оренбургской губерниях, при находке оружия например мечей, они были переломаны натрое. Серебрянные палочки, окрашенные синей краской тоже; посуда – чашечки, глинянные и графитовые непременно разбитые; зола и угли непременно были в каждом кургане. Видно, что было жертвоприношение, но не можем сказать сожигались ли трупы, так как кости и остовы находим необожжёнными. В кургане около Уфы, на так называемом магометанском кладбище, в 1867 г. найдены остатки гроба, обитого листовым серебром, толщиной в писчую бумагу и кости детские. Эти вещи, равно и кости находятся в музее Московского Археологического Общества.

Таким образом, резюмируя всё сказанное мною о Чуди в моей статье, получим следующие положения или тезисы:

1) Чудь жила в землянках, т. е. в ямах, вырытых в земле и покрытых сверху плитными сводами.

2) Религия чуди представляла собою обоготворение видимых предметов, т. е. находилось под влиянием тотемизма – 3-й ступени естественно-религиозного развития.

3) При похоронах Чудь ломала и била вещи, убивала скот, а быть может жён и рабов умершего, с целью заставить их служить ему и в будущей жизни и, оставляя умершего в его жилище, делала над ним насыпь, названную в последствии курганом или сопкой.

Вот все мои выводы, вполне подтверждённые выше письмом ко мне исследователя курганов нашего края – Р.Г. Игнатъев.

ева, которому и приношу вполне искреннейшую благодарность за его сообщения.

М.В. Лосиевский
Уфа, 1876 года.

Июль.

(Уфимские губернские ведомости. 1876. 31 июля)

Предполагаемые статьи Р.Г. Игнатьева

№ 1. Флоров день, 18 Августа, в Уфе

Празднуемые 18 Августа святые Флор и Лавр почитаются в народе покровителями лошадей и везде у нас на Руси, где только существуют церкви в честь св. Флора и Лавра, в этот день к церкви приводят лошадей, которых после молебствия окропляют святой водой. Откуда и когда заимствован этот обычай и почему именно св. Флор и Лавр считаются покровителями лошадей – неизвестно. Из жизнеописания этих святых, помещённого в четии-минеи и прологе, видно, что св. Флор и Лавр были каменотёсы и замучены в Риме при Императоре Диоклитиане за исповедание христианской веры, и далее в событиях из жизни св. Флора и Лавра ничего такого нет, чтобы давало повод к поверью о покровительстве лошадям. Не было ли, во время язычества на Руси, в этот день, 18 Августа, чего либо подобного; не считался ли этот день праздником лошадей? но нет – едвали. В языческой Руси богом всех животных считался Волос, которому праздновалось 12 Февраля, когда теперь празднуется у нас св. Власию. Св. Власий Епископ Севастийский, живший при Римском Императоре Диоклитиане, найден в пустыне, окружённый дикими зверями, и его так и изображают на иконах; Русские, во время язычества, едвали не смешали своего Волоса с св. Власием Севастийским.

В уфе была церковь св. мученик Флора и Лавра; она находилась в нескольких саженьях от нынешней церкви св. Пророка Илии. Народное предание говорит, что церковь св. Флора и Лавра построена в XVII веке, послучаю прекращения в этот день конского падежа, и с этих пор, по примеру других городов, в уфе, в день храмового её праздника, стали приводить к церкви лошадей, которых, по окончании, службы и молебствия, окропляли св. водой поручая их этим как бы покровительству празднуемых святых; кроме того, в этот день совер-

шался из бывшего Смоленского собора, что теперь церковь св. Троицы, крестный ход, уже давно отменённый. Флоровская церковь была деревянная, сломана за ветхостию в 1846 году; древний образ св. Флора и Лавра перешёл в ильинскую церковь, но в память бывшей церкви осталось название улицы – «Флоровская».

Нам случилось 18 августа быть на так называемом конском празднике в Ильинской церкви в будний день; в церкви было мало, но за то вокруг церкви собралась многочисленная публика, верхом на лошадях, украшенных лентами и цветами; цветочные украшения некоторых лошадей были сделаны с особенным вкусом и заметно – сделано женскими руками. Между лошадьми нельзя было незаметить красивого верхового коня, убранного гирляндами из всевозможных цветов, какие только в настоящее время производит наша Уфимская флора... После окончания обедни, из Ильинской церкви были подняты св. иконы и на месте, как говорит предание, бывшей по поводу молебствия в этот день, деревянной часовни, тоже давно сломанной, был отправлен молебен св. Флору и Лавру, а за тем последовало освящение воды и окропление ею всех лошадей; процессия возвратилась в церковь, а импровизированная кавалерия разъехалась.

Но мы всё таки задаёмся мыслью: откуда произошло поверье о покровительстве св. Флора и Лавра лошадям и почему везде в православной Руси, где только есть в честь этих святых храмы, совершается, подобное же нашему Уфимскому празднество? Откуда нам это? Когда? – и не находим ответа.

Феопент Взиранский

(Уфимские губернские ведомости. 1875. 30 августа)

СОДЕРЖАНИЕ:

Роднов М.И. Научно-публицистическая деятельность Р.Г. Игнатъева во второй половине 1870-х гг.....3

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУФА ГАВРИЛОВИЧА ИГНАТЬЕВА, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

1875 год

№ 1. Опыт исследования базара в г. Кургане.....26

№ 2. Материалы для истории чудотворной иконы Св. Николая в селе Берёзовке-Камской.....34

№ 3. Суд над бригадиром Аксаковым.....39

№ 4. Грамота Царя Феодора Иоанновича 1593 года на пожалование Уфимскому протопопу Андриану земли.....39

№ 5. Заметка о вскрытии и замерзании вод в некоторых местностях Уфимской губернии.....41

1876 год

№ 6. Воспоминание 25 Марта 1774 года.....44

№ 7. Уфа. 19 марта 1876 года.....47

№ 8. Заметки о церкви св. Троицы, прежнем Смоленском Кафедральном Соборе, в Уфе.....49

№ 9. Село Свиные горы Елабужского уезда.....55

№ 10. Уфа 27 марта 1876 г.....55

№ 11. Заметка о сибирской летописи.....57

№ 12. Шайтановы мухи (башкирская легенда) (в соавторстве с М. Лосиевским).....58

№ 13. Ещё несколько слов об Иване Ивановиче Михельсоне..	61
№ 14–15. Названия вод, урочищ и проч., как памятники Югров в Уфимской губернии.....	65
№ 16. Материалы Р.Г. Игнатьева для газетного переиздания текста книги И. Жуковского.....	104
№ 17. Где погребён И.И. Неплюев?.....	105
№ 18. Суд над бригадиром Аксаковым.....	107
№ 19. Заметка о золотопромышленности г. Орска.....	107
№ 20. Краткое историческое известие о городах Уфимской губернии.....	109
<i>1877 год</i>	
№ 21. Могила писателя Петра Ивановича Рычкова.....	122
№ 22. Могила писателя Петра Ивановича Рычкова.....	125
№ 23. Поминки по защитникам г. Уфы в пугачёвщину 1773–1774 годов.....	126
№ 24. Поминки по защитникам г. Уфы в пугачёвщину 1773–1774 годов.....	129
№ 25. Георгиев день в Уфе.....	130
<i>1878</i>	
№ 26. Сто-четырёх летняя годовщина воспоминания избавления г. Уфы от тяжкой и долговременной осады мятежными шайками Пугачёва.....	132
№ 27. Мавра Ивановна Муравина, уфимская римско-католичка.....	134
№ 28. Корреспонденция Р.Г. Игнатьева из Минска.....	148

№ 29. Использованные материалы Р.Г. Игнатьева о городах.....149

1879

№ 30. Память спасения г. Уфы от долговременной и тяжкой осады её скопищами Пугачёва.....150

№ 31. Звонарь Добров.....151

№ 32. Звонарь Добров.....152

№ 33. Случай из жизни Преосвященного Михаила, бывшего епископа Оренбургского и уфимского.....155

1862

№ 34. Оренбургский вариант древней песни о князе Темгрюке Черкасском.....158

№ 35. Древняя новгородская песня.....165

№ 36. Из Оренбурга.....170

1864

№ 37. Из Оренбургской губернии.....171

№ 38. Ещё по поводу провинциального безмолвия.....173

Приложения

Переписка Р.Г. Игнатьева и М.В. Лосиевского.....179

Предполагаемые статьи Р.Г. Игнатьева

№ 1. Флоров день, 18 Августа, в Уфе.....182

Научное издание

Руф Игнатъев
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
(уфимский и оренбургский период)

Том VI
1875–1879, 1864, 1864 годы

Составитель
Роднов Михаил Игоревич